

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 8(68) 2020

www.theoreticaleconomy.ru

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Вахрушева Н.А. (Ярославль, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: vagordeev@rambler.ru

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Мелиховский В.М. (Ярославль, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Теоретическая экономия: «ВПЕРЁД И ВЫШЕ...».....	4
---	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Альпидовская М.Л. Общие контуры будущего: закономерности глобального постмодерна или альтер мира нового человека.....	11
Смирнов А.В. Мнимые отношения между хозяйственными субъектами как одна из причин стагнации.....	24

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЯГТУ О ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Корнилов А.М. Цифровая трансформация мировой хозяйственной системы: актуальные дилеммы и риски.....	32
--	----

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Синенко О.А. Трансформация налогообложения доходов физических лиц в условиях цифровизации экономики.....	39
Павлова Ю.А. Методы и модели анализа состояния оборотных средств и эффективности системы управления оборотными активами бизнес-организации.....	55

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Чао Чжихун Анализ участия России в региональном сотрудничестве Северо-Восточной Азии и его ограничительные факторы.....	65
Карачев И.А., Сапир Е.В. Специальные экономические зоны России и Китая: оценка возникающих эффектов.....	71

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Реус С.П. Перспективы экономического роста российской экономики: влияние covid-19 на данные процессы.....	82
Злыгостев А.А. Стейкхолдерская стоимость: понимание и оценка.....	92

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Примышев И.Н. Отклик на отзыв Кузнецова А.В. по статье Примышева И.Н. «Факторы и современные модели экономического роста и развития».....	106
--	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

СЛОВО О ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧЕ КОРНЯКОВЕ	109
--	-----

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: «ВПЕРЁД И ВЫШЕ...»

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»,
действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vagordeev@rambler.ru
SPIN-код: 1618-5817

Аннотация: В статье предлагается редакторский обзор материалов восьмого (шестьдесят восьмого) номера, которым мы совсем приблизились к завершению десятого, юбилейного, года выпуска нашего издания. В обзоре показано, что материалы номера, выдвигают новые идеи, которые, на наш взгляд, «вперед и выше ...», по выражению члена редколлегии Б.Д. Бабаева, продвигают-поднимают наше общее дело разработки и развития концепции теоретической экономики. В обзоре охарактеризовано, какие именно эти идеи. Показано, что в разной степени они характеризуют и знакомых читателям, и новых авторов. Особое внимание, как уже стало традицией, уделено актуальным проблемам теоретической экономики, теоретико-экономическим аспектам исследования новой индустриализации и цифровой экономики, обсуждавшимся на международной конференции в ЯГТУ, современным проблемам мировой экономики.

Ключевые слова: теоретическая экономия; цифровая экономика; новая индустриализация; современные проблемы мировой экономики; творчество молодых исследователей; научная жизнь.

JEL: A13; A14

THEORETICAL ECONOMY: NEW IDEAS, DEEP AND NOT VERY

Valery Gordeev, doctor of Economics,
chief editor of the journal Theoretical Economics,
Yaroslavl state technical University
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The article offers an editorial review of the materials of the eighth (sixty-eighth) issue, with which we are very close to the end of the tenth, anniversary, year of our publication. The review shows that the materials of the issue put forward new ideas, which, in our opinion, «forward and higher ...», in the words of a member of the editorial board B.D. Babayev, promote and raise our common cause of developing and developing the concept of theoretical economy. The review describes exactly what these ideas are. It is shown that, to varying degrees, they characterize both familiar to readers and new authors. Particular attention, as has already become a tradition, is paid to topical problems of theoretical economics, theoretical and economic aspects of the study of new industrialization and the digital economy, which were discussed at an international conference at YaGTU, modern problems of the world economy.

Keywords: theoretical economy; digital economy; new industrialization; modern problems of the global economy; creativity of young researchers; scientific life.

Здравствуйтесь, уважаемый читатель!

Представляем Вам очередной, восьмой (шестьдесят восьмой), номер нашего сетевого издания, которым мы ещё больше приблизились к завершению десятого, юбилейного, года нашего общения

с Вами. По нашему мнению, материалы этого номера продвигают-поднимают «Вперед и выше ...», по выражению члена редколлегии Бронислава Дмитриевич Бабаева, дело развития выдвинутой нами концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях.

Сначала традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономики», где опубликованы в данном номере две работы. Во-первых, статья под названием «Общие контуры будущего: закономерности глобального постмодерна или альтер мира нового человека». Её написала Альпидовская Марина Леонидовна, доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва, Российская Федерация). Она известна Вам, уважаемый читатель, и как член редколлегии, и как активный автор нашего журнала [см., например: 1; 2; 3; 4; 5; 6]. В эпоху глобального кризиса капитализма начала XXI века, отмечает автор в предлагаемой сейчас статье, процесс формирования глобального классового общества предусматривает создание аппарата принуждения и насилия. Современные технологии, как мы видим по оцифровке всего и вся, способствуют, считает Марина Леонидовна, оперативной эффективности процесса приватизации результатов чужого труда. Варианты иной, другой высокотехнологичной человеческой цивилизации со сверхновыми технологиями, которые служат самому человеку в целях реализации его «божественного» предназначения возможны, замечает автор, и весьма не виртуальны. Но, доказывает М.Л. Альпидовская, это реализуемо исключительно в условиях осознания и осмысления происходящего, формирования нового рационального понимания мира и обретения воли. В статье на основе методологии классической и современной политической экономики раскрыты возможные варианты посткризисного развития современной капиталистической системы и выявлены основные противоречия капитализма, выступающие движущими силами процесса мир-системной трансфигурации.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья под названием «Мнимые отношения между хозяйственными субъектами как одна из причин стагнации». Её представил впервые выступающий в нашем журнале Смирнов Андрей Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь, Российская Федерация). Экономика России, отмечает автор, находится в состоянии продолжительной стагнации. На сегодняшний день, считает А.В. Смирнов, отсутствует единая программа социально-экономического развития страны ввиду существующих противоречий во взглядах ведущих экономистов страны в экономической теории. Последствия такого положения, убежден автор, ставят под угрозу экономическую безопасность нашей страны. Научному сообществу, доказывает А.В. Смирнов, важно прийти к общему знаменателю в дискуссиях о программе развития экономики нашей страны. Одним из предметов спора, по его мнению, выступает центральное понятие экономической теории «*homo economicus*». В подавляющем большинстве научных трудов оно подвергается критике. Предлагается в статье рассмотреть генезис «*homo economicus*» и на базе субъектно-субъективного подхода предложить одну из версий разрешения сложившихся противоречий.

Затем Вашему вниманию представляется рубрика «Конференция в ЯГТУ ...». В данном номере в этой рубрике мы знакомим Вас с материалом под названием «Цифровая трансформация мировой хозяйственной системы: актуальные дилеммы и риски». Его автор, тоже впервые выступающий у нас, – Корнилов Алексей Михайлович, соискатель ученой степени кандидата экономических наук из Департамента экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ» (г. Москва, Российская Федерация). Цифровая трансформация, которую переживает мировая хозяйственная система, отмечает автор, в последнее время воспринимается как некое универсальное решение всех проблем мирового хозяйства. Между тем, показывает А.М. Корнилов, самая её концептуальная основа такова, что обещает в ближайшем будущем не столько построение утопичной

«экономики знаний», но скорее институционализацию имитационного развития и формирование экономики финансовых пузырей. В статье исследуется, насколько безальтернативна эта перспектива.

В следующей рубрике – «Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект» – публикуется в этом номере два материала. Во-первых, статья под названием «Трансформация налогообложения доходов физических лиц в условиях цифровизации экономики». Её представила тоже новый для нас автор – Синенко Ольга Андреевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Финансы и кредит» Школы экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», (г. Владивосток, Российская Федерация). В условиях цифровизации экономики, считает она, возникает необходимость адаптации налоговой системы в сфере налогообложения доходов физических лиц к новой интеллектуально-информационной эпохе, т.е. разработка оптимальных механизмов налогообложения и налогового администрирования доходов физических лиц. В работе использованы методы логического и системного анализа и синтеза эволюции налогообложения и налогового администрирования доходов физических лиц. Исследован опыт налогообложения доходов физических лиц в условиях цифровизации экономики. Выделены тренды цифровой экономики, влияющие на налогообложение доходов физических лиц, и обоснованы проблемы, к которым они приводят. Проведен анализ влияния цифровизации на поступления по налогу на доходы физических лиц и на уровень безработицы. А также предложен комплекс рекомендаций по совершенствованию системы налогообложения доходов физических лиц в России в условиях цифровизации. Актуальность данной работы заключается в высокой значимости возникающих в процессе цифровизации экономики угроз для сферы налогообложения доходов физических лиц.

Затем в этой рубрике со статьей под названием «Методы и модели анализа состояния оборотных средств и эффективности системы управления оборотными активами бизнес-организации» выступает Павлова Юлия Алиевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление на предприятии нефтяной и газовой промышленности» ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», (г. Уфа, Российская Федерация). Она тоже впервые публикуется у нас. Целью экономического анализа состояния оборотных средств, заявила Юлия Алиевна, является получение целостной и объективной картины технико-экономического состояния и результатов хозяйственной деятельности бизнес-организации. В статье определены объекты, цели анализа, исполнители анализа, а также круг пользователей, для которых предназначаются результаты анализа состояния оборотных средств предприятия. Достаточной четкости в терминологии и, соответственно, в расчетах показателей эффективности использования оборотных средств пока нет, констатирует автор. В статье приведена усовершенствованная система показателей эффективности использования оборотных средств предприятия, в которой, по мнению автора, можно выделить три основные группы показателей: показатели производительности факторов производства (ресурсов); показатели доходности (прибыльности, рентабельности) предпринимательской деятельности; показатели оборачиваемости. Такое совершенствование и упорядочивание системы показателей эффективности использования оборотных средств бизнес-организации, предложенное автором, способствует получению более целостного и объективного результата анализа, что обеспечивает поддержание непрерывности процесса производства, объективность отчетности, сохранение и пополнение собственных оборотных средств, ускорение оборачиваемости текущих активов, оптимизацию затрат бизнес-организации, а также корректную оценку перспектив развития предприятия.

Далее мы представляем Вашему вниманию рубрику под названием «Современные проблемы мировой экономики». В данном номере мы знакомим Вас с двумя материалами этой рубрики. Во-первых, статья под названием «Анализ участия России в региональном сотрудничестве Северо-Восточной Азии и его ограничительные факторы». Её автор, впервые выступающий в нашем журнале, – Чао Чжихун, доцент Хэйлунцзянской академии общественных наук, (Китайская Народная республика). В данной статье анализируется текущая ситуация участия России в

региональном сотрудничестве в Северо-Восточной Азии и ограничивающие факторы расширения регионального сотрудничества со странами региона Северо-Восточной Азии. Также в документе излагается выбор России для углубления регионального сотрудничества со странами. На основе теории международных отношений и дипломатической теории количественный анализ проводится с помощью количественных методов исследования, а региональные и категориальные различия анализируются с помощью сравнительных методов исследования. В 21 веке, когда мировой порядок находится в стадии глубокой структурной перестройки, приходит к выбору автор, нынешний важный стратегический выбор России может быть сделан следующим образом: укрепить взаимодействие с Азиатско-Тихоокеанским регионом, максимально возместить потери, вызванные санкциями Запада, сыграть конструктивную роль в международных вопросах, содействовать урегулированию конфликтов и укреплять международное влияние и статус великой державы. Дело в том, что российско-американские отношения будут продолжать ухудшаться из-за санкций, информационной войны и других проблем в ближайшем будущем. Исходя из суждения о том, что это трудно для отношений между Россией и Западом, обращаясь к краткосрочной перспективе, автор считает, что Россия будет и дальше развивать углубленное региональное сотрудничество со странами Северо-Восточной Азии.

Во-вторых, в этой рубрике представлена статья с названием «Специальные экономические зоны России и Китая: оценка возникающих эффектов». Её написали Карачев Игорь Андреевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и статистики ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», (г. Ярославль, Российская Федерация), и Сапир Елена Владимировна, доктор экономических наук, профессор, заведующая этой кафедрой, член редколлегии нашего журнала. Оба эти автора уже известны Вам, уважаемый читатель [см., например: 7; 8; 9; 10]. В новой статье авторами систематизированы прямые и косвенные эффекты, возникающие в связи с созданием специальных экономических зон. Установлено, что при определении общего воздействия зон на устойчивое развитие ключевую роль, наряду с измеримыми экономическими, играют социальные и экологические факторы. С использованием методов сравнительного и системного анализа авторами выявлены ключевые особенности мониторинга и оценки эффективности функционирования специальных экономических зон Китая и Российской Федерации. Установлено, что для долгосрочной устойчивости экономики страны важное значение имеет финансовая и налогово-бюджетная жизнеспособность зон. Такая оценка на регулярной основе может проводиться путем составления «отчета о финансовых результатах» конкретной специальной экономической зоны. В результате изучения зарубежного опыта авторами систематизированы ключевые факторы сохранения устойчивости зон, а также сформулированы важные уроки для развития современных территорий с особым статусом.

В следующей рубрике, «Творчество молодых исследователей», публикуется две работы. Во-первых, статья «Перспективы экономического роста российской экономики: влияние covid-19 на данные процессы», с которой выступает уже известный Вам [см.: 11] Реус Семён Петрович, аспирант кафедры финансов и кредита ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет» (г. Симферополь, Российская Федерация). В новой его статье рассматривается актуальная тематика перспектив экономического роста российской экономики под влиянием COVID-19 и анализируется его влияние на данные процессы, что и послужило целью исследования. Для достижения поставленной цели, с использованием методов анализа, графического и метода междисциплинарного подхода, были решены следующие задачи: обозначены современные тенденции развития ситуации с COVID-19, проведен анализ влияния принятых мер по нераспространению данной инфекции на российскую экономику. Сделаны выводы о том, что: эпидемиологическое и социально-экономическое положение в России в связи с COVID-19 на данном этапе остаётся сложным, так как пик заболеваемости не пройден, однако отмечается его «плавное» течение за счёт оперативного и своевременного

государственного реагирования; экономический спад неизбежен, так как в рабочий процесс включены только структурообразующие сферы; за счёт своевременно принятых государственных мер по социально-экономической поддержке всех сфер экономики РФ, экономический спад в России может быть минимизирован и, в дальнейшей перспективе, последовать по благоприятному сценарию экономического развития страны. С использованием ИКТ стало возможно обеспечение государственных мероприятий, которые предотвратили коллапс в работе структурообразующих учреждений, в том числе и образовательных. Выявлено, что меры по предотвращению негативных последствий распространения пандемии позволили выявить ранее незадействованные сферы экономики («зоны» экономического роста), применение в которых цифровых технологий повышает производительность труда в них, что в перспективе будет целесообразным дальнейшее их внедрение и использование. В рамках междисциплинарного подхода разработан, описан и предложен механизм повышения темпов экономического роста за счёт выявления ранее незадействованных «зон» экономического роста и применения в них информационно-коммуникативных технологий. Данное исследование носит фундаментальный характер, результаты которого могут быть использованы при разработке программ социально-экономического развития и совершенствования материально-технической базы производств.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Стейкхолдерская стоимость: понимание и оценка», с которой выступает новый для нас автор Злыгостев Александр Андреевич, аспирант кафедры экономической теории и корпоративной экономики ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (г. Екатеринбург, Российская Федерация). Цель работы, по мнению автора, – выявить смысл и расширить понимание стейкхолдерской стоимости и способов ее оценки. В статье проведен научный обзор публикаций по определению понятия «стейкхолдерская стоимость». На основе материалов работы R. Tarapinaho изучены нарративы стейкхолдерской стоимости, а также источники по теме «определение стейкхолдерской стоимости». Обзорный список литературы расширен при помощи поиска публикаций по базам Cambridge Library по словосочетанию «stakeholder value» без ограничений по временному периоду. В результате исследования описаны основные взгляды на цели оценки стейкхолдерской стоимости. Выделены общие черты рассуждений в вопросах о сущности стейкхолдерской стоимости, описаны текущие тенденции развития способов ее оценки. Обобщено понимание и классификация подходов к оценке стейкхолдерской стоимости, предложено направление для ее практического применения.

В завершение номера, в рубрике «Рецензии, отклики», Вашему вниманию предоставляется «Отклик на отзыв Кузнецова А.В. по статье Примышева И.Н. «Факторы и современные модели экономического роста и развития». Автор, Примышев Игорь Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Крымский Федеральный университет» (г. Симферополь, Российская Федерация), уже известен Вам, уважаемый читатель [см.: 12]. В публикуемой сейчас работе дается отклик на отзыв Кузнецова А.В., по статье Примышева И.Н. «Факторы и современные модели экономического роста и развития». Автором затронута актуальная проблема распространения в мире COVID-19, который приводит к неожиданным и критическим последствиям для мировой экономики. Сделан вывод о том, что судьба мировой экономики в долгосрочном периоде находится в области сбалансированного выбора, основанного на необходимости восстановления её «гиперсвязанности» и выбора правильной модели экономического роста и развития.

В рубрике «Памяти ученого» публикуется «Слово о Василии Ивановиче Корнякове», с которым выступает его ученица и неоднократный соавтор Вахрушева Наталья Андреевна. Василий Иванович, член редколлегии нашего журнала и альманаха Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова «Философия хозяйства», действительный член Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания, ушел из жизни, сидя за компьютером и работая над

очередной статьёй в наш журнал, которую мы поместим в одном из ближайших номеров. Его статьи по теории безинфляционного развития отечественной и мировой экономики неизменно обрели интерес читателей на пяти континентах, высочайший индекс цитируемости. Слова соболезнования в связи с кончиной В.И. Корнякова прислали Юрий Михайлович Осипов и возглавляемый им коллектив лаборатории философии хозяйства МГУ им. М.В. Ломоносова, Урак Жолмурзаевич Алиев из Образовательной корпорации «Туран» (г. Нур-Султан, Республика Казахстан), Петр Сергеевич Лемещенко, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь), профессор Бронислав Дмитриевич Бабаев и заведующая кафедрой Елена Евгеньевна Николаева из Ивановского государственного университета, профессор Василий Владимирович Чекмарев из Костромы, заведующая кафедрой Тверского государственного университета Людмила Аршавириевна Карасева и многие другие члены редколлегии, авторы и читатели нашего журнала. Департамент экономической теории Финансового университета при правительстве Российской Федерации опубликовал прощальное слово о В.И. Корнякове на своем сайте. Мы выражаем глубокое соболезнование родным и близким Василия Ивановича, сохраним светлую память об этом выдающемся ученом и замечательном человеке в наших сердцах

Таково основное содержание материалов представленного восьмого (шестьдесят восьмого) номера. Как видите, они, действительно, продвигают-поднимают вперед и выше развитие теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях, чем мы и занимаемся в нашем сетевом издании вот уже совсем без чуточки десять лет.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альпидовская М.Л. Мифы и реалии модернизации по-российски / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. – № 3. – С. 28-34. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
2. Альпидовская М.Л. Проблема обострения неравномерного социально-экономического развития стран в современных условиях / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2014. – № 4. – С. 46-50. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
3. Альпидовская М.Л., Вахрушева Н.А., Корняков В.И. В чем могла бы состоять смена модели российской экономики / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. – № 6. – С. 8-15. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
4. Альпидовская М.Л. К вопросу об экономических интересах или проблемы и перспективы развития современной России / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2016. – № 1. – С. 8-13. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
5. Альпидовская М.Л. Целостность как императив расширенного воспроизводства национального хозяйства: проблемы современной фундаментальной экономической науки / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 1. – С. 12-17. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
6. Альпидовская М.Л. О книге Б.С. Серджи «Изучение будущего российской экономики и рынков» / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 2. – С. 108-110. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

7. Сапир Е.В. Этика в экономике: геоэкономический синтез / Е.В. Сапир // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. – № 6. – С. 12-18. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

8. Сапир, Е.В. Геоэкономическая природа региона: потенциал для роста российской экономики / Е.В. Сапир, И.А. Карачев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. – № 5. – С. 44-52. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

9. Карачев, И.А. Современная производственная кооперация: новые явления на евразийском пространстве / И.А. Карачев, Д.С. Шварц // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 3. – С. 171-180. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

10. Карачев, И.А. Поддержка кооперационных проектов в российской экономике как фактор стимулирования кластерного развития / И.А. Карачев, Д.С. Шварц // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 4. – С. 151-163. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

11. Симченко Н.А. Трансформация институтов сетевого взаимодействия экономических агентов в цифровой экономике / Н.А. Симченко, С.П. Реус, С.Ю. Цёхла // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. – № 5. – С. 29-35. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

12. Примышев И.Н. Факторы и современные модели экономического роста и развития / И.Н. Примышев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. – № 4. – С. 53-61. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

ОБЩИЕ КОНТУРЫ БУДУЩЕГО: ЗАКОНОМЕРНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО ПОСТМОДЕРНА ИЛИ АЛЬТЕР МИРЫ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Альпидовская Марина Леонидовна

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Департамента экономической теории ,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: morskaya@67bk.ru

Аннотация: В эпоху глобального кризиса капитализма начала XXI века процесс формирования глобального классового общества предусматривает создание аппарата принуждения и насилия. Современные технологии, как мы видим по оцифровке всего и вся, способствуют оперативной эффективности процесса приватизации результатов чужого труда. Варианты иной, другой высокотехнологичной человеческой цивилизации со сверхновыми технологиями, которые служат самому человеку в целях реализации его «божественного» предназначения возможны и весьма не виртуальны. Но стоит заметить, что это реализуемо исключительно в условиях осознания и осмысления происходящего, формирования нового рационального понимания мира и обретения воли. В статье на основе методологии классической и современной политической экономики раскрыты возможные варианты посткризисного развития современной капиталистической системы и выявлены основные противоречия капитализма, выступающие движущими силами процесса мир-системной трансформации.

Ключевые слова: капитализм, постмодерн, мир-система, глобализация, экономические интересы, научно-технический прогресс.

JEL: F01, F02, O11, O33

THE GENERAL OUTLINES OF THE FUTURE: THE REGULARITIES OF THE GLOBAL POSTMODERN OR THE ALTER WORLDS OF A NEW HUMAN

Alpidovskaya Marina Leonidovna
Advanced Doctor in Economic Sciences, Professor,
Professor of the Department of the Economic Theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Abstract: In the era of the global crisis of capitalism at the beginning of the 21st century, the formation of a global class society involves the creation of an apparatus of coercion and violence. Modern technologies, as we see from the digitization of everything and everyone, contribute to the operational efficiency of the process of privatization of the results of someone else's labor. Variants of a different, different high-tech human civilization with supernova technologies that serve the person himself in order to realize his «divine» destiny are possible and not very virtual. But it is worth noting that this is realizable only in conditions of awareness and understanding of what is happening, the formation of a new rational understanding of the world and the acquisition of will. On the basis of the methodology of classical and modern political economy, the article reveals possible options for the post-crisis development of the modern capitalist system and identifies the main contradictions of capitalism, which are the driving forces of the process of world-systemic transfiguration.

Keywords: capitalism, postmodern, world-system, globalization, economic interests, scientific and technological progress.

«В наши дни мыслить можно только в пустом пространстве, где уже нет человека... Всем тем, кто хочет говорить о человеке, его царстве и освобождении, ... всем тем, кто хочет исходить из человека в своём поиске истины... всем этим нелепым формам рефлексии можно противопоставить «лишь философический смех»» [1, с. 363].

Постмодернизм вступает в свои права. Его тяготение к архаичной природе бытия, к замыслам и убеждениям, деградации и дерационализации по отношению к теориям развития общества и человека в частности в первой половине 2020 года нашло свою точку опоры и отсчёта. По сути это означает приход фукуямовского постисторического периода с его концом общества, человечества, человека и всей его философии, идеологии и мировоззрения.

Тем не менее, царство всеобщего благоденствия, обывательщины не наступило в полной мере его понимания. Погрязнуть в вечной скуке и безразличии не удалось. При этом сегодня имеются все основания не только полагать, но и лицезреть и стать субъектом (а чаще всего и объектом) величайших потрясений, которые и определяют контуры будущего. Фактически угрозы утилитарно-глобального характера из конспирологических теорий плавно перекочевали в реальную жизнь каждого, который осознаёт себя живым человеком.

Реализация данных угроз влечёт за собой лавинообразные тектонические мультипликативно развивающиеся процессы сегрегации, сепарации и распада, угрожающие гибелью некогда единого социоисторического (по Ю.И. Семёнову) организма. И всё это весьма критично! Реальной преградой разрешения данной проблемы является ничто наступившего (ещё пока не полной стопой) постмодернизма в единой трактовке прошлого, настоящего и будущего... И насколько эта трактовка целостна и неделима?

Приведённые в эпиграфе фрагменты из труда Мишеля Фуко «Слова и вещи...» раскрывают идею о приверженности постмодернизма к архаике, о необратимости деградации и регресса по отношению к настоящему. Будущее не наступит в виду наличия альтернативной симметрии прошлого, в котором постмодернизм видит исходную точку возможного «начала». Вследствие чего не случайная приставка «пост» обесмысливает не только возможное прогрессивное будущее, но и лишает внутреннего логического содержания настоящее.

И такая последовательность весьма закономерна. Но фукуямовский конец истории глобально утвердившегося капитализма имеет и свою идейную (смысловую) альтернативу, получившую своё реальное воплощение вследствие выхода более 150 лет назад «Капитала» К. Маркса. Маркс, равным образом, не предавался рассуждениям о конце истории, он утверждал приближение эры начала подлинной истории человечества. А предыстория человеческого общества с его рабско-капиталистической сущностью носит преходящий характер.

Тем не менее, современным приверженцам капиталистического «рая» чуждо учение о капитализме А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса. Они руководствуются взглядами М. Вебера, который приводил «однозначное «идеалистическое» объяснение, делающее из капитализма воплощение определённого типа мышления» [2, с. 318] с целью уклонения от признания правоты мысли К. Маркса. Доминирующий, как и прежде, «дух» протестантской этики индивидуального труда, частной собственности и личной инициативы побуждает постмодернистов раскроенную ими же историческую формулу «до-теперь-после» делить на две дихотомные пары: ретроальтернативную «до-теперь» и постальтернативную «теперь-после». При этом возникает отрицание принципа историзма, а также развития общества как такового и переход его в иное качественное состояние. Вместе с тем существующий разрыв двух пар дихотомий, действительно, не выражает ни какого-

то поступательного движения вперёд, ни элементарного изменения. Фактически при отсутствии предопределённости (обусловленности) настоящего прошлым, а будущего – настоящим, история может прекратить своё существование [3, с. 440-442]. И эпоха капиталистического модерна весьма за короткое время приобретёт характер предания, мифа (не без определённой роли экономического интереса власть имущих). Так как «будущее – это не линейное продолжение эпохи капитализма и даже эпохи Пирамид, это нечто другое, более сложное и более простое одновременно» [4].

Между тем будущее должно быть обусловлено настоящим, а настоящему предписано быть определённым на основании прошлого. Две пары дихотомий «до-теперь» и «теперь-после» не должны оставаться в состоянии отсутствия согласованности и несоответствия. Косвенно предопределяя друг друга как две противоположности, диалектически изменяя друг друга, они попеременно, сменяя друг друга делают возможным переход социально-экономической системы на более высокую ступень развития.

Впрочем, «интеллектуальный» постмодернизм изначально теоретически или априори, а в реалиях «пандемической» конъюнктуры практически не приемлет поступательного движения вперёд к эволюции и совершенствованию мира. Его вполне устраивает анархия, царящая в глобальной системе капитализма, способствующая транснациональному капиталу не только действовать без особых препятствий и преград, но и диктовать свою волю государствам, вовлечённым в единый процесс глобализации. И, в действительности, «политики в большинстве своём всё ещё не понимают, до какой степени они уже находятся под контролем денежных рынков и даже управляются ими», - отметил, выступая в 1996 году в Давосе на Всемирном экономическом форуме президент Немецкого федерального банка (бундесбанка) в те годы Йоханнес (Ганс) Бернхард Йозеф Титмайер [5, с. 91].

И в результате глобализационные процессы, как это показывает нечто «пандемия», привели к так называемой денационализации, подмявшей под себя правительства стран, вовлечённых в этот эксперимент «События 201» [6], а, следовательно, к потере не только экономического, но и политического суверенитета. И формирующийся в этих условиях «макроорганизм» (по Ю.И. Семёнову – «суперорганизм», «социо-исторический сверхорганизм») согласно проекту нового мирового порядка, ранее выдававшего себя за некоторую конспирологическую симуляцию, изображающую отсутствие реальности за её присутствие, мультиплицируясь, становится очевидным. Оформляющийся «макроорганизм» уже сегодня имеет свою внутреннюю иерархию, подобную разделению в XIX – начале XX вв. мировой системы капитализма на две основные части – на центр (метрополию) и периферию (колонии). Одним из первых данную тенденцию охарактеризовал шведский экономист Гуннар Мюрдаль в работе «Мировая экономика. Проблемы и перспективы» [7]. Он отмечал, что весь мир капитализма есть не что иное, как классовое общество в международном масштабе. Население метрополии является основой «высшего класса». «Различия между странами. – писал Г. Мюрдаль, - имеют черты сходства с различиями между классами внутри нации, если иметь в виду классы, как они существовали до того, как началось их быстрое размывание в связи с процессом национальной интеграции в наших современных государствах благоденствия. В этом смысле большая часть остального человечества образует «низший класс» наций... В сущности, учитывая уровень жизни людей в этих странах, можно сказать, что термин «пролетариат» был бы более уместен при таком сравнении в международном масштабе, чем когда-либо, или во всяком случае, чем теперь внутри любой из развитых стран» [7, с. 479]. И как результат, собственно, в странах периферии отчётливо и убедительно проявляется главная черта современного капиталистического доминирования, превратившаяся в изрядную преграду на пути прогресса человечества – запрет на социально-экономическое развитие как таковое. Институциональные и территориальные признаки сегрегации и дискриминации в глобальном масштабе на уровне иерархического разделения «макроорганизма» обнаруживают себя в системах образования, здравоохранения, науки, культуры, то есть в сферах деятельности, которые непосредственно связаны с процессом воспроизводства человека, человеческой

личности (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Расходы на образование, здравоохранение, науку по странам мира за 2019 -2020 гг.

Страна	Расходы / ВВП (% , на последнюю дату)			ВВП (на последнюю дату, млрд. \$)	Абсолютные расходы (исходя из ВВП, млрд. \$, на последнюю дату)		
	Образование	Здравоохранение	наука		Образование	Здравоохранение	наука
Ангола	3,4%	2,8%	0,03%	105,8	3,62	2,95	0,03
Аргентина	5,5%	9,1%	0,54%	519,9	28,40	47,43	2,82
Армения	2,7%	10,4%	0,19%	12,4	0,34	1,29	0,02
Австралия	5,3%	9,2%	1,92%	1433,9	75,59	132,00	27,52
Австрия	5,5%	10,4%	3,16%	455,3	25,04	47,33	14,38
Азербайджан	2,5%	6,7%	0,18%	46,9	1,16	3,12	0,09
Бурунди	5,0%	7,5%	0,13%	3,0	0,15	0,23	0,00
Бельгия	6,5%	10,3%	2,59%	542,8	35,52	56,11	14,08
Буркина-Фасо	6,0%	6,9%	0,70%	14,1	0,85	0,98	0,10
Болгария	4,1%	8,1%	0,75%	65,1	2,66	5,27	0,49
Бахрейн	2,3%	4,7%	0,10%	37,7	0,88	1,79	0,04
Беларусь	4,8%	5,9%	0,61%	60,0	2,88	3,56	0,37
Бразилия	6,2%	9,5%	1,26%	1885,5	117,67	178,51	23,82
Ботсвана	9,6%	6,1%	0,54%	18,6	1,79	1,14	0,10
Канада	5,3%	10,6%	1,55%	1713,3	90,37	181,15	26,60
Швейцария	5,1%	12,3%	3,37%	705,1	36,06	87,06	23,77
Чили	5,4%	9,0%	0,36%	298,2	16,11	26,79	1,08
Китай	1,9%	5,2%	2,15%	13608,2	256,93	700,98	291,91
Кот-д'Ивуар	4,4%	4,5%	0,10%	43,0	1,88	1,92	0,04
Конго	1,5%	4,0%	0,41%	47,2	0,69	1,88	0,19
Колумбия	4,5%	7,2%	0,24%	331,0	14,91	23,92	0,78
Кабо-Верде	5,2%	5,2%	0,07%	2,0	0,10	0,10	0,00
Коста-Рика	7,0%	7,3%	0,42%	60,1	4,23	4,41	0,25
Куба	12,8%	11,7%	0,43%	100,0	12,84	11,71	0,43
Кипр	6,3%	6,7%	0,55%	25,0	1,57	1,67	0,14
Чехия	5,6%	7,2%	1,79%	245,2	13,70	17,73	4,39
Германия	4,8%	11,2%	3,02%	3947,6	189,52	443,98	119,31
Дания	7,6%	10,1%	3,06%	355,7	27,16	35,95	10,87
Алжир	4,3%	6,4%	0,54%	173,8	7,54	11,08	0,94
Эквадор	5,0%	8,3%	0,44%	108,4	5,42	8,95	0,48
Египет	3,8%	5,3%	0,72%	250,9	9,44	13,27	1,82
Испания	4,2%	8,9%	1,20%	1419,0	59,73	125,91	17,10
Эстония	5,2%	6,4%	1,29%	30,7	1,59	1,98	0,40
Эфиопия	4,7%	3,5%	0,27%	84,4	4,00	2,95	0,23
Финляндия	6,9%	9,2%	2,76%	276,7	19,09	25,48	7,63

Франция	5,7%	11,3%	2,19%	2777,5	157,60	314,22	60,70
Габон	2,7%	2,8%	0,58%	16,9	0,45	0,47	0,10
Великобритания	5,5%	9,6%	1,66%	2855,3	156,67	275,01	47,51
Грузия	3,8%	7,6%	0,30%	17,6	0,68	1,34	0,05
Гана	4,0%	3,3%	0,38%	65,6	2,62	2,14	0,25
Гамбия	2,4%	3,3%	0,13%	1,6	0,04	0,05	0,00
Греция	4,0%	8,0%	1,13%	218,0	8,64	17,53	2,46
Гватемала	2,9%	5,8%	0,03%	78,5	2,30	4,56	0,02
Гондурас	6,1%	7,9%	0,04%	24,0	1,46	1,89	0,01
Хорватия	4,6%	6,8%	0,86%	61,0	2,78	4,14	0,53
Венгрия	4,7%	6,9%	1,35%	157,9	7,44	10,86	2,13
Индонезия	3,6%	3,0%	0,27%	1042,2	37,35	31,15	2,77
Индия	3,8%	3,5%	0,60%	2718,7	104,53	96,11	16,24
Ирландия	3,7%	7,2%	1,04%	382,5	14,23	27,48	3,98
Иран	4,0%	8,7%	0,83%	454,0	17,96	39,32	3,77
Ирак	3,6%	4,2%	0,04%	224,2	7,96	9,34	0,10
Исландия	7,5%	8,3%	2,13%	25,9	1,93	2,15	0,55
Израиль	5,8%	7,4%	4,54%	370,6	21,68	27,45	16,84
Италия	3,8%	8,8%	1,35%	2083,9	79,80	184,22	28,18
Ямайка	5,4%	6,0%	0,06%	15,7	0,85	0,94	0,01
Иордания	3,6%	8,1%	0,71%	42,2	1,52	3,43	0,30
Япония	3,2%	10,9%	3,21%	4971,3	158,40	543,66	159,71
Казахстан	2,8%	3,1%	0,12%	179,3	4,93	5,61	0,22
Кения	5,3%	4,8%	0,79%	87,9	4,68	4,22	0,69
Кыргызстан	6,0%	6,2%	0,11%	8,1	0,49	0,50	0,01
Камбоджа	2,2%	5,9%	0,12%	24,5	0,53	1,45	0,03
Корея	4,6%	7,6%	4,55%	1619,4	74,40	123,14	73,74
Кувейт	3,8%	5,3%	0,06%	140,6	5,29	7,44	0,09
Лаос	2,9%	2,5%	0,04%	18,0	0,53	0,45	0,01
Шри-Ланка	2,1%	3,8%	0,11%	88,9	1,88	3,39	0,10
Лесото	6,5%	8,8%	0,05%	2,7	0,18	0,24	0,00
Литва	4,0%	6,5%	0,89%	53,4	2,14	3,45	0,47
Люксембург	4,0%	5,5%	1,26%	70,9	2,80	3,89	0,89
Латвия	4,7%	6,0%	0,51%	34,4	1,62	2,05	0,18
Марокко	5,3%	5,2%	0,71%	117,9	6,20	6,19	0,84
Монако	1,5%	1,8%	0,04%	7,2	0,10	0,13	0,00
Молдова	5,5%	7,0%	0,25%	11,4	0,63	0,80	0,03
Мадагаскар	3,2%	5,5%	0,01%	13,9	0,45	0,76	0,00
Мексика	4,9%	5,5%	0,49%	1220,7	59,93	67,34	5,93

Северная Македония	3,3%	6,1%	0,36%	12,7	0,42	0,77	0,05
Мали	3,8%	3,8%	0,29%	17,2	0,65	0,65	0,05
Мальта	5,2%	9,3%	0,54%	14,6	0,76	1,36	0,08
Мьянма	2,0%	4,7%	0,03%	71,2	1,40	3,32	0,02
Монголия	4,1%	4,0%	0,10%	13,1	0,53	0,52	0,01
Мозамбик	5,6%	4,9%	0,34%	14,7	0,82	0,73	0,05
Мавритания	4,8%	5,7%	0,34%	14,2	0,69	0,81	0,05
Малайзия	4,5%	3,9%	1,44%	358,6	16,26	13,84	5,15
Намибия	3,1%	8,6%	0,34%	14,5	0,45	1,24	0,05
Никарагуа	4,3%	8,6%	0,11%	13,1	0,57	1,13	0,01
Нидерланды	5,5%	10,1%	1,99%	913,7	50,06	92,29	18,16
Норвегия	8,0%	10,4%	2,11%	434,2	34,63	45,35	9,16
Непал	5,2%	5,6%	0,30%	29,0	1,50	1,61	0,09
Новая Зеландия	6,4%	9,2%	1,23%	204,9	13,20	18,79	2,53
Оман	5,0%	3,8%	0,22%	79,3	3,94	3,05	0,17
Пакистан	2,9%	2,9%	0,24%	314,6	9,12	9,12	0,74
Панама	3,2%	7,3%	0,15%	65,1	2,06	4,76	0,10
Перу	3,7%	5,0%	0,13%	222,0	8,26	11,09	0,28
Филиппины	2,7%	4,4%	0,16%	330,9	8,78	14,71	0,54
Папуа-Новая Гвинея	1,9%	2,5%	0,03%	23,5	0,45	0,58	0,01
Польша	4,6%	6,5%	1,03%	585,7	27,17	38,31	6,06
Португалия	4,9%	9,0%	1,32%	240,7	11,75	21,59	3,17
Парагвай	3,4%	6,7%	0,15%	40,5	1,39	2,69	0,06
Катар	2,9%	2,6%	0,52%	191,4	5,48	4,99	0,99
Румыния	3,0%	5,2%	0,50%	239,6	7,12	12,36	1,21
Российская Федерация	3,7%	5,3%	1,11%	1657,6	62,04	88,59	18,34
Руанда	3,1%	6,6%	0,67%	9,5	0,30	0,62	0,06
Саудовская Аравия	5,1%	5,2%	0,82%	786,5	40,41	41,14	6,41
Судан	2,2%	6,3%	0,30%	40,9	0,91	2,59	0,12
Сенегал	4,7%	4,1%	0,58%	24,1	1,12	1,00	0,14
Сингапур	2,9%	4,4%	2,17%	364,2	10,39	16,17	7,89
Сальвадор	3,6%	7,2%	0,18%	26,1	0,94	1,88	0,05
Сербия	3,7%	8,4%	0,92%	50,6	1,88	4,27	0,47
Словакия	3,9%	6,7%	0,88%	105,9	4,13	7,14	0,93
Словения	4,8%	8,2%	1,86%	54,0	2,59	4,42	1,01
Швеция	7,7%	11,0%	3,33%	556,1	42,65	61,27	18,50
Сейшелы	4,4%	5,0%	0,22%	1,6	0,07	0,08	0,00

Сирия	5,1%	3,6%	0,02%	40,4	2,07	1,44	0,01
Чад	2,2%	4,5%	0,30%	11,3	0,25	0,51	0,03
Того	5,4%	6,2%	0,27%	5,4	0,29	0,33	0,01
Таиланд	4,1%	3,7%	1,00%	505,0	20,83	18,92	5,07
Таджикистан	5,2%	7,2%	0,10%	7,5	0,39	0,54	0,01
Тринидад и Тобаго	3,1%	7,0%	0,09%	23,8	0,75	1,66	0,02
Тунис	6,6%	7,2%	0,60%	39,9	2,63	2,88	0,24
Турция	2,8%	4,2%	0,96%	771,4	21,22	32,52	7,41
Танзания	3,7%	3,6%	0,51%	58,0	2,14	2,11	0,30
Уганда	2,5%	6,2%	0,17%	27,5	0,69	1,70	0,05
Украина	5,4%	7,0%	0,47%	130,8	7,08	9,15	0,62
Уругвай	4,8%	9,3%	0,48%	59,6	2,88	5,54	0,29
США	5,0%	17,1%	2,79%	20544,3	1019,36	3505,13	572,77
Узбекистан	5,3%	6,4%	0,13%	50,5	2,67	3,24	0,07
Сент-Винсент и Гренадины	5,7%	4,5%	0,12%	0,8	0,05	0,04	0,00
Венесуэла	6,9%	1,2%	0,34%	482,4	33,16	5,70	1,63
Вьетнам	4,2%	5,5%	0,53%	245,2	10,23	13,57	1,29
ЮАР	6,2%	8,1%	0,82%	368,3	22,68	29,88	3,02
Замбия	4,7%	4,5%	0,28%	26,7	1,25	1,19	0,07

Исходя из представленных в таблице данных без особых проблем разъясняются причины бедности и нищеты, в первую очередь, стран третьего мира, и растущее неравенство и неравномерность социально-экономического развития в глобальном аспекте существующим разнообразием в весьма сложных социально-экономических отношениях между странами, государствами, «элитами». И более чем обоснованно звучит суждение одного из теоретиков неомарксизма и основоположников мир-системного подхода, исследователя современных процессов глобализации Самира Амина о перспективах, распиаренных в начале XXI века даже «новых индустриальных стран». Он отмечал, что по итогам финансового кризиса конца 1990-х годов, до основания, разрушившего экономику и четырёх «азиатских тигров», и так называемых «новых индустриальных стран», таких как Тайланд, Малайзия, Индонезия, последние «представляют собой не полупериферию, стоящую на пути превращения в новые центры, а подлинную периферию завтрашнего дня» [8, с. 9].

В свою очередь, если при анализе происходящих процессов перейти от абстрактных рассуждений к более конкретным и, учитывая наличие и реальность единого социо-исторического «макроорганизма», или единого (по И. Валлерстайну) капиталистической мир-экономики, появляется возможность констатировать, что национальные государства не в состоянии, а, вернее, не способны быть субъектами разворачивающегося исторического процесса. Более того, на фоне раскручивающейся «пандемической конъюнктуры – 2020» этот процесс имеет тенденции расширения и нарастания, а также централизованного, неоднозначного заинтересованного по смыслу финансирования. И мир сегрегируется нетрадиционно, заново...

Оседлав происходящие процессы и подчинив себе вовлечённые в глобальный мир национальные государства во главе с их неоднозначными правительствами, транснациональный капитал не только действует вне всяких ограничений в целях реализации своих экономических интересов, но и благодаря существующей при этом некоторой анархии навязывает свою волю руководителям

государств, утративших вначале экономический, а впоследствии и политический суверенитет. На самом деле, «политика есть концентрированное выражение экономики. . . Политика не может не иметь первенства над экономикой» [9, с. 278], так как согласно сущностно биологического представления о её происхождении её природа основывается на животном «центре тяжести» человеческого общества – агрессивности, борьбе за выживание, конфронтационности и т.д.

В то же самое время возникает некий парадокс современности – инстинкт самосохранения человека как такового по мере эволюции человеческого общества, его усложнения утрачивается. Объяснение этому «отрицанию» даёт становление нового мира глобальной экономики – формирование всемирного «макроорганизма» с принципиально новой для современного человека общественной стратификацией, несущей новые формы дифференциации с новыми группами, слоями, классами, находящимися на различных ступенях вертикальной иерархической структуры социально-экономических отношений и обладающими неодинаковыми и неравноценными жизненными шансами и возможностями реализации своих экономических интересов (см. рисунок 1).

Рисунок 1 – Формирование нового мира глобальной экономики [собственная разработка автора]

Интегрировавшиеся после распада СССР и его социо-хозяйственной системы во всемирный «макроорганизм» страны-государства, попавшие под прессинг эксплуатации капиталистической метрополией, постепенно приобрели черты нового общественного класса, по сути своей отличного от обычного понимания класса, состоящего из людей. Произошло укрупнение общественных классов в целом, в итоге обусловившее появление «глобальных классов» и «глобального классового общества» [10, с. 501-504]. Однако в любом классовом обществе независимо от его параметров с течением времени существующие противоречия, имеющие тенденцию к обострению, приводят это общество к настроениям, стимулирующим развитие процессов сопротивления насилию и отстаивания классовых экономических интересов. И вся история человеческого общества – это хронология классовой борьбы, независимо от измерения её формата.

Во избежание совокупности обстоятельств, которые могут привести к слому существующего «статус-кво» и нарушению некоторого баланса сил, удовлетворяющих сильных мира сего, последние используют любое оружие из своего арсенала. И с исчезновением в конце XX века неполитарной (социалистической) системы вследствие распада СССР глобальный капитал возобновил наступление. В итоге всей его деятельности, как уже показал 2020, не закончившийся ещё пока год, глобальный «транснационализм» стремится перечеркнуть весь прошлый опыт человечества, посредством насильственного внедрения новых технологий, объединяющих физические, информационные и биологические миры с целью «усовершенствования (подчинения) людей» на основе технологий имплантируемых нейрокompьютерных интерфейсов [11]. Действительно, они способны создать, с одной стороны, огромные возможности, но, с другой – они несут потенциальную угрозу [12]. «В ходе Четвертой Промышленной Революции эти изменения ускорятся, и нам придётся иметь дело с более

разнообразными, сложными и опасными последствиями применения технологий» [13], – отмечает швейцарский экономист, основатель и президент Давосского форума Клаус М. Шваб. Осознание того, что все эти свертхтехнологии лишат человека его человеческой сущности, приходит чрезвычайно медленно. В итоге, «риск опережающего развития технологий Четвёртой Промышленной Революции по сравнению с возможностями общества по их контролю — одна из главных угроз на перспективу» [14]. И до сего дня невнятность ответов на эти угрозы выглядит в некоторой степени довольно примитивной и трудно реализуемой перспективой [15].

Путь к открытому обозначению своих планов по трансгуманизации человечества глобальный «транснационализм» начал, прежде всего, с одержания победы на идеологическом фронте. Далее были предприняты меры по вовлечению вновь «освободившихся» стран в глобальную финансовую систему посредством имплантации в экономику этих стран гигантского спекулятивного, по своей сути фиктивного, капитала. Последствия реализации навязанной экономической политики весьма разрушительны. Массовая приватизация и демонтаж государственной системы социальных гарантий обратились в последовательную ликвидацию бесплатного образования, здравоохранения, разрушение системы ЖКХ, и, в целом, в возникновение социального неравенства и обеднение населения, ранее присущих исключительно странам так называемого третьего мира. В итоге, выше упомянутые сложности, не отягощающие сознание основной части населения, подвергнувшегося проведённому над ним эксперимента, представляются, но с некоторым пристрастием объясняются в современных «культовых» европейских книгах, посвящённых проблемам глобализированного мира. В таковых исследованиях разнообразные «рабочие группы» по заказу «заинтересованных» в благополучии системы рыночной (капиталистической) экономики проводят критические изыскания положения и перспектив рыночной экономики, обнажая все её уязвимые места, выявляя пороки и дефекты.

В одном из таких трудов, относящихся не только к категории общественных наук (политической экономии, философии, социологии, политологии), с одной стороны, но и к художественной литературе – с другой, написанном в форме доклада американским и французским политологом Сьюзан Джордж, подчёркивается, что «...вслед за либерализацией и дерегуляцией улучшают своё положение 20% населения. И чем ближе они к вершине, тем больше они приобретают. Тот же самый закон с точностью до наоборот приложим (применим – примечание автора) к остающимся 80%: они что-то теряют; тот, кто был изначально более бедным, пропорционально теряет больше всех» [16, с. 22-23]. Иного для концепции свободного саморегулирующегося рынка не предусмотрено. «Характер распределения доходов является ключевым критерием для благосостояния системы в долгосрочной перспективе» [16, с. 22]. И определяется этот характер принципами, лежащими в основе рыночной, то есть капиталистической системы хозяйствования - защиты частной собственности на средства производства и свободной конкуренции, неизбежно приводящими к неравномерности (см. рисунок 2).

Рисунок 2 – Принципы рыночной (капиталистической) экономики [собственная разработка]

автора]

Тем не менее, за критикой современного состояния капиталистической системы хозяйствования стоят определённые экономические интересы пролонгации этой системы и её долгосрочного существования. В то же время демонтаж капитализма отложить в долгий ящик в условиях современного социально-экономического, политического, производственно-технологического кризиса начала XXI века не представляется возможным. Мир уже прожил относительно спокойные последние десятилетия. И в сложившихся условиях сильные мира сего предпринимают все возможные попытки для сохранения своего «статус-кво», власти, привилегий и богатства. И этот шанс должен быть реализован в их экономических интересах, даже если это приведёт к созданию новой социально-экономической системы посредством проведения социальных экспериментов над человечеством в целом [17].

Впрочем, для осуществления намеченного плана мировой глобальной элите надлежит преодолеть преграду полного демографического контроля – выбор наиболее эффективной стратегии сокращения населения планеты. А численность этого «непричастного» так называемого класса увеличивается настолько быстро, что даже сама его эксплуатация, результатом которой является прибавочный продукт, присваиваемый классом собственников и власть имущих, с каждым днём становится более чем рискованным промыслом (предприятием). И, собственно, вследствие чего объективность экономических интересов глобальной транснациональной элиты позволяет ей иметь притязания на полноценное – не только экономическое, но и политическое подчинение всего зависимого мира [18]. И, исходя из принципа государственной власти «*divide et impera*» (разделяй и властвуй), значащимся (без указания источника) «максимой римского сената», осознавая очевидность интеграции экономических интересов «непричастного» общественного класса, «метропольная элита» использует вполне предметно политику идентичности, отличительной чертой которой в условиях дихотомного разрыва исторической формулы «до-теперь-после» надвигающегося постмодерна является не столь связующая многосубъектность. И достаточно «мягкий вариант» идеологической борьбы обретает черты единственно эффективного средства борьбы с интернационализмом, интеграцией экономических интересов эксплуатируемого класса. В вышестоящем по тексту означенном «Докладе Лугано...» [16], представленном Сьюзан Джордж, подчёркнуто: «Часть идеологически-этического наступления... должна быть посвящена тому, чтобы оказывать материальную и моральную поддержку наиболее ярким и агрессивным выразителям сексуальной, расовой, религиозной и этнической исключительности... Шумные протесты, - продолжает Сьюзан Джордж, – должны очень скоро превратиться в оглушительную какофонию, так что за гвалтом невозможно будет услышать никакого другого призыва к оружию (на классовой основе – замечено автором). Целью здесь является усиление фрагментации, подчёркивание разногласий одних с другими и учреждения множества гетто» [16, с. 128].

И сегодня весь мир стал свидетелем, как всего лишь некие соображения на грядущие перспективы не заставили себя долго ждать и вполне реально материализовались. Современные условия капиталистической системы хозяйствования таковы, что «глобализированный рынок должен определять почти все отношения между индивидуумом и обществом. А поскольку государство не может сильно повлиять на общество..., то демократия уже не столь важна, как раньше... Демократию необходимо держать под контролем (или постоянно свёртывать)» [16, с. 263]. И это требования сегодняшних «демократов». Отрекаясь от демократических принципов – свободы выбора, права на труд, других социальных прав, ставших в постмодернистском мире не более, чем идеологемами, глобальный «транснационализм» ограждает себя от самой потенциальной возможности возникновения не то, чтобы реального разрешения классовых противоречий, но вероятности формирования самой этой идеи. Господа глобализма осознают, как бы то ни было, что смысл концепции «свободы выбора» в отношении социально-экономической модели больше соответствует идее разрешения классовых

противоречий, а не «построению гражданского общества» и схожим предметам или конструктам модели «государства всеобщего благоденствия» («The Welfare State») [19]. И, вовлекая в современный «армагеддон» воинствующих представителей расовой, этнической и религиозной исключительности, для сохранения своего «статус-кво» на планете глобальный господствующий класс использует технологии «организации «хаоса», гендерного психоза, коронабесия и вакцинобесия, уничтожения традиционных культур и государств как таковых, деформации систем образования, здравоохранения, тотальной цифровизации, позволяющей этому «избранному меньшинству» поставить под контроль весь остальной мир» [20].

В эпоху глобального кризиса капитализма начала XXI века процесс формирования глобального классового общества вступил в свою терминальную стадию. Каким будет новое человеческое общество? Вопрос вовсе не риторический. Он требует ответа в силу крайней очевидности его актуальности.

Формирование глобальной классовой социально-экономической системы с фатальной неотвратимостью предусматривает создание аппарата принуждения и насилия, то есть мирового правительства. Предложения об учреждении последнего на фоне борьбы с псевдопандемией звучат неоднократно [21]. Будет ли озабочено это глобальное управление стремлением ко всеобщему благоденствию? Или целью его деятельности станет беспредельная власть одних индивидов над другими, одного класса над другим? Какой станет «норма» необходимого экономического принуждения, и не будет ли она дополнена прямым физическим давлением и насилием, с целью тотального присвоения результатов труда (работы) одного человека другим, одного класса другим? В книге «Одноразовые люди. Новое рабство в системе глобальной экономики» [22] её автор Кевин Брайан Бейлз, профессор исследования Современного Рабства в Ноттингемском университете, консультант Глобальной программы ООН по борьбе с торговлей людьми отмечает, что в настоящее время воздерживаясь от классического рабства, капитал предпочитает примитивный контроль над осовремененным «рабом». И современные технологии, как мы видим, по оцифровке всего и вся способствуют оперативной эффективности процесса приватизации результатов чужого труда.

Тем не менее, существующая смысловая разница между контролем и владением в области организационно-экономических (в частности) и социально-экономических (производственных) отношений (в целом) не отрицает тенденций формирования сегодня новой социально-экономической системы нового трансчеловеческого рабства с нарастающими процессами варваризации и архаизации с одной стороны и строительства «хэппитализма» с другой [23, с. 96].

Теоретически варианты иной, другой высокотехнологичной человеческой цивилизации со сверхновыми технологиями, которые служат самому человеку в целях реализации его «божественного» предназначения возможны и весьма не виртуальны. Но стоит заметить, что это реализуемо исключительно в условиях осознания и осмысления происходящего, формирования нового рационального понимания мира и обретения воли...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М.-П. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: Пер. с фр./ Мишель Фуко; [Вступ. ст. Н.С. Автономовой, с. 7-27]. – СПб.: А-сад: АОЗТ «Талисман», 1994.
2. Бродель, Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. [текст]: [в 3-х томах]. Т.2. – М.: Прогресс, 1986-1992.
3. Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. – СПб.: Изд-во С.- Петербургского университета, 2007.
4. Фурсов А.И. «Кризис –матрёшка». Демонтаж капитализма и конец Эпохи Пирамид // [Электронный ресурс] – URL: <https://oko-planet.su/first/161031-andrey-fursov-krizis-matreshka-demontazh-kapitalizma-i-koniec-epochi-piramid.html> (дата обращения: 11.07.2020).

5. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализации: атака на процветание и демократию / Пер. с нем. Г.Р. Контарева. – М.: Издательский дом «Альпина», 2001.
6. Event 201 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.centerforhealthsecurity.org/event201> (дата обращения: 11.07.2020).
7. Мюрдаль, Гуннар. Мировая экономика: Проблемы и перспективы / Перевод с англ. - Москва: Изд-во иностранной литературы, 1958.
8. Амин С. Будущее социализма // Мировая экономика и международные отношения. – 1991. – №7. – С. 9.
9. Ленин В.И. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. // ПСС / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – Москва: Изд-во политической литературы. Т. 42. – 1970.
10. Семёнов Ю. И. Философия истории: Общая теория исторического процесса. – М.: Академический Проект; Трикста, 2013.
11. Илон Маск: Презентация Neuralink (17.07.2019) [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YKzCD2IEYUQ> (дата обращения: 13.07.2020).
12. Четвёртая промышленная революция. Финанс. Ру [Электронный ресурс] – URL: https://www.finam.ru/landings/revolution?utm_source=google_adwords_POISK&utm_medium=cpc&utm_content=ad1_444832840489|ps_|mt_b|dev_c&utm_term=dsa&utm_campaign=all_finam_dsa&gclid=EAIaIQobChMIit_C38rJ6gIVyAJ7Ch3DcwpPEAAAYASAAEgLFhvD_BwE (дата обращения: 13.07.2020).
13. Четвёртая промышленная революция [Электронный ресурс] – URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/chetvertaya-promyshlennaya-revolyuciya-20170322-150818/> (дата обращения 13.07.2020).
14. Абрамов А. Четвёртая промышленная революция – инвестиции в технологические компании [Электронный ресурс] – URL: <https://www.finam.ru/analysis/conf00001/chetvertaya-promyshlennaya-revolyuciya-investicii-v-texnologicheskie-kompanii-20190328-13000/> (дата обращения: 13.07.2020).
15. Альпидовская М.Л. Виртуальная реальность глобальной экспансии «цифры» [видеозапись доклада] // YouTube. 15 июня 2020 – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vhu6NDJ7fAc> (дата обращения: 22.07.2020).
16. Джордж Сьюзан. Доклад Лугано о сохранении капитализма в XXI веке. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 299 с. – С. 22-23.
17. Илон Маск: Презентация Neuralink (17.07.2019) [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YKzCD2IEYUQ> (дата обращения: 13.07.2020).
18. Альпидовская М.Л. Новое мальтузианство. Истоки и концепция [видеозапись доклада] // YouTube. 26 июня 2020 – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vhu6NDJ7fAc> (дата обращения: 22.07.2020).
19. Альпидовская М.Л. Общие контуры будущего [видеозапись доклада] // YouTube. 20 июля 2020 – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vhu6NDJ7fAc> (дата обращения: 22.07.2020).
20. Лепехин В.А. Метафизика «новых цветных» и «зияющие высоты» ЛГБТ // [Электронный ресурс] – URL: https://rusnext.ru/recent_opinions/1593632551219292?fbclid=IwAR05mTCCeDa72upto_6BS6NciUj6xchPUsBrweidhOlnZDzkXfDyiBEvcnXE (дата обращения: 14.07.2020).
21. Данилов И. Спаситель Великобритании предлагает мировое временное правительство // [Электронный ресурс] – URL: <https://ria.ru/20200328/1569257083.html> (дата обращения: 14.07.2020).
22. Kevin Bales. Disposable People: New Slavery in the Global Economy. Berkeley, CA: University of California Press, 1999.
23. Альпидовская М.Л. Виртуальная реальность глобальной экспансии «цифры» // Философия хозяйства – № 3 (129) – 2020 – С. 87-98.

24. Government expenditure on education, total (% of GDP) / World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS?name_desc=false (дата обращения: 14.07.2020).

25. Current health expenditure (% of GDP) / World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.CHEX.GD.ZS> (дата обращения: 14.07.2020).

26. Research and development expenditure (% of GDP) / World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS> (дата обращения: 14.07.2020).

27. GDP (current US\$) / World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 14.07.2020).

МНИМЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ХОЗЯЙСТВУЮЩИМИ СУБЪЕКТАМИ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН СТАГНАЦИИ

Смирнов Андрей Владимирович

кандидат экономических наук,
ФГБОУ ВО «Тверской Государственный университет»,
кафедра экономической теории,
г. Тверь, Российская Федерация.
E-mail: Smirnov.AV@tversu.ru

Аннотация: экономика России находится в состоянии продолжительной стагнации. На сегодняшний день отсутствует единая программа социально-экономического развития страны в виду существующих противоречий во взглядах ведущих экономистов страны в экономической теории. Последствия такого положения ставят под угрозу экономическую безопасность нашей страны. Научному сообществу важно прийти к общему знаменателю в дискуссиях о программе развития экономики нашей страны. Одним из предметов спора выступает центральное понятие экономической теории «homo economicus». В подавляющем большинстве научных трудов оно подвергается критике. Предлагается рассмотреть генезис «homo economicus» и на базе субъектно-субъективного подхода предложить одну из версий разрешения сложившихся противоречий

Ключевые слова: «homo economicus», интерес, рациональный подход, экономическая теория, управление, институты, субъектно-субъективный подход.

JEL: B12

MAGINARY RELATIONS BETWEEN ECONOMIC ENTITIES ARE ONE OF THE REASONS FOR STAGNATION

Smirnov Andrej Vladimirovich,
Candidate of Economic Sciences,
senior lecturer of Economics, Institute of Economics and management,

Abstract: The Russian economy is in a state of prolonged stagnation. To date, there is no unified program of socio-economic development of the country due to the existing contradictions in the views of the country's leading economists in economic theory. The consequences of this situation threaten the economic security of our country. It is important for the scientific community to come to a common denominator in discussions about the program of economic development of our country. One of the subjects of dispute is the Central concept of economic theory «homo economicus». In the vast majority of scientific works, it is criticized. It is proposed to consider the Genesis of «homo economicus» and on the basis of a subjective-subjective approach to offer one of the versions of the resolution of the existing contradictions.

Keywords: «homo economicus», interest, rational approach, economic theory, management, institutions, subject-subjective approach.

В настоящее время у интеллектуального сообщества наблюдается повышенный интерес к составлению различных прогнозов развития общества: «Человечество сталкивается с задачей выработки эффективной «повестки действий» и через оптики рациональности и экономической сообразности ищет пути реагирования экономического субъекта социальных систем на различные изменения» [3]. Такие проекты определяют вектор экономической политики и, безусловно, вызывают не только научный интерес, но и практическую необходимость, что актуально для экономики России. Ведь в период с 2009-2019 годы отечественная экономика выросла только на 5%, в то время как рост мировой экономики составил 50% [10]. Подводя итоги реализации Концепции долгосрочного

социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Сорокин Д.Е. отмечает: «текущая динамика экономического развития подрывает саму возможность перехода кустойчивому социально-экономическому развитию в период после 2020 г. Встратегической перспективе это ставит под угрозу национальную безопасность исоответственно позиции России в мировом сообществе» [20, с. 22]. Экспертное сообщество иэкономические власти вцелом едины в необходимости масштабных изменений, где приоритет отдается переводу российской экономики на новый технологический уклад, однако нет единства в принципах построения социально-экономической программы развития экономики страны.

Наблюдаемый «концептуальный вакуум» остро проявился в период начала кризиса 2014 г., когда Греф Г.О. задал аудитории вопрос: «Как и что нужно поменять в экономическом направлении в России, чтобы увеличить до приемлемого темпы экономического роста и возобновить приток инвестиций» [5]. При этом ответов на дискуссионные вопросы, которые касались принципов построения социально-экономической программы, так и не удалось выработать к настоящему периоду времени. Безусловно, ответ на вечный вопрос «Что делать» представляется необычайно сложным: «Немного есть сфер интеллектуальной деятельности, где некачественная работа может принести столько вреда, как в экономике или истории. Способность ложных экономических аргументов или ложных исторических аналогий нанести вред обществу очевидна» [7, стр. 128]. Для того, чтобы избежать «ложных аргументов» необходимо на концептуальном уровне согласовать методологические принципы в экономической теории и разрешить сложившиеся противоречия. Без концептуального согласования общих методологических основ в экономической теории невозможно глубоко понимать экономическую деятельность субъекта, ведь миссия экономической теории заключается в формировании основы социально-экономической программы развития [12, с. 144]. К сожалению, мы можем наблюдать искаженное восприятие экономической деятельности субъекта, поведение которого идет вразрез с основополагающими принципами экономики – рациональность и экономическая сообразность.

Существующий механизм экономики России не может настроить функционирование хозяйствующих субъектов по критерию рациональности. В чем кроется причина противоречий? Например, в хозяйственной практике нашей страны наблюдается массовое умышленное искажение содержания форм финансовой и бухгалтерской отчетности в целях уменьшения налогооблагаемой базы. Как правило, такое поведение оправдывается соблюдением принципа налоговой оптимизации. С одной стороны, такое поведение хозяйствующих субъектов характеризуется как иррациональное. Ведь приток инвестиций, в первую очередь, зависит от степени понимания инвестором реального положения дел у фирм, которые представили спрос на инвестиции. Именно для инвесторов формируется финансовая и бухгалтерская отчетность. Очевидно, что инвесторы не в состоянии принять правильное решение, основываясь на искаженных формах отчетности. В результате не наблюдается необходимый приток инвестиций, и хозяйствующие субъекты теряют потенциал к экономическому развитию. С другой стороны, такое поведение может быть признано рациональным, с точки зрения собственного интереса субъекта. Так, отсутствие понимания долгосрочной перспективы и стабильности в экономическом развитии, отсутствие должного института инвестиций (фондового рынка), отсутствие среды доверия между хозяйствующими субъектами не создает мотивов у фирм к выстраиванию долгосрочных партнерских отношений не только с инвесторами, но и с государством. Кроме того, важно понимать, что многие субъекты не хотят быть объектом рейдерского захвата. Вполне очевидно, что подобные отношения хозяйствующих субъектов характеризуются как мнимые. Под мнимыми отношениями понимаются отношения хозяйствующих субъектов, позиционирующих себя в роли, отличных от нормативно-заданного экономического статуса [12, С. 56].

К сожалению, в экономической системе накопилось много примеров, где наблюдаются подобные мнимые отношения между субъектами. Причиной возникновения мнимых отношений

между субъектами является низкая способность институтов внедрять нормы и правила, которые позитивно бы воспринимались хозяйствующими субъектами, а, следовательно, характеризовали такое поведение как рациональное.

Для понимания возможности отечественных институтов исправить сложившуюся ситуацию, на наш взгляд, необходимо обратиться к генезису принципа «экономической рациональности и экономической сообразности» в аспекте характеристики экономического поведения субъектов. В экономической теории принцип поведенческой рациональности субъектов является производным от принципа «невидимой руки», который постулировал Адам Смит в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов». Образ «невидимой руки» занимает центральное место в современных дебатах о функциональных возможностях рынков.

С одной стороны, современные экономисты (отечественные) подвергают критике данный базовый принцип теории Адама Смита. Например, С.С. Дзасаров утверждал: «Теоретической основой существующей в России англо-американской модели экономики является постулат о рыночной саморегуляции («невидимая рука» рынка), которая лежит в основе теории общего равновесия. Согласно этому постулату предоставленный сам себе рынок стремится к равновесию и создает наиболее эффективно функционирующую экономику. Однако российская действительность опровергает эту оптимистическую концепцию. Наша экономика находится во власти диспропорций» [8, с. 162]. Не будет преувеличением сказать, что такое суждение находит поддержку у подавляющего большинства российских экономистов в научной среде. Принцип «невидимой руки» является центральной идеей труда «Исследование о природе и причинах богатства народов». При этом она является объектом критики, хотя подавляющее большинство ученых-экономистов ссылаются на Адама Смита в своих теоретических положениях. Кроме того, критика ограничивается областью неоклассической теории. Мы считаем, что исследование и критику центральной идеи Адама Смита невозможно объективно осуществить, рассматривая положения неоклассики отдельно от положений классической политэкономии. Так, Гордеев В.А. пишет: «Приоритет должен быть отдан методологии классической политэкономии с ее принципом причинно-следственных связей, с выявлением объективных экономических закономерностей» [6, с. 23].

Принцип «невидимой руки» неотделим от понятия «*homo economicus*», традиционного для классической и неоклассической школ экономической теории взгляда на человеческое поведение. К сожалению, категория рациональности в экономической литературе отождествляется с понятием оптимизации распределения ограниченных ресурсов, которое является частностью из всего спектра категории рациональности. Данная хозяйственная частность столь популяризирована П. Самуэльсоном в учебной литературе: «Невидимая рука рынка, действие которой описал Адам Смит, приводит общество к оптимальному экономическому результату. И хотя рыночный механизм далек еще от совершенства, он доказал свою удивительную эффективность при решении основных экономических проблем как, что и для кого» [18, с. 107]. На наш взгляд, такая узкая трактовка искажает принцип «*homo economicus*» и не позволяет объективно исследовать причины в сложившихся противоречий. Кроме того, в экономической литературе выделяют следующие критические «претензии» к понятию «*homo economicus*»: во-первых, модель поведения распространяется не только на экономическую деятельность, но и на весь комплекс человеческих отношений; во-вторых, модель «*homo economicus*», вышла из-под пера ученого и, являясь абстракцией, оторвана от реальности. «Наблюдается тенденция придать абстрактной модели «*homo economicus*» онтологический статус всеобщности и единственности в представлении сущности человека.... Пропагандируется модель «одномерного человека» [14, с. 94]. Однако, существует и противоположный взгляд, сторонники которого утверждают, что позиция критиков «невидимой руки» ограничена уровнем неоклассической теории и оторвана от ее первообразной теории – классической политической экономии. Так, например, сторонник институтов западных обществ, Нейл Фергюсон утверждает: «За такими теоретическими

конструкциями, как рациональное поведение, конкуренция, свобода собственности, трудовая этика, которые обеспечили экономический успех западной экономики, скрыт сложнейший код их многовекового развития и их перенос в любую другую экономику сопряжен с трудностями». Для понимания кода понятия рациональное поведение следует рассмотреть его генезис [21].

Эволюция понятия человека рационального подробно изложена в трудах французского ученого К. Лавалья: «Человек экономический не является субъектом одной только политической экономии и возник не только у экономистов. ... Скорее следует сказать, что экономика как наука оперлась на это антропологическое основание ради своего собственного развития и использовала это понятие как бесспорный постулат для развития своей специфической аксиоматики» [15, с. 15]. По нашему мнению, взгляд на фундаментальные идеи рыночной экономики, которые сформулированы были в XVIII веке сквозь призму современного мышления, в некотором отношении искажают смысл. Как писал Л. Роббинс: «Современные институты и современное мышление пронизаны наследием прошлого, и знать, как родилась та или иная идея, какие перипетии она претерпела внутренне в ходе развития предмета, и внешне, в смысле влияния, которое она оказала на социальные теории, как она изменилась сегодня, какой смысл имеет в ежедневном общении – все это, если вы хотите называться экономистами, вы должны хотя бы немного представлять» [17, с. 35].

В сущности, эволюция капитала (торгового капитала), породила особую форму экономического мышления. Как только в XIV веке в городе установили часы, стало понятно, что время – это инструмент контроля рабочей силы, эффективности производства, а значит, и источник дохода для производства и оплаты труда. Торговец, образно говоря, являлся бухгалтером времени, который был заинтересован в рациональном его использовании для эффективности производства. В этой новой форме экономического мышления прослеживается возникновение и развитие концептов «интереса», «пользы» и «индивидуализма», которые образуют основу рационализации.

Дальнейшее развитие и внедрение этих концептов в поведение человека осуществили поведенческую трансформацию от правила Блаженного Августина «Caritas sola non peccat» – «Безгрешно только милосердие» – к английскому правилу XVII века “Interest will not lie” – «Никогда не ошибается интерес» (герцог де Роган). Уже в XV веке Альберти откровенно пишет: «Я исходил из того, что деньги – это корень всех вещей, их материя и приманка. Никто не усомнится, что деньги суть нерв всех ремесел, ибо у кого много денег, тот не знает нужды и способен исполнить любое свое желание» [1 с. 227]. Комментируя мысль итальянского мыслителя, К. Лаваль пишет: «Для делового человека время есть мера, время – деньги» [15 с. 156]. Данная концепция распространяется не только на поведение владельца капитала, но и на любого человека. Человек понимается как существо нуждающееся, движущееся стремлением избежать страданий и именно богатство позволит это осуществить.

С XVI века формируется новое понимание счастья. Счастье является благополучием материального порядка. Именно идеи меркантилизма способствовали свободе частного интереса и свободе торговли (напомним, что все значимые для человечества географические открытия были осуществлены именно в XV веке). Постепенно формируется модель заинтересованного человека, целью которого является поиск наивысшего блага и личный расчет. Эта модель понимает человека как существа нуждающегося, движущегося стремлением избежать страданий. Со временем модель нуждающегося человека определила аксиому утилитарности, которую сформулировал И. Бентам в середине XVIII века: «Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей — страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать. Принцип пользы признает это подчинение и берет его в основание той системы, цель которой - возвести здание счастья руками разума и закона...» [4, с. 529-533]. Страдания и удовольствие управляют поступками человека, индивидуум естественным образом стремится к удовольствиям и бежит от неприятностей, так К. Лаваль анализирует размышления Гоббса: «Человек

состоит из желания и страха, он неутомим и далек от идеи созерцательного счастья. Желание – это проекция в будущее... счастье – это неустанное предупреждение желания, это путь от одного предмета к другому, где обладание первым есть лишь начало пути ко второму». [15, с.143]. Эта идея настолько была сильна, что была заложена концептом в конституции США Томасом Джефферсоном в XVIII веке: «Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы и наделены Творцом определенными [врожденными и] неотъемлемыми правами, среди которых – право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства» [9, с. 319]. С XVII века стала распространяться идея разумной обоснованности личного интереса как поиск наивысшего блага и личный расчет, которая распространяется на весь комплекс человеческих отношений – т.е. все гражданское общество рассматривается как множество пользовательских отношений. Роль собственного интереса человека в системе Смита сравнивали с ролью гравитации у Ньютона [16, с. 204].

Как писал Л. Роббинс: «Критерием верных с точки зрения морали действий он считает оценку безличным наблюдателем мотивов и следствий этих действий. Он представляет себе воображаемого беспристрастного наблюдателя, который не заинтересован ни в каком исходе дела». [17, с. 192]. Безусловно, беспристрастный наблюдатель или «*homo economicus*» являются методологическим приемом Смита. В своих работах Смит пишет, что личный интерес понимается всеми классами общества, но именно класс прожектеров (владельцев капитала) лучше всех остальных видит интерес: «Их превосходство над землевладельцем состоит не столько в понимании ими общественных интересов, сколько в лучшем понимании своих собственных интересов, чем это наблюдается у землевладельцев» [19, с. 282]. Важно отметить, что Смит отлично понимал последствия такой разницы в понимании интересов: «Интересы представителей той или иной отрасли или торговли всегда расходятся с интересами общества и даже противоположны им» [19, с. 282]. Одним из таких личных интересов владельца капитала является его крайняя заинтересованность в отсутствии конкуренции: «Расширение рынка и ограничение конкуренции всегда отвечают интересам торговцев..., который заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его» [19, с. 282]. Именно таким расхождением личных интересов с интересами общества Смит объясняет снижение экономического развития общества. Не будем забывать, что Смит предложил обществу вторую книгу «Теорию нравственных чувств», которая известна крайне узкому кругу ученых-экономистов, в которой видно, что Смит закладывает критерии моральности действий человека по отношению к окружающим.

Почему же в западном интеллектуальном сообществе нет такого явного раскола в концептуальном подходе к формированию социально-экономической политики? На наш взгляд, поведенческая модель, где в основе лежит личный интерес, эволюционировала в западном обществе в течение восьми веков и гармонично легла в управленческую модель всего общества. Как пишет К. Лаваль: «Человеком можно управлять через личный интерес, который позволяет предугадать реакции противника или другого субъекта. Рациональное поведение заключается в следовании данной логике. Искусство управления зависит от умения предугадать ситуацию. Обучаясь такому предугадыванию, мы сами становимся прозрачными для других субъектов и законодателю. Отсюда возможность рационального обоснования законов и правил, умение предугадать последствия того или иного закона. С XVII века термин «личный интерес» начинает занимать центральное место в политической рефлексии и сыграл важную роль в функционировании политической системы. Как пишет К. Лаваль: «Формируется концепция, согласно которой общественный интерес состоит из комплекса личных интересов, дает конкретное определение задач государственной власти. Все это опирается на представление о связи членов парламента и личных интересов тех, кого они должны представлять» [15, с. 78]. Комментируя данную мысль, можно сказать, что «личный интерес» стал базой субъективного восприятия каждого человека на ментальном уровне, а также дана основа для

формирования институтов, которые выстраивались друг под друга. Эволюция позволила сформировать внешние условия, позволяющие реализовывать объективные экономические интересы субъектов. Именно эволюция сделала «прозрачным» поведение субъектов перед законодателем и установило возможность «обратной связи» субъектов и законодателей. Это позволило построить институты, видение целей которых синхронизировано с целями хозяйствующих субъектов. Благодаря такой синхронизации субъекты объективно позиционируют себя в заданной институтами роли нормативно-определенного статуса. Созданные временем условия не дают возможности проявиться повсеместно мнимым отношениям. Действительные отношения отражают ту или иную степень проявления экономической рациональности в действиях хозяйствующих субъектов. Эволюция сформировала среду, в которой экономический субъект функционирует в рамках сложившихся институциональных и организационно-экономических норм и не нуждается в их коренных преобразованиях.

В этом смысле можно понять, почему идея Смита с трудом воспринимается в российском научном сообществе. Ведь человеческие отношения российского общества не вышли из постулата «личный интерес» в отличие от человека западного общества. Это совершенно не значит, что нам чуждо понимание «личного интереса», напротив, практика показывает огромное количество нечистоплотных государственных служащих, которые только и руководствуются личным интересом в своей деятельности. Существование мнимых отношений между субъектами находит свое объяснение: во-первых, наличием проблем на уровне институтов. Как пишет Аузан А.: «Некоторые государственные деятели утверждают, что институтам в России не место. Иван Ильин, Николай Бердяев говорили, что в России нет институтов, есть персоны» [2, с.28]. Во-вторых, понятие рационального поведения можно интерпретировать через субъектный подход. Как пишет Л.А. Карасева: «Если внешние условия реализации социально-экономического статуса субъекта не позволяют ему реализовать экономический интерес, то он объективно позиционирует себя в роли, отличной от нормативно-заданного статуса. Возникает экономическая иррациональность его действий» [13, с. 10].

Ввиду того, что в российском обществе не было времени и условий для становления институтов с возможностью их «синхронизации» со сложившейся системой экономических интересов, институты (формальные), устанавливаемые сверху, регламентируют «правила игры». При этом хозяйствующие субъекты не воспринимают предложенного алгоритма и выстраивают свое поведение с учетом своего интереса, который не имеет легитимного поля для своего выхода. Именно это обстоятельство объясняет многочисленные факты прямого обращения субъектов (руководителей фирм и представителей домохозяйств) к главе государства для разрешения своих экономических проблем. Это свидетельствует о неспособности местной власти разрешать проблемы хозяйствующих субъектов и выстраивать с ними отношения.

Безусловно, на институциональном уровне требуются преобразования, позволяющие самой системе эффективно разрешать проблемы. Довольно сложно проводить институциональные преобразования без создания механизма по фиксации интересов субъектов на законодательном уровне. Так, история Западной Европы, в частности, история развития городов, четко свидетельствует о том, как интересы капитала через класс буржуазии встраивались в механизм экономической политики государства через формирование новых институтов. Безусловно, российская экономика до сих пор находится в переходном периоде, когда не успели сформироваться правила и нормы, обеспечивающие синхронизацию поведения субъектов с институциональным механизмом, предлагаемым государством, в условиях, где государство является крупнейшим субъектом экономики. На наш взгляд, только государство в состоянии построить институциональную среду с простыми и понятными «правилами игры», обеспечивающими не только легитимное поле для выхода интереса субъекта, но и неизбежное соблюдение принципа – «права собственности». Такой шаг позволит существенно повысить уровень доверия хозяйствующих субъектов к обществу и сформировать новые хозяйственные ценности

их взаимодействия. Единственным решением для реализации данной меры является проведение изменений в административном управлении.

Для расширения каналов связи между хозяйствующим субъектом и государством необходимо делегировать полномочия органам местного самоуправления в части построения отношений с хозяйствующими субъектами. История экономики показывает, что органы местного самоуправления могут эффективно, а главное, быстро решать проблемные хозяйственные вопросы субъектов. Так, например, административная реформа Екатерины Второй 1775 года создала условия для возможности органов местного самоуправления решать в том числе и экономические проблемы [11]. Для снижения коррупционной составляющей важно защитить собственность субъектов, соблюдая принцип права собственности. Как писал Н. Фергюсон: «Права собственности – это не просто демократия; это правовая норма, основанная на правах собственности» [21].

В истории нашей страны уже был подобный опыт, когда в начале века были созданы простые «правила» по созданию юридических лиц (юридическая процедура придания легитимности хозяйственной деятельности в нашей стране занимает около двух недель, в то время как в Египте, странах Южной Америке такой процесс занимает несколько месяцев). Сформированные нормы позитивно были восприняты бизнес-сообществом и позволили создать среду для развития малого и среднего бизнеса. Конечно, были и негативные последствия такого шага, например, создание фирм «однодневок» или «одуванчиков», которые в огромном количестве создавались для целей ухода от налогообложения. Однако полученный положительный эффект, давший импульс развитию малого и среднего бизнеса, несоизмеримо велик в сравнении с его негативными последствиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альберти Леон Батиста. Книги о семье / пер. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры. 416 с.
2. Аузан, Александр. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь / Александр Аузан. – 4-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 192 с. С. 28.
3. Асмолов А.Г. Гонки за будущим.... И вот наступило потом // «Образовательная политика», № 4 (74), 2016.
4. Бентам И. Принципы законодательства II Деборин А. Книга для чтения по истории философии: В 2 т. М., 1925. Т. 1. 533 с.
5. Глазьев С. Ю., Кудрин А.В., Греф. Г.О. Сессия Сбербанка: «Новая конкурентноспособность: альтернативы и перспективы. ПМЭФ, 22.05.2014» //22 Мая 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9S04lyNEOIk> (дата обращения: 04.02.2020).
6. Гордеев В.А. Классическая политэкономия как методология сущностно-содержательного изучения категорий в русле теоретической экономики. // Современные проблемы глобальной экономики: от торжества идей либерализма к новой «старой» экономической науке: Материалы Международной научной конференции / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2014. – 456с.
7. Дональд Н. МакКлонски. Полезно ли прошлое для экономической науки? THESIS, 1993, вып.1. с.107-135. С. 128.
8. Дзасаров С.С. Мейнстрим в России: провал и альтернатива // ЭНСП. 2005, №4 (31). С. 156-162.
9. Джефферсон Томас. Автобиография. Заметки о штате Виргиния / пер. В.М. Большакова с участием В.Н. Плешкова. «Ленинград»: Наука. 1990. с. 319.
10. Замулин О. Лекция: «Макроэкономика: уроки истории и современные вызовы»// <http://sberbanktv.ru>, 26 Январь 2018. URL: (<https://www.youtube.com/watch?v=12CefRL5vAM>) (Дата обращения: 04.04.2019).

11. Каменский Александр: «Екатерина II - личность политика, как исследовательская проблема»// 9 апреля 2014 года. URL: (<https://www.youtube.com/watch?v=VYMBDpLAYig>) (дата обращения: 12.02.2020).
12. Карасева Л.А. Проблемы современной российской экономики сквозь призму ее структурных уровней.: монография. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 2012. – 144 с.
13. Карасева Л.А. К проблеме поведения хозяйствующих субъектов Факторы развития экономики России: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 22-23 апреля 2014 года. г. Тверь. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. 259с. – С. 8-13.
14. Ковшов Е.М. Роль гедонизма в построении модели «homo economicus». Вестник СамГУ. 2012. № 5 (96) с. 90-95.
15. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма / Пер. с фр. С. Рындина. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 432 с.
16. Ослингтон П. Бог и рынок: «невидимая рука» Адама Смита. Христианское чтение № 1, 2015. С. 181 - 206.
17. Роббинс, Л. История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики / пер. с англ. Н.В. Автономовой под ред. В.С. Автономова. – М.: Изд. Института Гайдара, 2017. – 488 с.
18. Самуэльсон, Пол Э., Нордхаус, Вильям, Д. Экономика, 19-е изд., испр., и доп.: Пер. с англ. – СПб.: ООО «Диалектика», 2019. – 1328 с.: ил. – Парал. Тит.англ.
19. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; [пер. с англ.; предисл. В.С. Афанасьева]. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с. – (Антология экономической мысли).
20. Сорокин Д.Е. Политическая экономия технологического лидерства// 11.12.2019 URL: https://vk.com/video-118923932_456239342 (дата обращения: 07.04.2020).
21. Фергюсон Нейл: «6 killer apps процветания» // 19.09.2011 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xpnFeyMGUs>. (дата обращения: 04.04.2020).

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ И РИСКИ

Корнилов Алексей Михайлович

соискатель степени кандидата экономических наук,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Департамент экономической теории.
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail:lyokha74@mail.ru

Аннотация: Цифровая трансформация, которую переживает мировая хозяйственная система, в последнее время воспринимается как некое универсальное решение всех проблем мирового хозяйства. Между тем самая её концептуальная основа такова, что обещает в ближайшем будущем не столько построение утопичной «экономики знаний», но скорее институализацию имитационного развития и формирование экономики финансовых пузырей. В статье исследуется, насколько безальтернативна эта перспектива.

Ключевые слова: мировая хозяйственная система, цифровая трансформация, цифровая революция, экономика знаний, инновация, рост, развитие, ресурс, наука, технологии, платформа, краудсорсинг.

JEL: A12, A13, B51, D24, D26, D31, D33, D91, E24, I23, J24, J64, P35

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE WORLD ECONOMIC SYSTEM: CURRENT DILEMMAS AND RISKS

A.M. Kornilov,
PhD candidate,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Department of Economic Theory
Moscow, Russian Federation

Abstract: The ongoing process of digital transformation the world economic system is currently experiencing has recently been perceived as a universal solution to all the problems of the world economy. Meanwhile its' very conceptual basis is such that it promises in the near future rather than construction of a utopian "knowledge economy", institutionalization of imitation development and the formation of an economy of financial bubbles. The article explores how uncontested this prospect is.

Keywords: world economic system, digital transformation, digital revolution, knowledge economy, innovation, growth, development, resource, science, technology, platform, crowdsourcing

Введение.

В современном обществе – причём, не только в массе когнитариата, но и среди учёных-научковедов, экономистов и госуправленцев – сформировалось избыточно-оптимистическое представление о некоей преддетерминированности скорейшей трансформации глобального хозяйства в некую цифровую утопию – по сути новое издание концепции «экономики знаний» – в рамках которой сами собой излечатся все и всяческие язвы современного общества, и лев перманентного научно-технического прогресса почитет вкупе с агнцами самовосстановления экосистемы и экспоненциального роста человеческого потенциала. «Цифровая трансформация», которую переживает мировая хозяйственная система, якобы уже сформировала необходимую инфраструктуру, и ей нужно лишь немного времени, чтобы заработать на полную мощь.

Насколько эфемерными могут оказаться подобные надежды, свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что дебютом цифровых технологий в качестве ключевого фактора мировой

хозяйственной динамики стал т.н. «крах доткомов» (10 марта 2000г.). Из-за него в одних только США сектор высокотехнологичных товаров и услуг просел в 2000 – 2002гг. на 5 триллионов долларов [10], тогда как в масштабе глобальном негативный эффект от неудачного старта полностью не изжит до сих пор. Было ли произошедшее случайностью? Вряд ли – учитывая достаточно рельефно обозначившиеся в последние два десятилетия две характерные особенности цифровой экономики. Первая из них состоит в системной пролиферации активов, не имеющих не только внятного материального обеспечения, но вообще сколько-нибудь определённой, поддающейся расчёту стоимости. Как точно подметил Том Гудвин, вице-президент Navas Media по вопросам инновационного развития, все компании – локомотивы цифрового бизнеса - объединяет одна характерная особенность: «Uber, ключевой игрок на рынке такси, обходится без собственного автопарка, Facebook, доминируя на рынке масс-медиа, собственный контент не генерирует, у Alibaba, крупнейшего из ретейлеров, отсутствуют собственные товарные запасы, Airbnb, крупнейший онлайн-риэлтор, не имеет своей недвижимости» [11]. В конечном итоге единственным обеспечением акций этих гигантов оказывается ... всеобщая вера, что со временем их можно будет продать дороже. Впредь до очередной паники на бирже подобные активы принято вежливо именовать «венчурными», после – они немедленно переходят в разряд «токсичных»...

Вторая особенность цифровой экономики заключается в тенденции наращивать стоимостную массу не столько за счёт новых услуг, сколь угодно виртуальных, и тем более – не за счёт выведения на рынок новых товаров, но посредством всё более строгого регулирования оборота информации и подчинения последнего нормам права, конвергентно сближающимся с вещным. Возникает закономерный вопрос, какая деятельность в подобном контексте более осмыслена экономически: направленная на накопление нового знания и расширение доступа к нему общества? Или на спекуляцию этим знанием – на фоне общего интеллектуального оскудения? И не получим ли мы в ближайшем будущем вместо «экономики знаний» новое издание Средневековья: с информационными потоками, запруженными за счёт монопольных ограничений, и научным поиском, вконец зарегулированным корпоративной тайной и профанированным коммерческой целесообразностью?

Таким образом, цель этого исследования состоит в том, чтобы предметно разобраться, действительно ли между «цифровой революцией» и «экономикой знаний» имеется причинная связь? И если да, то какими механизмами она обеспечивается?

Результаты исследования.

Прежде всего, следует отметить, что «цифровая экономика» (или иначе «революция») – это не самостоятельная концепция, но лишь обновлённая, более предметная версия экономики «инновационной». Та и другая могут быть противопоставлены классической политэкономии в том отношении, что вместо удовлетворения объективно существующего спроса, смещают акцент хозяйственной деятельности на актуализацию спроса «латентного» – т. е. навязывание публике потребностей, которые раньше она не испытывала. Принципы инновационной экономики, как известно, впервые описал Йозеф Алоиз Шумпетер – в монографии «Теория экономического развития» (1911). Проведя строгое различие между ростом «народного хозяйства» (механическим, количественным) и его развитием (качественным изменением), австрийский учёный выводил последнее исключительно из «рекомбинации располагаемых ресурсов» – т.е. инноваций, последовательно противопоставляемых хозяйственным нововведениям вообще [1, с.154–158]. Сама же инновационная деятельность, при этом, мотивировалась «созидательным разрушением» – постоянным обесценением наличных активов в свете появления новых потребностей и производственных возможностей. Иначе говоря, поток инноваций обуславливал сам себя.

В первоначальной своей форме выводы Шумпетера большого интереса в экономической науке не вызвали. Идея хозяйственного развития посредством одной лишь рекомбинации располагаемых ресурсов, к тому же исключительно силой опережающих своё время идей, слишком напоминала

клерикальное *creatio ex nihilo*, применённое к экономической проблематике. Принцип «созидательного разрушения» в качестве источника роста стоимостной массы так же не мог не вызывать определённых сомнений. Ведь, действительно, девальвация вытесняемых в процессе внедрения инноваций товаров и услуг должна порождать кумулятивный эффект – за счёт стоимостных потерь в профильной инфраструктуре и снижения покупательной способности занятого в ней персонала. Что, в свою очередь, поведёт к снижению инвестиционного потенциала и вместо развития породит депрессию [6]. Что же касается решения этой проблемы, предлагавшегося самим Шумпетером: финансирования инновационного процесса в счёт будущих прибылей, многократно преумноженных за счёт всё того же «созидательного разрушения», – то в условиях господства золотого стандарта современникам оно должно было показаться чем-то вроде печатания банкнот под обеспечение «кладов земных», по рецепту гётевского Мефистофеля. Но самое главное, к 1934г. – выходу в свет третьего издания «Теории экономического роста» – на наработки Шумпетера ещё не существовало серьёзного социального заказа: ресурс экстенсивного роста экономики, которому противопоставлялись преимущества инновационного развития, далеко ещё не был исчерпан.

К середине 70-х годов XX в., однако, ситуация изменилась. С одной стороны, начала сказываться неравномерность прироста населения и располагаемых природных ресурсов. С другой – процессы интеграции мировой хозяйственной системы зашли настолько далеко, что заставили всерьёз задуматься о том, как она будет функционировать в условиях полной своей замкнутости [8; 9]. Ведь не секрет, что «идеальная» глобализированная экономика, полностью свободная от административных и таможенно-тарифных пережитков эпохи «национальных государств», одновременно приобретает характер «жёсткой» автаркии – в которой, согласно Бём фон-Баверку, всякое хозяйственное развитие замирает, уступая место простому замещению стоимостей [5, с.316].

Господствовавшие на тот момент течения экономической мысли оказались не в состоянии предложить рецепт устойчивого роста в условиях замкнутой хозяйственной системы [3, 13, 14], так что концепция инновационного развития как неисчерпаемого источника новых стоимостей осталась в буквальном смысле вне конкуренции.

Кроме того, росту её популярности способствовали ещё два обстоятельства. Во-первых, с деконструкцией в 1971–1973гг. остатков золотого стандарта отпали последние возражения против наиболее уязвимой из теоретических наработок Шумпетера – финансовой. А во-вторых, идея инновационного развития попала в резонанс с набиравшей в то время популярность теорией конвергенции и многочисленными – хотя и довольно однообразными – спекуляциями в её рамках относительно устройства будущего «постиндустриального» общества: с работами Тоффлера [2], Белла [4], Масуды [16], Нейсбита [12] и др. Именно оттуда инновационный дискурс набрался словесной шелухи, коннотирующей технологичностью и наукоёмкостью – чего сам Шумпетер, к слову сказать, подчёркнуто избегал.

Новое издание концепции инновационного развития казалось настолько многообещающим, столь созвучным духу времени и главное – вполне соответствующим наблюдаемым фактам – что как-то сами собой из поля зрения экспертного сообщества выпадали две самоочевидные его уязвимости. Первая – состоит в том, что единожды встав на путь «финансирования по Шумпетеру» – т. е. выдачи обязательств, покрыть которые возможно будет только за счёт «созидательного разрушения» наличной стоимостной массы – экономика становится заложницей не просто некоторого уровня потребления, но определённой плотности потока инноваций. И если соответствующую плотность по каким-то причинам оказывается невозможно поддержать за счёт изобретений и новшеств реальных, содержательных, то требуемую новизну необходимо – более того, императивно – сымитировать.

Вторая уязвимость, на самом деле, логически вытекает из первой. Суть её состоит в том, что подлинно прорывные инновации практически никогда не приносят финансовый успех своим непосредственным авторам, но, как правило, коммерциализируются эпигонами [7, с. 5]. При этом,

финансовая отдача от вторичных инноваций тем выше, чем эфемернее изменения, вносимые в исходную продукцию, а от инноваций вообще – чем большая доля в затратах на их создание приходится на агрессивную рекламу (т. н. «хайп»).

Негативный эффект от двух этих уязвимостей – в совокупности заслуживающих специального определения, «шумпетерианской ловушки» – в условиях цифровой революции лишь возрастает – и возрастает многократно. Во-первых, потому, что достигнутый уровень цифровых технологий позволяет эмулировать реальность со степенью реалистичности, едва ли не большей, чем у явлений, непосредственно наблюдаемых. В купе со стремительно нарастающей специализацией научного знания это во многом подрывает, а в перспективе – вовсе сводит на нет самую возможность аудита научного поиска, практически стирая грань между реальными достижениями и теми, что существуют лишь в виде цифрового анимированного рисунка или иного подобного симулякра. Встроенные возможности сетевых платформ, с другой стороны, позволяют не просто распространить соответствующий контент на сколь угодно широкую аудиторию, но придать его восприятию достоверность, граничащую с непосредственным опытом, и даже сделать поиск его коннотатов в буквальном смысле аддиктивным.

Сюда же следует прибавить и дополнительные стимулы для скатывания инновационного процесса в «шумпетерианскую ловушку», актуальные в специфических современных условиях – перехода пятого технологического уклада в платообразную фазу развития, когда в свои права вступает закон убывающей доходности, и «отбить» колоссальные инвестиции, сделанные в микроэлектронику и информационные технологии с помощью новых изобретений становится невозможно. Всё это вместе, как нетрудно догадаться, открывает абсолютно беспрецедентные возможности для генерации квазитехнологичного хайпа и продвижения псевдоинноваций.

Этим, однако – девальвацией подлинного нового знания относительно лжеименного – дестимулирующий эффект цифровой революции на становление экономики знаний отнюдь не исчерпывается.

Нестойт забывать, что «Большая наука» – это детище «Большого производства», индустриализации, более того – сверхнапряжения последней в условиях бескомпромиссного противостояния систем в годы «Холодной войны». Потребность армий в солдатах, способных обращаться с оружием всё возрастающей сложности, и промышленности – в квалифицированных кадрах, способных подобное оружие производить, сделали массовым сначала среднее, а потом и высшее образование. В результате постоянно расширялся пул лиц с достаточным информационным и культурным багажом, чтобы построить научную карьеру. Потенциальных учёных культивировали, надеясь когда-нибудь получить их трудами «вундерваффе», которое раз и навсегда решит исход гонки вооружений. Страх же, что противник успеет сделать это раньше, заставлял не жалеть средств на собственный научно-технологический комплекс – в ущерб, если надо, чуть ли не всем остальным сферам жизни общества.

Сейчас, в условиях функциональной монополярности глобального политического пространства, всё изменилось. К большим войнам уже никто не готовится, как следствие – качество продукции ВПК страдает от псевдоинновационных соблазнов едва ли не больше, чем гражданское производство, а Большая наука, оставшись без сметного финансирования, оказывается вынуждена оправдывать своё существование коммерциализацией собственной продукции – т. е. прямой профанацией научного поиска. Но дело даже не в этом.

Достигнутый уровень развития технологий сделал неотъемлемым элементом цифровой революции автоматизацию и роботизацию. Благодаря их успехам – объективно очень значительным – человек стремительно вытесняется из сферы производства. При этом технологическая безработица принимает совершенно безнадежный («системный») характер, поскольку любую вызванную к жизни цифровой революцией массовую профессию роботы благодаря головокругительным успехам машинного обучения осваивают быстрее и качественнее, чем люди. И если где-то в хозяйственном обороте человеку и удастся сохранить занятость подольше, то этой сферой с большой вероятностью

станет сетевой маркетинг. А в этой сфере сухой позитивизм научного мировоззрения не просто бесполезен – контрпродуктивен, поскольку налагает психологические ограничения на выбор средств убеждения потенциального клиента. Более того, излишне образованный (в традиционном смысле) потребитель в подобной хозяйственной парадигме – это уже само по себе серьёзное препятствие для экономического роста. И как таковое, скорее всего, будет оперативно устранено – допустим, с помощью ревизии образовательных программ на началах какого-нибудь их вариантов постмодернистской химеры.

Так или иначе, но помимо институализации «финансовых пузырей» – подобных доткомовскому – и общего сваливания научно-технического развития в имитационный режим ещё одним непосредственным следствием цифровой революции с высокой вероятностью станет коллапсирующая девальвация интеллектуального капитала – прежде всего в человеческой его форме – и как следствие, существенное сужение пула лиц, в принципе способных пополнить ряды научно-исследовательского сообщества, на фоне общей маргинализации научного мировоззрения. Вряд ли у кого-то повернётся язык связать подобный порядок вещей понятием «экономики знаний».

Выводы.

Значит ли всё вышесказанное, что «цифровая революция» совершенно не совместима с «экономикой знаний»? Вовсе нет. Будущее последней, как уже отмечалось ранее, зависит в первую очередь от того, удастся ли обеспечить определённую плотность инновационного потока – причём, за счёт инноваций исключительно – или хотя бы преимущественно – содержательных. Это, в свою очередь, потребует радикальных структурных изменений в секторе исследований и разработок, сравнить которые можно только с переходом от мануфактуры к фабричному производству в сфере физического труда. И цифровая революция как раз и создаёт условия для подобной трансформации, обеспечивая её как необходимым человеческим ресурсом, так и оптимальными инструментальными решениями.

Новыми кадрами для научно-технологического комплекса послужат те самые массы безнадёжных безработных, чьи ряды будут постоянно пополняться по мере прогресса автоматизации и роботизации. Пренебрегать их потенциалом в части генерации нового знания было бы легкомысленно хотя бы потому, что значительную часть этого ресурса составят лица, а)обладающие специальной подготовкой (базовым высшим образованием, зачастую подкреплённым учёной степенью), но в силу стечения жизненных обстоятельств от научной деятельности отошедших; б)демонстрирующие повышенные интеллектуальные способности и природную склонность к умственной деятельности, но по тем или иным каким-то причинам надлежащей подготовки не получивших .

Поскольку во избежание коллапса платёжеспособного спроса системных безработных всё равно придётся обеспечить некоей формой перманентного пособия по бедности (по аналогии с базовым универсальным доходом), их взаимодействие с научно-исследовательским сообществом скорее всего будет осуществляться в формате краудсорсинга – тем более, что научное творчество наиболее продуктивным бывает (при прочих равных) в том случае, когда лежит на стыке деятельности профессиональной и рекреационной (досуга, хобби). Для повышения привлекательности и повышения отдачи от участия в научном поиске непрофессионального элемента целесообразно было бы предусмотреть для последнего систему материального поощрения идей, имеющих узко-научную или коммерческую ценность – по аналогии с практикой рацпредложений советской эпохи. Подобное решение одновременно обеспечит существенный ресурс роста, чисто хозяйственного – за счёт стимуляции платёжеспособного спроса.

Что касается релевантного инструментария цифровой революции, то осуществлять научный краудсорсинг было бы целесообразно на базе специализированной сетевой платформы [17, с. 173]. Подобный формат представляет особенный интерес ещё и потому, что априори имеет модульную

структуру и может быть легко адаптирован как под запросы непрофессионального элемента, так и специфические нужды научно-исследовательского сообщества. В первом случае речь может идти об интеграции массива чисто игровых приложений – образующих, в то же время, единую архитектуру с подсистемой обучающих и развивающих ресурсов, по возможности геймифицированных, но не только. Что касается сервисов, ориентированных на профессиональных учёных, то их набор и реализация в принципе уже отработаны на существующих профильных сетевых научных ресурсах и нуждаются лишь в некоторой систематизации. Компонента платформы, предназначенная в первую очередь для научно-исследовательского сообщества, помимо чисто служебных решений: библиотек, базы данных научных кадров, тематизированных онлайн-конференций, новостных лент, чатов и досок объявлений – должна будет включать функцию открытого онлайн-университета (с возможностью подгружать на этот ресурс авторские курсы), а также площадки, обеспечивающие пользователям ускоренное размещение публикаций в рецензируемых онлайн-изданиях, онлайн-защиту диссертаций, наконец, включение (при наличии достаточной квалификации) в экспертные пулы. Участие в этих элементах функционала платформы – как за счёт создания оригинального контента, так и конструктивной его критики – должно немедленно отражаться на академическом рейтинге каждого её пользователя. Для этого потребуются специальный инструмент – «кроссвалидация», или иначе говоря, анонимная для прочих пользователей платформы функция «лайк», с ранжированной шкалой оценок и индивидуальным коэффициентом, применяемым к каждой оценке в зависимости от уровня компетентности пользователя в данной конкретной области знаний. Уровень этот целесообразно рассчитывать, исходя из машинного анализа академических регалий, предоставляемых пользователем при регистрации в системе. В дальнейшем оценка его компетентностей должна динамически корректироваться в зависимости от того, какие профильная деятельность пользователя «валидируется» остальными участниками сообщества. Присвоение академического рейтинга – сколь угодно низкого поначалу – и применение инструмента кроссвалидации следует сделать доступным не только для полноправных членов научно-исследовательского сообщества, но и непрофессионального элемента – участников краудсорсинга. Вместе с онлайн-университетом это даст им одновременно и мотив, и возможность – пускай даже несколько иллюзорную – со временем на равных влиться в ряды полноценных учёных. При необходимости функционал платформы можно будет расширить и адаптировать для младших возрастов – вплоть до начальной школы включительно.

Венчать архитектуру подобной научно-краудсорсинговой платформы могла бы своеобразная «биржа идей» – площадка, где результаты интеллектуальной деятельности её участников – включая рацпредложения и прочий не слишком наукоёмкий креатив – будут котироваться (по результатам той же кроссвалидации) по аналогии с традиционными ценными бумагами, с последующим выпуском под них электронных платёжных средств, допустим, на основе вошедших в последнее время в моду блокчейн-технологий. Подобное решение стало бы практической реализацией одного из ключевых критериев «экономики знания» – превращение кодифицированного знания в важнейшую составляющую хозяйственного взаимодействия, более того – в основной и прямой источник стоимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шумпетер Й.А. Теория экономического роста / Й.А. Шумпетер. — М. 2008.
2. Тоффлер Э. Третья Волна / Э. Тоффлер. — URL: http://www.read.virmk.ru/present_past_pdf/Toffler_Tretiya_volna.pdf (дата обращения: 02.03.2020).
3. Abramovitz M. Rapid Growth Potential and its Realisation: The Experience of Capitalist Countries in the Post-war period, in Malinvaud, E. (ed.) / M. Abramovitz // Economic Growth and Resources. — London: Macmillan, 1979.
4. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell. — New York, 1973.

5. Böhm-Bawerk, Eugen von. Positive Theorie des Kapitals. — Jena, 1921.
6. Brynjolfsson E. Using Massive Online Choice Experiments to Measure Changes in Well-being / E. Brynjolfsson, F. Eggers, A. Gannamaneni. — 2017. — URL: <https://www.nber.org/papers/w24514> (дата обращения: 02.03.2020).
7. Christensen C.M. The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great Firms to Fail / C.M. Christensen, D. Leslie. — 1997.
8. Donella H.M. The Limits to Growth / H.M. Donella, D.L. Meadows, J. Randers. — 1972.
9. Forrester J.W. World Dynamics / J.W. Forrester. — 1971.
10. Gaither C., Chmielewski D. C. Fears of Dot-Com Crash, Version 2.0 // (July 16, 2006) Los Angeles Times. — URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2006-jul-16-fi-overheat16-story.html> (дата обращения: 02.03.2020).
11. Goodwin T. The Battle Is For The Customer Interface / T. Goodwin. — URL: <https://techcrunch.com/2015/03/03/in-the-age-of-disintermediation-the-battle-is-all-for-the-customer-interface/> (дата обращения: 02.03.2020).
12. Naisbitt John. Megatrends: Ten New Directions. Transforming Our Lives. New York: Warner Books. 1982
13. Romer P.M. Endogenous Technological Change, Journal of Political Economy / P.M. Romer. — 1990. — 98.
14. Solow R. «A Contribution to the Theory of Economic Growth» / R. Solow // Quart. J. Econ. — Feb. 1956. — 70 (1).
15. The Future of Jobs: Employment, Skills and Workforce Strategy for the Forth Industrial Revolution // WEF: Global Challenge Insight Report. — Colony/Geneva, 2016. — 159 p.
16. Yoneji Masuda, The information society as post-industrial society, Fundesco-Tecnos, Madrid, 1984.
17. Корнилов А.М. (2020). Будущее цифровой революции: коллапс рынка рабочей силы или научный краудсорсинг? // Вопросы политической экономии, №1 (21), С. 165-177.
18. Корнилов А. М. Цифровизация экономики как фактор дестимуляции хозяйственного роста // Государство и Бизнес. Система цифровой экономики. Материалы XI международной научно-практической конференции. Т. 3. 2019, Санкт-Петербург.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Статья подготовлена в рамках проекта № 18-08-0014 «Трансформация налогообложения в цифровой экономике» по договору пожертвования денежных средств Фондом целевого капитала ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» от 28.01.2019 г. № Д-38-19 и дополнительному соглашению №1 от 19.03.2019 г.

Синенко Ольга Андреевна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
кафедра «Финансы и кредит», Школа экономики и менеджмента
г. Владивосток, Российская Федерация.
E-mail: sinenko.oa@dvfu.ru
ORCID: 0000-0001-7497-9475

Аннотация: В условиях цифровизации экономики возникает необходимость адаптации налоговой системы в сфере налогообложения доходов физических лиц к новой интеллектуально-информационной эпохе, т.е. разработка оптимальных механизмов налогообложения и налогового администрирования доходов физических лиц. В работе использованы методы логического и системного анализа и синтеза эволюции налогообложения и налогового администрирования доходов физических лиц. Исследован опыт налогообложения доходов физических лиц в условиях цифровизации экономики. Выделены тренды цифровой экономики, влияющие на налогообложение доходов физических лиц и обоснованы проблемы, к которым они приводят. Проведен анализ влияния цифровизации на поступления по налогу на доходы физических лиц и на уровень безработицы. А также предложен комплекс рекомендаций по совершенствованию системы налогообложения доходов физических лиц в России в условиях цифровизации. Актуальность данной работы заключается в высокой значимости возникающих в процессе цифровизации экономики угроз для сферы налогообложения доходов физических лиц.

Ключевые слова: налогообложение доходов физических лиц; цифровизация; налоговые риски; НДФЛ, трансформация налогообложения.

JEL: H22; H24

TRANSFORMATION OF TAXATION OF PERSONAL INCOME IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Sinenko Olga Andreevna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor, Chair of Finance and Credit, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation.

Abstract: In the context of the digitalization of the economy, there is a need to adapt the tax system in the field of taxation of personal income to a new intellectual and informational era, i.e. development of optimal mechanisms for taxation and tax administration of personal income. The paper used methods of logical and system analysis and synthesis of the evolution of taxation and tax administration of personal income. The experience of taxing the income of individuals in the context of the digitalization of the economy is investigated. Trends in the digital economy that affect the taxation of income of individuals are highlighted and the problems they lead to are substantiated. The analysis of the impact of digitalization on income tax on personal income and on the unemployment, rate is carried out. Also, a set of recommendations is proposed to improve the system of taxation of personal income in Russia in the context of digitalization. The relevance of this work lies in the high importance of threats arising in the process of digitalization of the economy of the economy for the sphere of taxation of personal income.

Keywords: personal income taxation; digitalization; tax risks; personal income tax; transformation of taxation.

Ускоренное развитие технологий требует изменений в национальных налоговых системах стран мира, а также изменений в международном налогообложении, направленных на нахождение консенсуса между странами. Вопросы подоходного налогообложения исследовали представители различных экономических течений. У меркантилистов, в частности, Пьер Буагильбер считал необходимым все косвенные налоги заменить на подоходные. Создатель основных принципов налогообложения - Адам Смит - наиболее подходящими для налогообложения считал личные доходы граждан. Карл Марс утверждал, что налоги - средство угнетения трудящихся. Джон Стюарт Милль создал прообраз современного налогообложения, обосновав необходимость прогрессивного налогообложения и необлагаемого налогового минимума. В теории Дж. М. Кейнса обоснована регулирующая функция налогов. А. Лаффер определил оптимальный размер налоговой ставки, обеспечивающий максимальную сумму налоговых доходов бюджета, на уровне 30—40 % [1]. Современная теория налогов в целях эффективного функционирования системы подоходного налогообложения предполагает соблюдение основополагающих принципов налогообложения.

В связи с цифровой трансформацией экономики становится все более очевидным, что налоговая система не вписывается в реалии цифровой экономики. Тенденция изменения налогов во взаимосвязи с происходящими изменениями в экономике прослеживается на всех исторических ступенях развития общества. Так, например, в конце XVIII века появились налоги на доход физических и юридических лиц. Производственные предприятия стали обязаны предоставлять публичную отчетность, в том числе о доходах рабочих, такая отчетность подлежала проверке независимыми аудиторами.

Развитие цифровой экономики, переход к четвертой промышленной революции ставят перед государством новые задачи с точки зрения налогообложения и налогового администрирования. Появление новых товаров и услуг (в т.ч. цифровых), цифровых валют, возможность ведения трансграничной торговли посредством сети интернет, обработка больших данных, изменение бизнес-процессов, повышение мобильности граждан требует от налоговых органов принятия определенных мер. В своей работе В.П. Вишневский говорит о том, что налоговые системы стран мира отличаются большим разнообразием и, как показывает практика, аналогичные налоговые нормы (по подоходному налогу с граждан) в одних условиях работают хорошо, а в других – плохо [2]. Однако изучение зарубежного опыта является важной составляющей исследования, поскольку в плане развития экономики и построения цифрового общества прослеживается большой разрыв между лидерами и аутсайдерами цифровизации.

По данным Boston Consulting Group (BCG), Россия на 5-8 лет отстаёт от лидеров цифровой экономики [3, 6]. Однако по цифровой трансформации налогового администрирования Россия занимают одну из лидирующих позиций. Россия совместно с Великобританией, Австралией, Новой Зеландией, Данией, Канадой, Сингапуром и США является членом Брисбенской группы (группа технологически передовых налоговых служб), задачей которой является обмен опытом в открытом диалоге между странами [4]. Согласно рейтингу цифровой конкурентоспособности, опубликованному швейцарской бизнес-школой IMD в 2019 г., Россия заняла 38-ое место (70,4 балла из 100 возможных). Всего в рейтинг вошли 63 страны. Оценка IMD строится на основе 50 критериев, объединенных в три основные группы: знания, технологии и готовность к будущему. Лидером по версии IMD стали США, которые сместили лидера предыдущего года Сингапур на второе место, третью строчку заняла Швеция (таблица 1).

Целью рейтинга цифровой конкурентоспособности является оценка того, в какой степени страна использует цифровые технологии, способствующие трансформациям в государственной сфере, в бизнес-моделях и в обществе в целом. По данным рейтинга развития электронного правительства ООН (индекс развития электронного правительства - EGDI), который определяется с учетом состояния онлайн-сервисов государства, ИКТ-инфраструктуры, человеческого капитала, в 2018 г. топ-10 стран с наиболее развитым электронным правительством, возглавила Дания. В тройке лидеров – Австралия

и Корея [6]. Россия занимает 32-е место, что на три позиции выше, чем в 2016 г. (исследование ООН проводится раз в два года). Эксперты отмечают, что основной вклад в повышение места России в 2018 году внес существенный рост Индекса онлайн-услуг (с 0,7319 в 2016 г. до практически максимального значения 0,9167 в 2018 г.). Согласно рейтингу Всемирного Банка по цифровому развитию стран за 2016 г., Россия занимает 28 место (0,744). На первом месте рейтинга находится Сингапур (0,870). В основе данного рейтинга лежит индекс – DAI (Digital Adoption Index), включающий в себя три подиндекса: бизнес, люди и правительство [7]. Исходя из данных приведенных рейтингов, целесообразно рассмотреть опыт цифровизации подоходного налогообложения стран-лидеров в развитии цифровой экономики. Для проведения сравнительного анализа практик налогообложения физических лиц были выбраны наиболее развитые в цифровом отношении страны - Сингапур, Южная Корея, Швеция, Норвегия и США. Проанализировав подходы к налогообложению доходов физических лиц по данным официальных сайтов налоговых служб, можно сделать следующие выводы:

Таблица 1 – Сравнительный анализ рейтингов цифрового развития стран [составлено автором на основе 3, 5, 7]

Рейтинг цифровой конкурентоспособности швейцарской бизнес-школы IMD, 2019 г.		Рейтинг развития электронного правительства ООН, 2018 г.		Рейтинг цифрового развития по данным Всемирного Банка, 2016г.	
Страна	Количество баллов (max 100)	Страна	Индекс развития электронного правительства (EGDI)	Страна	Индекс (DAI)
США	100,000	Дания	0,9150	Сингапур	0,870
Сингапур	99,373	Австралия	0,9053	Люксембург	0,863
Швеция	96,070	Р. Корея	0,9010	Австрия	0,862
Дания	95,225	Великобритания	0,8999	Р. Корея	0,857
Швейцария	94,648	Швеция	0,8882	Мальта	0,855
Нидерланды	94,261	Финляндия	0,8815	Германия	0,839
Финляндия	93,732	Сингапур	0,8812	Нидерланды	0,838
Гонконг	93,686	Новая Зеландия	0,8806	Япония	0,834
Норвегия	93,671	Франция	0,8790	Эстония	0,833
Р.Корея	91,297	Япония	0,8783	Швеция	0,831

– в Сингапуре, Швеции, Норвегии, Р. Корея и США доходы физических лиц облагаются налогом по прогрессивной шкале. В России плоская шкала налогообложения, ставки различаются в зависимости от вида дохода.

– в России, Швеции, Норвегии и Р. Корея налогом облагаются доходы резидентов, полученные как из источников внутри страны, так и за ее пределами. В Сингапуре облагается доход физических лиц, полученный внутри страны. В США подоходный налог уплачивают все резиденты, независимо от страны проживания и получения дохода.

– в России доходы нерезидентов облагаются налогом по ставке 30%, доходы резидентов – 13%. В отношении налоговых резидентов Сингапура применяется прогрессивная ставка от 0% до 22%, для нерезидентов - фиксированная ставка 15%. Ставки подоходного налога для резидентов США на федеральном уровне установлены в диапазоне 10-39,6%, в зависимости от штата ставка варьируется

от 0 до 13%, а иностранцы-нерезиденты уплачивают такие же налоги, как и граждане США и обладатели Грин Карты. В Р. Корея иностранные нерезиденты, которые пребывают в стране более 5 лет в течение последнего десятилетнего периода, уплачивают налог на доходы, полученные в Корее и за ее пределами, при этом ставка подоходного налога варьируется от 6 до 42%. В Норвегии резиденты уплачивают налог на обычный доход, который составляет 22%, а ставки для личных доходов составляют от 1,9 до 16,2%. Те же ставки применяются к нерезидентам, за исключением применяющих упрощенную схему налогообложения РАУЕ. Доход от работы по схеме РАУЕ облагается налогом по ставке 25 % (16,8%, если лицо не является членом норвежской системы социального обеспечения).

Далее рассмотрим современные тенденции налогового администрирования на примере выбранных стран. Управление внутренних доходов Сингапура (Iras) и российские налоговые органы являются одними из ведущих по уровню цифровизации. Сингапурцы, чей доход ниже налогооблагаемого порога, освобождаются от налогообложения и необходимости предоставления налоговых деклараций. В целом процедура заполнения личной налоговой декларации на сайте налоговой службы занимает не более 30 минут (myTax Portal). Налоговая служба Швеции не только администрирует налоговые платежи, но и ведет учет граждан, в том числе выдает удостоверения личности тем, у кого нет шведского гражданства. Наличие налогового номера в Швеции обязательно при получении государственных услуг или оформлении сделок. Кроме того, налоговые органы Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции используют портал Nordisk eTax в сотрудничестве с Советом министров Северных стран. Nordisk eTax предназначен для граждан, проживающих в одной стране, но имеющих доход или активы в другой северной стране [8]. Основные изменения, происходящие в странах с развитой цифровой экономикой при налогообложении трудовых доходов и социальных отчислений, обобщены в таблице 2.

Таблица 2 – Практика развитых стран мира при трансформации налогов на труд и социальных отчислений в условиях цифровой экономики [9]

Страна	Мероприятие налогового администрирования	Результат
Франция	R2P онлайн-платформа	Увеличение количества налогоплательщиков, добровольно сдавших налоговую отчетность по доходам; система двойного контроля за доходами налогоплательщиков; налоговые органы самостоятельно рассчитывают суммы налогов и автоматически заполняют налоговые декларации, отправляя налогоплательщикам для оплаты налоговые уведомления
Дания		применение личной налоговой скидки к арендодателям при налогообложении доходов от аренды автомобилей и судов
Ирландия	Модель «доход-потребление»	Пресечение налогового мошенничества и доходов, скрытых от налогообложения путем сопоставления суммы доходов, полученных из различных источников с размером осуществленных расходов

Страна	Мероприятие налогового администрирования	Результат
Австралия и Норвегия	Управление налоговой задолженностью	Использование механизма уплаты налогов в зависимости от платежеспособности налогоплательщика; Оповещение налогоплательщика, у которых в результате анализа был выявлен риск неплатежей налогов
Канада, Ирландия, Новая Зеландия, Норвегия, Великобритания	Использование веб-сайтов для размещения информации для налогоплательщиков	Актуальная информация по срокам уплаты налогов, о налоговых ставках, налоговой базе, объектах налогообложения, категории налогоплательщиков, имеющих право использовать налоговые вычеты и льготы
Нидерланды	Привлечение психологов и экспертов для разработки нестандартных моделей, основанных на организационном поведении	Определение налогоплательщика с высоким уровнем риска для уменьшения количества неплатежей налогов и налогового мошенничества; Доверие налогоплательщиков к налоговым органам; Уменьшение количества налоговых проверок
Финляндия	Взаимодействие между налоговым и банковским секторами экономики	Контроль за движением наличных денежных средств населения
Франция		Ограничения на размер выдачи наличных средств населению для борьбы с серой экономикой
Швеция		Доступ налоговых органов к банковским счетам налогоплательщиков для получения информации об источниках доходов и направлений расходов для определения суммы налога, подлежащей уплате налогоплательщиками; Присвоение уникального ID номера налогоплательщикам
Китай	Интернет-технологии, основанные на оценке налогового риска	97% налогоплательщиков Пекина и Шанхая уплачивают налоги с помощью Интернет-технологий; Отсутствие дублирования показателей в налоговых декларациях; Автоматическая служба оповещения о налоговом риске с целью сокращения количества исправлений в налоговых декларациях.
Япония, Великобритания	Использование социальных сетей, сайтов	Массив больших данных для определения профиля налогового риска

Эволюция цифровых технологий налогообложения физических лиц в РФ.

Свой путь цифровизации налогового администрирования Россия начала с внедрения идентификационного номера налогоплательщика (ИНН) для целей учета налогоплательщиков в 1991 г., разработки АИС «Налог» в 1992 г. и затем разработки первой версии общедоступного Интернет-сайта Госналогслужбы России. Эволюция системы налогового администрирования в условиях цифровизации представлена в Таблице 3.

Эволюцию цифровизации системы налогового администрирования можно разделить на два этапа. Первый этап (1991 – 2011 гг.) заключался в создании веб-сайтов, веб-порталов и персональных электронных сервисов. Ориентация ФНС РФ на широкое использование электронных сервисов явно проявляется с начала 2010-х гг. Данные сервисы постоянно совершенствуются, перспективными направлениями их развития может стать сокращение числа необходимых для регистрации документов, требований к ним (в т.ч. в части нотариального заверения). Сервисы регистрации дополняются «Личным кабинетом налогоплательщика», который представляет собой набор востребованных функций, различающихся в зависимости от категории налогоплательщика.

Второй этап (с 2012 г. – по настоящее время) характеризуется созданием индивидуальных проактивных сервисов и широким распространением мобильных приложений. Началом перехода к данному этапу считается начало функционирования сервиса «Личный кабинет налогоплательщика для физических лиц», с помощью которого появилась возможность оплатить налоги, контролировать наличие задолженности, а также осуществлять мониторинг камеральной проверки декларации 3-НДФЛ. Сервис позволяет физическим лицам получать информацию об объектах налогообложения, о начисленных и уплаченных налогах, оплачивать налоги, заполнять декларации о доходах, а также обращаться в налоговые органы без личного посещения инспекции.

Таблица 3– Эволюция системы налогового администрирования доходов физических лиц в условиях цифровизации [составлено автором по данным 10]

Год	Эволюция системы налогового администрирования в условиях цифровизации
1991 г.	Внедрение идентификационного номера налогоплательщика (ИНН) для целей учета налогоплательщиков.
1997 г.	Создана первая версия сайта Госналогслужбы России. Разработана концепция АИС «Налог-2».
1998 г.	Начало массового присвоения идентификационных номеров налогоплательщиков (ИНН) физическим лицам
2002 г.	- Внедрение системы электронной обработки данных (ЭОД); - Предоставление налоговых деклараций в электронном виде
2003 г.	Удаленный доступ к Единому государственному реестру налогоплательщиков (ЕГРН)
2010 г.	- Внедрен «Личный кабинет налогоплательщика»; - Разработана концепция АИС «Налог-3».
2011 г.	- Создание ФКУ «Налог-Сервис» ФНС России (массовый ввод налоговой отчетности, массовая печать налоговых документов, Контакт-Центр ФНС России); - Создание Федерального информационного адресного ресурса (ФИАС).
2012 г.	Запуск сервиса «Личный кабинет налогоплательщика для физических лиц»
2013 г.	Тестирование АИС «Налог-3».

Год	Эволюция системы налогового администрирования в условиях цифровизации
2015 г.	Запуск сервиса «Личный кабинет налогоплательщика индивидуального предпринимателя»
2018 г.	- Запуск функционального блока № 3 АИС «Налог-3» - блока «Прием и обработка документов, связанных с применением патентной системы налогообложения» - Запуск Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния
2019 г.	- Запуск эксперимента «Налог на профессиональный доход» (Москва, Московская и Калужская области, Республика Татарстан) – мобильное приложение «Мой налог».

Налогоплательщикам ФНС России предоставляется электронный доступ к личной налоговой информации, а также к сервисам и услугам вне зависимости от места нахождения пользователя. На данном сайте ФНС РФ представлено более 30 различных онлайн сервисов, которые позволяют налогоплательщикам получить значительное количество информации и услуг в электронном виде. Более 27,5 млн граждан активно пользуются «Личным кабинетом налогоплательщика для физических лиц». Для сравнения: в начале 2018 года число физических лиц, пользующихся данной услугой, было около 24 миллионов. Через личный кабинет физического лица в 2018 году было направлено 15,8 млн документов для уплаты налогов [10]. Применяемые подходы при администрировании налога на доходы физических лиц дают ощутимые результаты, которые выражаются в повышении собираемости налога в РФ (Рисунок 1). В 2018 году поступления в бюджет по НДФЛ увеличились на 12,4% (до 3,7 трлн руб.) [11].

Рисунок 1 – Анализ поступлений и суммы задолженности по налогу на доходы физических лиц в Российской Федерации за период 2011-2018 гг. (млрд.руб.)

Исходя из выше сказанного, можно выделить следующие тенденции, характерные для налогового администрирования доходов физических лиц в условиях цифровой трансформации (таблица 4).

Будущие трансформации предполагают полную прозрачность экономических процессов для государства и «новый уровень доверия между обществом и государством». В настоящее время ФНС РФ находится в стадии перехода к «полной цифровой организации» процессов администрирования [12]. Примером перехода цифровизации налогового администрирования к третьему этапу может служить запуск с 1 января 2019 г. пилотного проекта по введению специального налогового режима для самозанятых (мобильное приложение «Мой налог»), который дает возможность гражданам

легализовать свои доходы.

Таким образом, становление цифровой экономики оказывает большое влияние на налогового администрирование. Сегодня ФНС России активно внедряет цифровые технологии в процессы налогового администрирования, что делает ФНС одним из самых цифровизированных органов исполнительной власти. ФНС России создает виртуальную транзакционную среду – замкнутую цифровую экосистему, которая способствует прозрачности экономики. Мобильные приложения и другие цифровые инструменты, внедряемые ФНС, делают систему налогового администрирования незаметной и удобной для налогоплательщиков, при этом обеспечивая прозрачность экономики и соблюдение налогового законодательства.

Таблица 4 – Тенденции налогового администрирования доходов физических лиц в условиях цифровой трансформации [составлено автором]

Тренд	Описание	Принятые меры, подтверждающие тренд
Выстраивание бесконтактных партнерских отношений	Налогоплательщик сам осознанно платит налоги	Реализация пилотного проекта для самозанятых (специального налогового режима), заключающийся в постановке на учёт в качестве налогоплательщика и добровольной уплаты налога при помощи мобильного приложения.
Риск-ориентированный подход	Снижение количества проверок в зонах, где риск нарушений меньше	Проверка деклараций с помощью автоматизированной системы, которая присваивает уровень налогового риска с учетом предыдущих камеральных проверок; онлайн-ККТ.
Сервисная ориентированность	Внедрение в повседневную практику современных технологий налогового администрирования, а также разнообразных электронных услуг	Создание мобильных приложений: «Налоги ФЛ», «Мой налог», «ЕГР ЗАГС», «Личный кабинет предпринимателя», «Проверка кассового чека». Развитие электронных сервисов на сайте nalog.ru
Персонализированный подход	Услуги, предоставляемые налоговыми органами, должны иметь общественную полезность для каждого налогоплательщика	Создано более 60 интерактивных сервисов для разных групп налогоплательщиков: физических лиц, юридических лиц и ИП.

О последствиях влияния трендов на трансформацию налогообложения доходов физических лиц.

Трансграничная природа цифровой экономики приводит к специфическим проблемам,

связанным со сбором и верификацией информации, идентификацией потребителей. В связи с применением современных технологий и управлением большими данными в сфере налогового администрирования доходов физических лиц становятся актуальными возникающие при этом риски и возможности для налоговых органов и налогоплательщиков [13].

Виртуализация товарно-денежных отношений разрушающе воздействует на основы экономики, а именно на трудовые отношения. В России доля занятых в неформальном секторе в 2018 году составила 20,1% от общей численности занятых в возрасте 15 лет и старше (14,6 млн человек), в 2017 году данный показатель составил 19,8% (14,3 млн человек) [14]. Реальное количество самозанятых остается предметом дискуссий. По мнению Минтруда, в данную категорию граждан в РФ входит около 12 млн. человек, по оценкам независимых экспертов, от 15 до 25 млн. человек. По данным РАНХиГС для 11,7% экономически активного населения (8,7 млн человек) теневые доходы — единственный источник поступлений, а 30 млн. человек (40,3% работающего населения) совмещают получение теневых доходов с легальной работой.

Кроме того, сегодня особую популярность приобретают блогинг, продажа товаров, а также оказание услуг с использованием социальных сетей. Кроме того, блогер в социальной сети instagram с аудиторией 150 тыс. подписчиков и в среднем с 15 тыс. лайков дополнительно за рекламный пост получает около 15 тыс. руб.

Еще один тренд, связанный с цифровыми трансформациями – роботизация. По данным исследований Высшей школы экономики, объем мирового рынка робототехники с каждым годом растёт и к 2025 году достигнет 147 миллиарда долларов США, а 30% мирового рынка робототехники будет к 2022 г. приходиться на Китай [15].

Развитие информационно-коммуникационных технологий промышленных роботов может привести к распространению технологической безработицы. В данном случае, риски связаны с исключением человека из бизнес-процессов: автопилотируемый транспорт, роботизированные комплексы, боты-консультанты и т.д. В исследовании Acemoglu D доказано, что установление одного промышленного робота (на 1000 занятых) в США привело к снижению доли занятых на 0,18–0,4 п.п. [16]. По оценкам центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, реализация программы «Цифровая экономика» может привести к сокращению до 10 млн. рабочих мест к 2025 г. за счет повышения производительности труда [17].

По данным международного исследовательского проекта RLMS, приблизительно 26,5% занятых в России работают в профессиях, имеющих высокую вероятность автоматизации (более 70%). К таким профессиям в России относятся наиболее массовые: водители (7 млн чел.; оценка вероятности автоматизации составляет 98%), продавцы (6,8 млн чел.; вероятность автоматизации 98%), грузчики (2,3 млн чел.; вероятность автоматизации 72%), уборщики (2,1 млн чел.; вероятность автоматизации 83%) [18].

Обобщая результаты исследования трендов налогового администрирования в условиях цифровой трансформации, нами были идентифицированы следующие риски налогообложения доходов физических лиц в цифровой экономике:

1. Риск осуществления незаконной предпринимательской деятельности через интернет (посредством социальных сетей, досок объявлений);
2. Риск потери контроля над операциями, проводимыми в рамках электронных трансграничных платформ;
3. Риск увеличения денежного потока в обход традиционной банковской системы от деятельности, связанной с криптовалютой;
4. Риск сокращения налоговых поступлений вследствие роботизации.

Таким образом, факторы возникновения таких налоговых рисков в цифровой экономике могут быть разделены на три основные группы [13]:

- определение устойчивой связи с юрисдикцией для целей налогообложения;
- использование больших данных;
- сложность идентификации.

В группу рисков, связанных с цифровизацией налогового администрирования, входят риски, которые порождаются в процессе внедрения цифровых технологий в работу ФНС. В таблице 5 представлена обобщенная характеристика рисков налогообложения доходов физических лиц в условиях цифровых трансформаций.

Таблица 5 - Характеристика рисков цифровизации налогового администрирования доходов физических лиц

Риски	Характеристика
Цифровая отстраненность налогоплательщиков	Проявляется либо в нежелании пользователей переходить к новому формату взаимодействия с налоговым органом, либо в отсутствии стабильного доступа к каналам информационно-коммуникационного взаимодействия
Высокая стоимость и сложность программного обеспечения	Внедрение и сопровождение программного обеспечения требует привлечения узких специалистов для налоговых органов и налогоплательщиков.
Кибер-риски	Риски утечки данных (разглашение налоговой тайны, персональных данных пользователей), отсутствие многоступенчатого контроля на всех этапах налогового администрирования
Отсутствие унифицированной системы данных	Сведения, получаемые от третьих лиц, могут быть неадаптированы под форматы, используемые ФНС.
Законодательные риски	Существующая нормативно-правовая база была создана в период нецифрового налогообложения и не учитывает современное положение дел

Несмотря на масштабную и стремительную цифровизацию налогов, определенные препятствия, сопровождающие данный процесс, могут создавать новые риски как для налогоплательщиков, так и для государства. При этом нужно отметить, что выстраиваемая система электронного взаимодействия в ФНС будет способствовать созданию условий для комфортной деятельности добросовестных налогоплательщиков и одновременно сводить к минимуму возможности для функционирования схем уклонения от уплаты налога.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что группа рисков, связанных с развитием цифровой экономики, выражается в появлении новых форм и моделей ведения бизнеса, виртуализацией товарно-денежных отношений, цифровизацией отраслей экономики. Взаимосвязь особенностей цифровой экономики и налогов представлена в таблице 6.

Таким образом, в долгосрочной перспективе, в том случае, если государство не будет принимать меры, направленные на снижение налоговых рисков цифровой экономики, то развитие технологий и увеличение сферы их применения может существенно ограничить возможности фискального контроля налогообложения физических лиц.

Таблица 6 – Взаимосвязь особенностей цифровой экономики и налогообложения доходов физических лиц [составлено автором]

Особенности цифровой экономики	Последствия для налогообложения и налогового администрирования	Принятые и возможные меры налоговой политики
Повсеместное использование сети интернет (ведение предпринимательской деятельности через интернет)	невозможность контроля сделок, совершаемых с использованием досок объявлений, социальных сетей, как следствие уход от налогов из-за сложности идентифицировать таких предпринимателей.	- введение режима для самозанятых для целей легализации таких предпринимателей; - контроль за доходами и расходами по банковским картам физических лиц
Использование в экономических процессах больших данных	расширение налоговой базы за счёт цифровых данных	введение платы за сбор и использование персональных данных и личной информации
Появление цифровых валют (криптовалют) [19]	усложнение налогового администрирования, увеличение денежного потока в обход традиционной банковской системы от деятельности, связанной с криптовалютой	введение налога на майнинг, покупку и продажу криптовалют
Использование в экономических процессах роботов, М2М, искусственного интеллекта	сокращение налоговых поступлений	налог на роботов, применение универсальных базовых дивидендов

Анализ влияния цифровизации на НДФЛ.

Для оценки влияния цифровизации на налог на доходы физических лиц проведем корреляционно-регрессионный анализ по переменным за 2017 год для 18 стран - лидеров по уровню развития цифровизации. Тестируемая гипотеза - цифровизация экономики влияет на налог на доходы физических лиц в процентах от ВВП.

Таблица 7 – Описание переменных

Краткое наименование переменной	Полное наименование, определение переменной	Ед. Изм.
НДФЛ	Налог на доходы физических лиц. Всего,% от ВВП.	%
ЗП	Средняя заработная плата	Долл.
	Количество установленных промышленных роботов на 10000 рабочих в обрабатывающей промышленности	Шт.
Спец. ИКТ	Специалисты в области ИКТ высшего уровня квалификации	в процентах от общей численности занятых
АБИИнтер	Абоненты беспроводного широкополосного Интернета	единиц на 100 человек населения

Краткое наименование переменной	Полное наименование, определение переменной	Ед. Изм.
	Доступ к Интернету в домашних хозяйствах	в % от общего числа домашних хозяйств
	Использование Интернета населением для заказа товаров и услуг	в % от общей численности населения в возрасте 15-74 лет
Эл. гос-во	Использование веб-сайтов органов власти населением для отправки официальных форм	в % от общей численности населения в возрасте 15-74 лет
	Проблема заражения вирусами при использовании Интернета	(в % от общей численности населения в возрасте 15-74 лет, использовавшего интернет за последние 12 мес)

Для проведения корреляционного анализа представим корреляционную матрицу (Таблица 8) и результаты оценивания в таблице 9. Зависимой переменной является НДФЛ, а объясняющими переменными: средняя заработная плата, количество установленных промышленных роботов на 10000 рабочих в обрабатывающей промышленности, специалисты в области ИКТ высшего уровня квалификации, абоненты беспроводного широкополосного Интернета, доступ к Интернету в домашних хозяйствах, использование Интернета населением для заказов товаров и услуг, использование веб-сайтов органов власти населением для отправки официальных форм и столкновение населения с проблемой заражения вирусами при использовании Интернета.

Исходя из расчета корреляции, можно сделать вывод, что средняя заработная плата и количество специалистов в области ИКТ высшего уровня квалификации имеют прямую высокую связь с НДФЛ. Нулевая гипотеза: $H_0: \beta = 0$ – угловой коэффициент незначим, т.е. объясняющая переменная не влияет на налог на доходы физических лиц в % от ВВП. Альтернативная гипотеза: $H_1: \beta \neq 0$ – угловой коэффициент значим, т.е. объясняющая переменная влияет на налог на доходы физических лиц в % от ВВП.

Налог на доходы физических лиц равен 9,316007 % от ВВП при других переменных, равных нулю. При увеличении доли специалистов в области ИКТ высшего уровня квалификации в общем числе занятых на 1% налог на доходы физических лиц в % от ВВП будет увеличиваться на 2.956092%. При увеличении доли домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету, на 1% налог на доходы физических лиц в % от ВВП будет снижаться на 0.19576%. Так как p-value (2.57E-06) для β_1 меньше α 5 % уровня значимости, то H_0 отвергается. Данный коэффициент статистически значим. p-value (0.01857) для β_2 меньше α 5 % уровня значимости, то H_0 отвергается и данный коэффициент статистически значим.

Таблица 8 – Корреляционная матрица

Показатель	НДФЛ	ЗП		Спец. ИКТ	АБИнтер			Эл. гос-во	
НДФЛ	1								
ЗП	0.839	1							
	0.536	0.318	1						
Спец. ИКТ	0.706	0.463	0.585	1					
АБИнтер	0.553	0.330	0.414	0.745	1				

Показатель	НДФЛ	ЗП		Спец. ИКТ	АБИнтер			Эл. гос-во	
	0.672	0.644	0.519	0.824	0.729	1			
	0.605	0.647	0.518	0.790	0.620	0.857	1		
Эл. гос-во	0.530	0.371	0.471	0.711	0.745	0.632	0.552	1	
	-0.025	-0.040	-0.107	-0.281	-0.296	-0.254	-0.393	0.226	1

Коэффициенты статистически значимы на 5% уровне значимости: β_3 (p-value = 0.000216), β_4 (p-value = 0.00349), β_5 (p-value = 0.028216), β_7 (p-value = 0.009288), β_8 (p-value = 0.017082), β_6 не значим на 5% уровне значимости (p-value = 0.114078).

Таблица 9 – Результаты оценивания

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%
У-пересечение	9.316007	4.862655	1.915827	0.08764	-1.68408	20.3161
1.ЗП	0.000149	1.43E-05	10.40653	2.57E-06	0.000117	0.000181
2.Роботы	0.001307	0.000456	2.866898	0.01857	0.000276	0.002337
3.Спец. ИКТ	2.956092	0.496898	5.949097	0.000216	1.832032	4.080153
4.Абоненты Интернета	0.062816	0.016008	3.923973	0.00349	0.026603	0.09903
5.Доступ к Интернету	-0.19576	0.074968	-2.61119	0.028216	-0.36535	-0.02617
6.Онлайн покупки	-0.04691	0.026807	-1.74981	0.114078	-0.10755	0.013734
7.Эл. государство	-0.08678	0.02633	-3.29604	0.009288	-0.14635	-0.02722
8.Кибербезопасность	0.132083	0.045262	2.918187	0.017082	0.029693	0.234473

Дисперсия НДФЛ на 97,2% объясняется изменением данных переменных. Уравнение регрессии в целом значимо, так как F-статистика 38.98683564 больше табличного значения F-критерия Фишера (3,23) на уровне значимости $\alpha = 5\%$. Таким образом, тестируемая гипотеза о том, что цифровизация экономики влияет на налог на доходы физических лиц в % от ВВП подтвердилась.

Направления трансформационных изменений налогообложения доходов физических лиц.

Для адаптации системы налогообложения и администрирования доходов физических лиц к новой цифровой эпохе предлагаются следующие трансформации:

- оцифровка налогового администрирования НДФЛ;
- прогрессивное налогообложение с установленным необлагаемым минимумом;
- введение дополнительных социально-значимых понижающих коэффициентов.

Для адаптации системы налогообложения доходов физических лиц России к новым цифровым условиям целесообразно полностью автоматизировать расчет НДФЛ. Для этого ФНС следует автоматизировать сбор данных о всех физических лицах, включая статус, сведения о доходах и расходах путем межведомственного взаимодействия и получения доступа к движениям средств на банковских счетах физических лиц. Данные меры позволят упростить для налогоплательщика

процесс сбора различных документов для получения налоговых вычетов, и достаточно будет заверить автоматически заполненную налоговую декларацию в «Личном кабинете налогоплательщика». Подобная мера позволит налоговым органам осуществлять мониторинг незаконных доходов граждан и управлять риском неисполнения обязательств налогоплательщиком путем сокрытия или занижения суммы доходов. Для увеличения количества пользователей онлайн сервисами ФНС России предлагается введение дополнительной «налоговой скидки» для физических лиц, подающих декларацию и уплачивающих НДФЛ онлайн.

Исходя из рассмотренного международного опыта, введение прогрессивной шкалы налогообложения и необлагаемого минимума по НДФЛ является необходимым условием построения современной справедливой системы налогообложения. По данным Росстата, в 2019 году в России 27,093 млн. работающих граждан, при этом 2,9% (775,46 тыс. человек) получили зарплату ниже установленного законодательством минимального размера оплаты труда (11 280 р.), который с 1 января 2020 года составляет 12130 р. в месяц и 17,8% (4,8 млн) работающих получают доход от 11280 до 20350 рублей ежемесячно, а почти четверть россиян (24,2% - 6,5 млн) получают ежемесячную зарплату в размере от 20,3 тыс. до 31,6 тыс. рублей. 66,6% - 18 млн. человек получают доход в диапазоне от МРОТ до средней заработной платы. Доход свыше 100 тыс. рублей в месяц получают 7,1 % (1,9 млн) работающих россиян. Отмечается, что средняя заработная плата по России составляет 47 657 рублей [14]. Таким образом, более 70% россиян получают доход ниже среднего значения по России. Для поддержки малообеспеченных слоев населения и сокращения разрыва между богатыми и бедными предлагаются рассмотреть возможность применения в РФ прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц и освобождения от НДФЛ доходов ниже прожиточного минимума.

Предложение по введению дополнительных понижающих коэффициентов основано на положениях поведенческой экономики. Один из механизмов обеспечения производства общественных благ заключается в возможности, позволяющей населению самостоятельно делать выбор в пользу рационального поведения без «принудительного» вмешательства государства, а только путем «подталкивания». В качестве дополнительного инструмента управления поведением налогоплательщиков предлагается ввести понижающие коэффициенты суммы исчисленного НДФЛ, которые отражают общественное поведение человека, например: своевременная оплата налоговых платежей; своевременное погашение кредитов; оплата счетов за ЖКХ; осуществление выплат по постановлению суда; соблюдение правил дорожного движения и общественного порядка; отсутствие прочих административных и уголовных правонарушений и преступлений и др.

Таким образом, возможно предусмотреть механизм уменьшения суммы НДФЛ с учетом социально-значимых понижающих коэффициентов. Тем более, что предпосылки для развития данных направлений уже сделаны в налоговой службе. ФНС рассматривает возможность получения права запрашивать у банков информацию о счетах физических лиц вне налоговых проверок для выявления и пресечения незаконной предпринимательской деятельности, признаком которой являются частые переводы с карты на карту между физическими лицами, не являющимися родственниками. С другой стороны, нарушение принципа свободы декларирования гражданами своих доходов и тотальный мониторинг движения средств по счетам могут создать ряд рисков и побочных эффектов, например, утечка данных, превышение полномочий налоговыми инспекторами и возвращение граждан к наличным расчетам. Помимо рассмотренных в статье инструментов администрирования, ФНС планирует консолидировать данные из профилей социальных сетей налогоплательщиков, осуществлять межмашинный обмен данными, проводить сетевую аналитику, что позволит полностью автоматизировать процесс расчета налоговых обязательств, процесс уплаты налогов и снять обязательство по подаче налоговых деклараций. Согласно прогнозам Евстигнеева Е. Н. и Викторовой Н. Г., к 2025 г. будет создан единый реестр населения России, а базовые элементы налогового анализа, аудита и консультирования будут возложены на искусственный интеллект [20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цхададзе Н.В. Экономические теории и школы. История и современность. Аспирантура. Учебно-методическое пособие / Цхададзе Н. В. - Москва: Русайнс, 2020. - 212 с.
2. Vishnevsky V. P., Chekina V. D. Robot vs. tax inspector or how the fourth industrial revolution will change the tax system: a review of problems and solutions [Электронный ресурс] // Journal of Tax Reform. 2018. vol. 4, no. 1, P. 6–26. DOI: 10.15826/jtr.2018.4.1.042 (дата обращения 23.02.2020)
3. The Boston Consulting Group. Russia Online? Catch up impossible to fall behind [Электронный ресурс] // Отчёт BCG : June 2016. (дата обращения 27.02.2020)
4. Макурова Т. Цифровизация налогового администрирования: Россия в авангарде // Журнал «Метод». 2018. № 2. URL: <http://gosmetod.ru/online/2018/2/> (дата обращения 10.01.2020)
5. MD (2019). World Competitiveness Rankings. 2019. Results. IMD. [Электронный ресурс] <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-competitiveness-ranking-2019/> (дата обращения 20.01.2020)
6. Digital government. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. 2019. URL: <https://publicadministration.un.org/en/ict4d> (дата обращения 20.01.2020)
7. Digital Adoption Index. 2016. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирного Банка. <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016/Digital-Adoption-Index> (дата обращения 27.02.2020)
8. Digital Government Factsheet. 2019. Norway. [Электронный ресурс] // URL: https://joinup.ec.europa.eu/sites/default/files/inline-files/Digital_Government_Factsheets_Norway_2019.pdf (дата обращения 25.02.2020)
9. Налоги в цифровой экономике. Теория и методология: монография с грифом НИИ образования и науки / Под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. — 279 с. — (Серия «Magister»).
10. Федеральная налоговая служба РФ. [Электронный ресурс] // Официальный сайт. 2019. (История ФНС России, Статистика и аналитика) URL: <https://www.nalog.ru/rn25/> (дата обращения 25.02.2020)
11. Синенко О.А. Формирование налоговых доходов территорий ДФО в условиях цифровизации экономики: монография / О.А. Синенко, А.А. Бессонова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. – 1 CD-ROM ; [239 с.]. – Загл. с титул. экр. – ISBN 978-5-7444-4715-1. – Текст. Изображения : электронные.
12. Барсова У.В., Синенко О.А. Трансформация косвенного налогообложения в условиях цифровизации // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Трансграничные рынки товаров и услуг: проблемы исследования» (г. Владивосток 7 - 8 ноября 2019 г.) Изд-во ДВФУ. 2019. С.169-170.
13. Цифровые технологии налогового администрирования: монография с грифом НИИ образования и науки / Под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. — 263 с. — (Серия «Magister»).
14. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] // Официальный сайт. 2019. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения 25.02.2020)
15. Индикаторы цифровой экономики: 2019 : статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т И60 «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 224 с.
16. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and jobs: Evidence from US labor markets. [Электронный ресурс] // NBER working paper. 2017. URL: <http://www.nber.org/papers/w23285>
17. ЦМАКП. Развитие цифровой экосистемы: прямые и косвенные эффекты для экономики. [Электронный ресурс] // М., 2018. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/

DBelousov/2018-03-31IT-ECO.pdf (дата обращения 25.02.2020)

18. Земцов С. Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 142-157

19. Синенко О.А. Налогообложение криптовалют в странах АТР. /Синенко О.А., Стефановская К.В, Чан Е.Т., Яковлева И.А. // Инновационное развитие экономики. Изд-во Научно-консалтинговый центр (Йошкар-Ола). 2019. №1. С. 200-209

20. Евстигнеев, Е.Н, Викторова, Н.Г. Будущее российской налоговой системы: актуализированный прогноз [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2019. № 46. DOI: 10.17223/19988648/46/2 URL: <http://journals.tsu.ru/engine/download.php?area=files&id=160240#1> (дата обращения 27.02.2020)

МЕТОДЫ И МОДЕЛИ АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ ОБОРОТНЫХ СРЕДСТВ И ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБОРОТНЫМИ АКТИВАМИ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИИ

Юлия Алиевна Павлова

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Уфимский государственный нефтяной технический университет,
кафедра Экономика и управление на предприятии нефтяной и газовой промышленности
г. Уфа, Российская Федерация.
E-mail: yulinmail@mail.ru

Аннотация: Целью экономического анализа состояния оборотных средств является получение целостной и объективной картины технико-экономического состояния и результатов хозяйственной деятельности бизнес-организации. В статье определены объекты, цели анализа, исполнители анализа, а также круг пользователей, для которых предназначаются результаты анализа состояния оборотных средств предприятия. Достаточной четкости в терминологии и, соответственно, в расчетах показателей эффективности использования оборотных средств пока нет. В статье приведена усовершенствованная система показателей эффективности использования оборотных средств предприятия, в которой, по мнению автора, можно выделить три основные группы показателей: показатели производительности факторов производства (ресурсов); показатели доходности (прибыльности, рентабельности) предпринимательской деятельности; показатели оборачиваемости. Такое совершенствование и упорядочивание системы показателей эффективности использования оборотных средств бизнес-организации, предложенное автором, способствует получению более целостного и объективного результата анализа, что обеспечивает поддержание непрерывности процесса производства, объективность отчетности, сохранение и пополнение собственных оборотных средств, ускорение оборачиваемости текущих активов, оптимизацию затрат бизнес-организации, а также корректную оценку перспектив развития предприятия.

Ключевые слова: оборотные средства; показатели эффективности использования оборотных средств; показатели производительности факторов производства; показатели доходности предпринимательской деятельности; показатели оборачиваемости.

JEL: D92; G32

METHODS AND MODELS OF STATE ANALYSIS WORKING CAPITAL AND MANAGEMENT SYSTEM EFFICIENCY CURRENT ASSETS OF A BUSINESS ORGANIZATION

Julia Alievna Pavlova
PhD in Economics,
Associate Professor of the Department of Economics and Management at the Enterprise of the Oil and Gas Industry, Ufa State Petroleum Technological University,
Ufa, Russian Federation

Abstract: The purpose of the economic analysis of the state of working capital is to obtain a holistic and objective picture of the technical and economic condition and results of the business activities of a business organization. The article defines the objects, the goals of the analysis, the executors of the analysis, as well as the circle of users for whom the results of the analysis are intended for the state of working capital of the enterprise. There is no sufficient clarity in terminology and, accordingly, in the calculation of indicators of the effectiveness of the use of working capital. The article provides an improved system of indicators of the effectiveness of the use of working capital of an enterprise, in which, according to the author, three main groups of indicators can be distinguished: indicators of productivity of production factors (resources); indicators of profitability (profitability, profitability) of entrepreneurial activity; indicators of turnover. Such improvement and streamlining of the system of performance indicators for the use of working capital of a business organization proposed

by the author contributes to a more holistic and objective analysis result, which ensures the continuity of the production process, objective reporting, preservation and replenishment of own working capital, acceleration of current assets turnover, cost optimization business organizations, as well as a correct assessment of the development prospects of the enterprise.

Keywords: current assets; performance indicators of working capital; performance factors of production factors; profitability indicators of entrepreneurial activity; indicators of turnover.

Целью экономического анализа состояния оборотных средств является получение целостной и объективной картины технико-экономического состояния и результатов хозяйственной деятельности бизнес-организации. Прежде чем начать формировать систему показателей, отражающих состояние оборотных средств предприятия, следует определить объект, цель анализа, его исполнителей, а также круг пользователей, для которых предназначаются результаты анализа [1]. Подход к формированию системы показателей, характеризующих состояние оборотных средств, напрямую зависит от того, что является объектом анализа и какова цель их расчета и анализа.

Объектом анализа могут выступать: отдельные бизнес-процессы; этапы производственно-хозяйственной деятельности; сферы предпринимательской деятельности; бизнес-организация, как самостоятельное юридическое лицо; предприятия как отдельные звенья системы (объединения, фирмы); объединения предприятий как единое целое (компания, корпорация и т.п.).

Модель организации, планирования и управления предпринимательской деятельностью может быть представлена в виде схемы взаимосвязей во внутренней среде и взаимодействия экономического агента с внешней средой (рис.1).

Рисунок 1 - Модель организации, планирования и управления предпринимательской деятельностью [авторская разработка]

Этапы производственно-хозяйственной деятельности: материально-техническое обеспечение; формирование запасов; основной технологический процесс; формирование запасов готовой продукции; реализация готовой продукции, услуг [2].

Сферы предпринимательской деятельности бизнес-организации:

- инвестиционная деятельность, обеспечивающая кругооборот основного капитала;
- операционная (основная, текущая) деятельность, связанная с выходом на рынок товаров и услуг;

- финансовая деятельность, предполагающая выход на финансовый рынок;
- социальная деятельность [3].

Схема классификации основных задач анализа состояния оборотных средств в различных сферах деятельности организации представлена в таблице 1.

Таблица 1 - Схема классификации задач анализа состояния оборотных средств бизнес-организации в различных сферах деятельности [авторская разработка]

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ АНАЛИЗА			
Финансовый контроль	Организация и управление производственно-хозяйственной деятельностью	Эффективная социальная политика	Достижение эффективности инвестирования
Обеспечение непрерывности производства	Сохранение и пополнение собственных оборотных средств	Оптимизация затрат на повышение охраны труда	Оценка прибыльности производства
Своевременность и правильность расчетов	Ускорение оборачиваемости текущих активов	Планирование затрат на обучение и повышение квалификации персонала	Определение направлений повышения устойчивости бизнес-организации
Обеспечение объективности отчетности	Прочие направления эффективного управления оборотными активами	Оптимизация затрат на повышение всех аспектов безопасности	Оценка перспектив развития предпринимательской деятельности
Прочие направления финансового контроля использования оборотных активов		Повышение эффективности затрат на выполнение прочих задач социальной сферы	Оценка конкурентоспособности предприятия

Без всестороннего ретроспективного анализа результатов предпринимательской деятельности и без изучения закономерностей развития экономики бизнес-организации не может быть обоснованных прогнозов на перспективу. Без выявления недостатков и недочётов, и без анализа их причин нельзя разработать оптимальный стратегический план, принять правильное управленческое решение. Поэтому целью экономического анализа в целом и анализа состояния оборотных средств в частности служит выявление наиболее информативных параметров, дающих объективную картину технико-экономического состояния и результатов хозяйственной деятельности бизнес-организации [4]. Важной задачей анализа является основанное на контроле выполнения управленческих решений по экономному использованию факторов производства соизмерение затрат на хозяйственную деятельность и его результатов, выраженных в денежной форме. Не менее важной задачей анализа является изучение достижений науки и практики для поиска и использования резервов повышения эффективности производства и научного обоснования выбора оптимального варианта управления факторами производства бизнес-организации.

Схемы классификации исполнителей, видов анализа и результатов мониторинга состояния оборотных средств предприятия представлены на рисунках: 2, 3, 4.

Рисунок 2 - Классификация исполнителей анализа и контроля состояния оборотных средств бизнес-организации [авторская разработка]

Рисунок 3 - Виды анализа и контроля финансового состояния бизнес-организации в различных сферах деятельности [авторская разработка]

Проанализировав подходы в различных источниках к оценке эффективности использования оборотных средств предприятия, можно сделать вывод, что в большинстве случаев в качестве таких показателей выделяют следующие:

- коэффициент оборачиваемости средств (скорость оборачиваемости средств), характеризующий количество оборотов средств за рассматриваемый период;
- длительность одного оборота (период обращения оборотных средств) – показатель,

характеризующий продолжительность одного оборота в днях;

- коэффициент закрепления оборотных средств (коэффициент загрузки), характеризующий величину оборотных средств, необходимую для того, чтобы обеспечить объем производства и реализации продукции на 1 руб.;

- рентабельность оборотных средств, рассчитываемая как процентное отношение суммы прибыли за определенный период к среднегодовой сумме оборотных средств за рассматриваемый период [5,6,7].

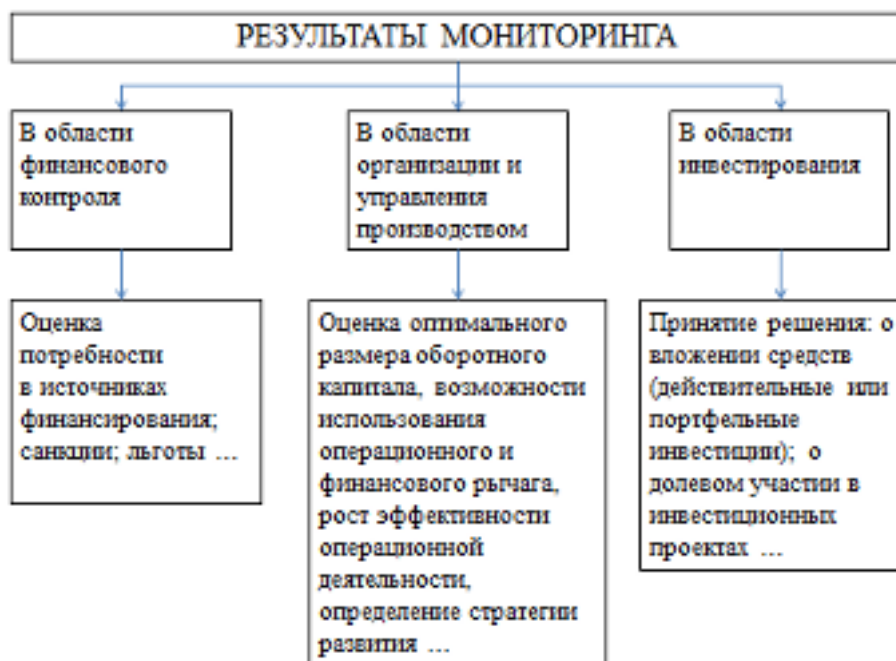

Рисунок 4 - Результаты мониторинга состояния оборотных средств бизнес-организации по сферам деятельности [авторская разработка]

Определяя понятие «оборотные средства» как авансируемые в денежной форме, вложения в оборотные фонды в сумме со средствами, необходимыми для обеспечения нормального оборота основного капитала и функционирования трудовых ресурсов, и, изменяя подход к определению потребности в оборотных средствах на основе выделения в составе текущих активов сумм, служащих источником возмещения использованных в производстве и обращении предметов труда, сумм, необходимых для обеспечения функционирования трудовых ресурсов, авансированных средств, необходимых для обеспечения нормального оборота основного капитала, логично предусмотреть и изменения в подходе к оценке показателей эффективности их использования [8,9].

Эффективность деятельности предприятия в общем виде характеризуется соотношением целевых результатов, полученных бизнес-организацией за определенный период, к величине привлечённых (применённых) или использованных факторов производства (затрат), связанных с достижением этих результатов. И размер привлечённых факторов производства, и затраты, и результаты могут быть представлены целой системой показателей. Изменение методов определения суммы оборотных средств влечет изменения в подходе к расчёту показателей эффективности их использования.

При формировании системы показателей использования оборотных средств и оборотного капитала организации в составе текущих активов выделяются элементы, на которых основывается определение потребности в оборотных средствах. К ним относятся:

- суммы, служащие источником возмещения использованных предметов труда;
- суммы, необходимые для обеспечения воспроизводства средств труда (основных фондов);

- средства, требуемые для обеспечения регулярных выплат заработной платы и осуществления взносов в фонды социального страхования,
 - прочие расходы (налоги и сборы, услуги сторонних организаций и т.п.).

При анализе использования оборотных активов бизнес-организации так же, как и в других моделях анализа экономических процессов, применяются три типа уравнений: уравнения определения, уравнения состава, уравнения распределения.

Большинство показателей, характеризующих эффективность использования факторов производства, имеют вид уравнений-определений. Уравнения состава позволяют проанализировать структуру активов; уравнения распределения могут использоваться для оценки структуры источников финансирования, при анализе результатов деятельности хозяйствующего субъекта, и т. п.

Уравнения состава и распределения в комплексе служат основой построения балансовых моделей. Достаточной четкости в терминологии и, соответственно, в расчетах показателей эффективности использования оборотных средств пока нет. Необходимо уточнить понятия и показатели, используемые в этих моделях. К примеру, при определении показателей эффективности оборотных средств, показатели производительности этого фактора производства (коэффициенты фондоотдачи и капиталоотдачи) часто не отделяются от показателей оборачиваемости. Система показателей эффективности управления оборотными активами бизнес-организации, по нашему мнению, должна быть построена по тому же алгоритму, что и для основных фондов.

В данной системе можно выделить три основные группы показателей:

- показатели производительности факторов производства (ресурсов);
- показатели доходности (прибыльности, рентабельности) предпринимательской деятельности;
- показатели оборачиваемости.

В уравнениях для расчета показателей и производительности, и рентабельности факторов производства (ресурсов) «делимое» одинаково для оценки эффективности использования, как основных фондов, так и оборотных средств.

Показатели производительности факторов производства (ресурсов) – коэффициенты фондоотдачи (f_j) или капиталоотдачи (k_j) описываются уравнениями:

$$f_j = \sum_{i \in n} \frac{Q_i}{F_j^i} \quad (1)$$

$$k_j = \sum_{i \in n} \frac{Q_i}{K_j^i} \quad (2)$$

где Q_i – годовой объем готовой, товарной или реализованной i -ого вида продукции (работ, услуг);

F_{ij} , K_i – среднегодовая стоимость j -ого фактора производства или капитала, примененного при изготовлении i -ого вида продукции;

n – количество видов в номенклатуре готовой, товарной или реализованной продукции (работ, услуг).

Показатели рентабельности (прибыльности, доходности) строятся по схеме:

$$r_j = \frac{\Pi}{F_j} \quad (3)$$

$$r_{zj} = \frac{\Pi}{\sum_{i \in n} Z_i} \quad (4)$$

где: r_j – коэффициент рентабельности j -ого фактора производства;

r_{zi} – коэффициент рентабельности затрат на производство и реализацию продукции i -ого вида;

F_j – среднегодовая стоимость j -ого фактора производства;

П – сумма чистого дохода (прибыли) за период;

Z_i – стоимость потребленных ресурсов (факторов производства) (т.е. затраты на производство и реализацию i -ого вида продукции).

При определении оборачиваемости факторов производства (k_0) в качестве числителя приняты разные показатели для разных факторов производства. При расчете коэффициента оборачиваемости оборотных средств используются материальные и приравненные к ним затраты за период (МЗ), а для оценки оборачиваемости основных средств должна быть использована сумма начисленных за период амортизационных отчислений (А).

Показатели оборачиваемости (k_0 – коэффициенты оборачиваемости фактора производства), в общем виде, описываются моделью:

$$k_j = \frac{Z}{F_j} \quad (4)$$

где Z – годовой объем средств, предназначенных для возмещения расхода (износа) фактора производства (ресурса), т.е. либо МЗ, либо А.

В таблице 2 представлена система показателей эффективности использования оборотных средств, предложенная автором.

На основе соотношений абсолютных показателей, внесенных в матрицу (см. табл. 2), строятся относительные показатели, прямые и обратные.

Прямые коэффициенты – это соотношение значений столбцов (показателей, характеризующих элементы ресурсов, потребленных в процессе производства и реализации продукции) и значений строк (показателей, характеризующих элементы ресурсов, примененных в процессе производства и реализации продукции).

Обратные коэффициенты строятся на основе обратного соотношения этих абсолютных показателей (соотношение значений строк и столбцов). Коэффициенты, основанные на системе показателей, приведенной в матрице и построенные по предложенному принципу, не в равной мере характеризуют эффективность использования оборотных активов.

Таблица 2 - Матрица моделей расчёта эффективности использования оборотных средств при их классификации по направлениям авансирования средств в различные элементы оборотных активов [авторская разработка]

Примененный ресурс (элемент оборотных средств)	Потребленные ресурсы (Затраты)					Результаты производства	
	Зобщ	В т. ч.				П _р	ВР _{тп}
		МЗ	А	ФОТ	Зпроч		
Производственные запасы (снабженческие)	**	***	x	x	x	**	**
Запасы в производстве (незавершенное производство)	*	*	x	x	x	*	*
Сбытовые запасы (запасы товарной продукции)	*	*	x	x	x	*	*
Средства в расчетах		*	x	x	x	*	*
Денежные средства	*	*	x	x	x	*	*

Примененный ресурс (элемент оборотных средств)	Потребленные ресурсы (Затраты)					Результаты производства	
	Зобщ	В т. ч.				П _р	ВР _{тп}
		МЗ	А	ФОТ	Зпроч		
Прочие оборотные активы	*	*	х	х	х	*	*
Всего текущих (оборотных) активов	****	**	**	**	*	****	*****

Показатели различной степени важности в матрице обозначены следующим образом:

* - коэффициенты, имеющие теоретический прикладной интерес;

** - частные коэффициенты, используемые для характеристики отдельных сторон деловой активности (в финансовом анализе);

*** - обобщающие показатели, характеризующие уровень эффективности управления основными элементами оборотных активов;

**** - обобщающие коэффициенты, характеризующие эффективность управления оборотными средствами;

***** - синтетический показатель использования оборотных средств;

х - показатели, не имеющие экономического содержания (не используемые).

Условные обозначения:

Зобщ – затраты на производство и реализацию;

МЗ – материальные затраты;

А – амортизационные отчисления;

ФОТ – фонд оплаты труда;

Зпроч – прочие издержки;

Пр – прибыль от реализации;

ВР_{тп} – выручка от реализации товарной продукции.

В каждой группе целесообразно выделить подгруппы, определяемые степенью значимости формируемых коэффициентов для целей анализа и контроля (табл. 3.).

Таблица 3 - Матрица показателей эффективности использования оборотных активов, классифицированных по составляющим оборотных средств в зависимости от вида обслуживаемых факторов производства [авторская разработка]

Примененный ресурс (элемент оборотных средств)	Затраты (потребленные факторы производства)					Результаты производства	
	Зобщ	В т. ч.				П _р	ВР _{тп}
		МЗ	А	ФОТ	Зпроч		
Производственные оборотные фонды (снабженческие, в производстве, сбытовые запасы)	**	***	х	х	х	***	***
Оборотные средства, обслуживающие оборот основных фондов	*	х	***	х	х	**	**

Примененный ресурс (элемент оборотных средств)	Затраты (потребленные факторы производства)					Результаты производства	
	Зобщ	В т. ч.				П _р	ВР _{тп}
		МЗ	А	ФОТ	Зпроч		
Оборотные средства, обслуживающие привлечение трудовых ресурсов	*	х	х	***	х	**	**
Средства в расчетах	**	*	х	х	х	*	*
Денежные средства	*	*	х	х	х	*	*
Прочие оборотные средства	*	*	х	х	х	*	*
Всего оборотных средств	****	**	**	**	**	****	*****

Обобщающим критерием, характеризующим действие совокупности факторов роста эффективности использования оборотных средств, является ускорение оборачиваемости оборотных активов.

Каждый показатель, являясь характеристикой одного из аспектов деятельности бизнес-организации, требует базы сравнения. Показатели, представленные в таблицах-матрицах, не имеют нормативов, устанавливаемых централизованно, или рекомендуемых для широкого применения, поскольку их уровень определяется не только отраслевыми особенностями, но зависит от многих факторов, в том числе, от специфических особенностей конкретного производства. В качестве базы сравнения в анализе используются проектные показатели бизнес-процессов, а чаще отраслевые или индивидуальные статистические данные за различные периоды.

В отличие от показателей эффективности использования ресурсов, основные финансовые пропорции имеют более универсальный характер. Анализ финансового состояния строится на сопоставлении требований и обязательств хозяйствующего субъекта, т.е. сопоставляются элементы имущества и отдельных составляющих капитала организации [10]. Это сопоставление характеризуется системой финансовых коэффициентов, отражающих финансовое состояние бизнес-организации на конкретный момент времени. Для многих финансовых коэффициентов оценены нормативные значения или существуют объективно обусловленные пределы.

Такое совершенствование и упорядочивание системы показателей эффективности использования оборотных средств бизнес-организации, предложенное автором, способствует получению более целостного и объективного результата анализа, что обеспечивает поддержание непрерывности процесса производства, объективность отчетности, сохранение и пополнение собственных оборотных средств, ускорение оборачиваемости текущих активов, оптимизацию затрат бизнес-организации, а также корректную оценку перспектив развития предприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быкова Н.Н. Финансовый результат предприятия как объект оценки и анализа / Н.Н. Быкова, Н.В. Колачева // Вестник НГИЭИ. 2015. № 1 (44). С. 29-36.
2. Федорова К.В., Рогалева Н.С. Теоретические аспекты оборотных средств предприятия / К.В. Федорова, Рогалева // Молодежь и наука. 2019. № 6. С. 53.
3. Проблемы экономики и управления предприятиями, отраслями, комплексами: Монография / под ред. С.С. Чернова. □ Новосибирск: СИБПРИНТ, 2008. 387 с

4. Дербуш Н.М. Управление оборотными активами как часть финансовой политики современного предприятия // *Фундаментальные исследования* - 2016. - № 12 - С. 1071-1075.
5. Доренская Е.В. Методика анализа эффективности использования оборотных активов на предприятии // *Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа и аудита* - 2015. - №4 - С. 107-112.
6. Володькина М.С., Ганчина Т.А. Пути совершенствования учета и анализа оборотных активов предприятия / М.С. Володькина, Т. А Ганчина// *E-Scio*. 2017. № 4 (7). С. 39-44.
7. Стукова Ю.Е. Анализ современного состояния использования оборотных средств в организациях // В сборнике: *Научное обеспечение агропромышленного комплекса*. 2018. С. 701-703.
8. Павлова Ю.А. Организация управления оборотными средствами промышленного предприятия // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2011. № 1 (99). С. 41-46.
9. Павлова Ю.А. Оценка потребности в оборотных средствах при анализе инвестиционных проектов // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2010. № 4 (96). С. 90-95.
10. Локтионов Е.Г. Общетеоретические аспекты управления финансово-хозяйственной деятельностью экономического субъекта // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2014. № 3. С. 65-67.

ANALYSIS OF RUSSIA'S PARTICIPATION IN NORTHEAST ASIA REGIONAL COOPERATION AND ITS RESTRICTIVE FACTORS

Chao Zhihong

Assistant Professor
Heilongjiang Academy of Social Sciences,
China.
E-mail: anquanf@hotmail.com

Abstract: Objective. This paper analyzes the current situation of Russia's participation in regional cooperation in Northeast Asia and the restrictive factors of expanding regional cooperation with countries in the region of Northeast Asia, while the paper also sets forth the Russia's path selection for deepening regional cooperation with the countries.

Method. On the basis of international relations theory and diplomatic theory, quantitative analysis is carried out with quantitative research methods, and regional and categorical differences are analyzed by virtue of comparative research methods.

Results. In the 21st century when the world order is in a stage of deep structural adjustment, Russia's current important strategic choices could be made as follows: to strengthen its interaction with the Asia-Pacific region, offset the losses caused by Western sanctions as much as possible, play a constructive role on international issues, promote conflict resolution, and enhance Russia's international influence and great power status.

Conclusions. It is that Russia-US relations will continue to be worse due to sanctions, information warfare and other issues in the near future. Based on the judgment that it is difficult for the relations between Russia and the West to turn around in the short term, the paper believes that Russia will further develop deepen regional cooperation with the Northeast Asian countries in 2020.

Keywords: Russia, Northeast Asia, Regional Cooperation, International Relations.

JEL: F02; F15; F47

АНАЛИЗ УЧАСТИЯ РОССИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ЕГО ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Чао Чжихун
Доцент
Хэйлунцзянская академия общественных наук,
Китай

Аннотация:

Цель. В данной статье анализируется текущая ситуация участия России в региональном сотрудничестве в Северо-Восточной Азии и ограничивающие факторы расширения регионального сотрудничества со странами региона Северо-Восточной Азии, а также в документе излагается выбор России для углубления регионального сотрудничества со странами.

Метод. На основе теории международных отношений и дипломатической теории количественный анализ проводится с помощью количественных методов исследования, а региональные и категориальные различия анализируются с помощью сравнительных методов исследования.

Результаты. В 21 веке, когда мировой порядок находится в стадии глубокой структурной перестройки, нынешний важный стратегический выбор России может быть сделан следующим образом: укрепить взаимодействие с Азиатско-Тихоокеанским регионом, максимально возместить потери, вызванные санкциями Запада, сыграть конструктивную роль в международных вопросах, содействовать урегулированию конфликтов и укреплять международное влияние и статус великой державы.

Выводы. Дело в том, что российско-американские отношения будут продолжать ухудшаться из-за санкций, информационной войны и других проблем в ближайшем будущем. Исходя из суждения о том, что это трудно для

отношений между Россией и Западом, обращаясь к краткосрочной перспективе, автор считает, что Россия будет и дальше развивать углубленное региональное сотрудничество со странами Северо-Восточной Азии в 2020 году.

Ключевые слова: Россия, Северо-Восточная Азия, региональное сотрудничество, международные отношения

Introduction

In 2019, Russia-U.S. relations continued to be worse due to sanctions, information warfare, NATO and other issues. In order to break through the Western containment and strive for a greater voice in Northeast Asia, Russia will shift its strategic focus to the east and actively «look east» to seize opportunities through searching for technology and markets in the East to further deepen cooperation with Northeast Asian countries in the fields of politics, economy, trade, and security, and create new economic growth points for domestic social development. Based on the judgment that Russia and the West are difficult to turn around in the short term, we believe that Russia will further deepen regional cooperation with Northeast Asian countries in 2020.

Status of cooperation between Russia and Northeast Asian countries

Sino-Russian political relations have deepened in an all-round way. Since 2018, Russia has continued its stable political contacts with all Northeast Asian countries. The major changes in the international landscape have been most vividly reflected as of 2019. In this uncertain world, Sino-Russian relations are viewed as the «predictable factors». In 2018, Xi Jinping and Putin held four major meetings. In 2017, Russia's «Social Public Opinion Foundation» research report showed that 62% of Russians believe that China is Russia's most «close and friendly» country. From December 2017 to February 2018, the United States successively issued the «National Security Strategy Report», «National Defense Strategy Report» and «Strategic Nuclear Posture» reports, in three of which Russia and China were characterized as American «strategic competitors». China and Russia are getting closer today to form the «partnership but no alliance» as a result of the external squeeze from the United States.

Russia-Japan political relations have further eased. For a long time, Japan has continuously promoted Russia's Far East region development and integration into Asia-Pacific economic circle with highly developed original technology and strong financial support. Japan is also becoming the most crucial part of Russia's Asia-Pacific layout. In recent years, the two sides have overcome obstacles and strengthened their willingness to deepen regional multilateral cooperation. In 2018, the heads of state of Russia and Japan held four meetings, and their mutual understanding and trust reached a new level in recent years.

The political relations between Russia and South Korea have been obviously strengthened. Russia-Korea relations have been placed by Russia as a priority in its Asia-Pacific political and diplomatic strategy. On June 21-23, 2018, South Korean President Moon Jae-In visited Russia, the two sides discussed the regional economic and trade cooperation and the common concerns between the two countries in a series of international issues, negotiated the joint statement of the Russian Federation and the Republic of Korea, signed the cooperation agreements, and issued a joint statement after the meeting, which reflected the priority in the Russia-Korea relations aiming to maximize the potential of cooperation and improve the efficiency of cooperation, especially in the field of innovation to find a new direction for pragmatic interaction[1].

Russia-Mongolia political relations have gradually become closer. In 2017, after Battugal succeeded Mongolian President, Russia-Mongolia relations have been further strengthened on the former solid base. From May 6th to 17th, 2018, Mongolian Ministry of Foreign Affairs Damdin Zogbart visited Russia. At the summit of the Qingdao Cooperation Organization in Qingdao, China, on June 9, 2018, President Putin and President Battugal met and discussed multi-field cooperation between the two countries[2].

Economic and trade cooperation with Northeast Asian countries continues to progress

The scale and quality of Sino-Russian trade have both improved. After Trump took office, U.S. unilateralism and protectionist policies gained ground and Sino-U.S. trade frictions further escalated in 2018.

After the Ukrainian crisis, U.S. economic sanctions on Russia will continue to 2024. As both China and Russia have been strategically squeezed from the United States, China and Russia have a stronger desire and motivation to strengthen pragmatic cooperation in various fields. In terms of trade, in 2018, the bilateral trade volume between China and Russia exceeded the 100 billion US dollar mark for the first time. According to statistics from the General Administration of Customs of China, the bilateral trade volume between China and Russia was 107.056 billion US dollars in 2018, an increase of 27.1% year-on-year, which was higher than 20.8% in 2017. As of the year, China continued to maintain its status as Russia's largest trading partner [3].

Table 1 - Russia's trade with major countries in Northeast Asia in 2018 Unit: Million USD,%

Country	Import value			Export value		
	Million USD	YoY	Total trade ranking	Million USD	YoY	Total trade ranking
China	52,173	8.68% ↑	1st	55,891	44.05% ↑	1st
Japan	8,819	13.63% ↑	7th	12,453	18.6% ↑	11th
South Korea	7,008	1.09% ↑	8th	17,832	44.46% ↑	6th
Mongolia	43,3	4.9%2 ↑	95th	0,160	21.09% ↑	46th
North Korea	0,19	45.92% ↓	141st	0,321	55.67% ↓	131st

Source: Russian Federation Foreign Trade Website

Russia-Japan trade has gradually strengthened. Japan is Russia's tenth largest trading partner. In 2018, the trade volume between the two countries continued to grow, reaching a total of US\$21.272 billion, an increase of 18% year-on-year[4]. In order to promote economic cooperation between the two countries, the two sides have started specific cooperation around the biotechnology and pharmaceutical research and development and launched the «smart city plan», thereby transforming and improving urban infrastructure, improving the quality of life and the happiness index of residents.

Russia-Korea trade hit a new high. The situation on the peninsula in 2018 was generally stable. With the improvement of the bilateral relations, Russia-Korea relations have shown a benign development trend and achieved remarkable results in economic cooperation. In 2017, while the trade volume between the two countries was US\$19 billion, there is an increase of 28.85% in the same period in 2018 up to US\$24.8 billion[5]. In June 2018, during President Moon Jae-in's visit to Russia, he signed a declaration of the two countries' free trade zone with the Eurasian Economic Union, which enabled Russia-Korea trade to obtain many guarantees from policy formulation to tax and fee concessions, and further activated the economic cooperation between the two countries.

Russia-Mongolia trade has steadily improved. Russia has been Mongolia's second largest trading partner in the past few years, second only to China. In 2018, the trade volume between Russia and Mongolia was US\$164.9 million, an increase of 20.6% from 2017. In 2018, the Mongolian railway capacity reached a record high of 25.7 million tons, an increase of 13%[6] year-on-year, which is largely due to the «Ulaanbaatar Railway Company» jointly constructed by Russia and Mongolia.

Further strengthen national security cooperation with Northeast Asia

China-Russia military security cooperation is an important manifestation of high-level strategic mutual trust between the two countries. In 2018, the two armies held the «Marine Joint-2018» military exercise, and the Chinese army participated in the «Oriental-2018» strategic exercise held by Russia for the first time, which marked that the two countries have reached a new level of military cooperation in line with the unprecedented political mutual trust[7]. In September 2018, the United States announced that it would impose sanctions on China on the grounds that China's purchase of Su-35 fighter jets and S-400 air defense missiles from Russia violated the "Act on Sanctions against American Adversaries" [8]. China's response to this is: China and

Russia will not weaken military cooperation, and will confirm the China-Russia comprehensive strategic «side by side, back to back» partnership with practical actions in the new era.

In addition to China, Russia has also promoted security cooperation with other Northeast Asian countries. With Japan: With the efforts of the leaders of the two countries, Russia and Japan have frequent dialogues in the field of diplomacy and security. In March, in order to promote the negotiation process of territorial issues, Russian Foreign Minister Lavrov paid a working visit to Japan [9]. In July 2018, Russia and Japan held a «2+2 Diplomacy and Security» dialogue to release a strong signal of trust and understanding. With Mongolia: Russia-Mongolia relations have a long history. Military cooperation is a traditional field of cooperation between the two countries and is being strengthened year by year. On October 18, 2018, the Russian Defense Minister visited Mongolia and negotiated with Mongolian Defense Minister Namakin Enkhbold in Ulaanbaatar and signed a military cooperation agreement between Russia and Mongolia. The agreement was aimed to develop military cooperation between Mongolia and Russia, especially in the fields of military education, medical science, humanitarianism, and joint military exercises, and aimed to train Mongolian experts for the local army [10].

Analysis of the negative factors of Russia's deepening cooperation in Northeast Asia

Russia's economic growth is sluggish, making it more difficult to attract foreign investment. In 2018, the Russian economy progressed steadily under the hostile external conditions, maintaining and consolidating the development trend with the total external debt reduced by more than 60 billion U.S. dollars. This achievement was made under such unfavorable conditions as the continuous expansion of external sanctions against Russia, the international oil price fluctuations, trade tensions, and world economic slowdown. But we also see that in order to ensure that Russia's economic growth rate would keep up with the world's average level, it should receive an additional investment of 5 trillion rubles (about 86.8 billion US dollars) every year[11]. Russia couldn't afford this on its own. Secondly, the extended economic sanctions against Russia to 2024 further cut off its financing capital chain, increasing the difficulty of attracting foreign capital. And Russia's foreign financial cooperation would be in a bitter struggle. Third, with the slowdown of global economic growth, the spread of anti-globalization and trade protectionism, the demand for crude oil in 2019 is unlikely to be optimistic and the future of oil prices is too dim to increase significantly, which will greatly limit the purchasing power of Russia and its development of economic and trade cooperation with neighboring countries.

International crude oil prices fall, increasing downward pressure on the economy. In 2020, Russia suffered the sharp fall of the crude oil price on the world market falling from US\$65 per barrel at the beginning of the year to US\$30 per barrel after the country withdrew from the «OPEC+» agreement [12], and then was inflicted by the resulting turmoil of world financial markets, including the country's largest trading partner, the European financial market, worsening Russia's economy which relied heavily on raw material exports. The Russian Ministry of Finance had previously made a disturbing prediction: For one dollar drop of international oil prices, Russia's fiscal revenue would be reduced by 70 billion rubles (about 1.5 billion US dollars)[13]. This shows that the decline in international oil prices will directly cut Russia's budget revenue, resulting in an increase in the deficit and the inability to execute budget projects, which in turn exacerbated the downward pressure on the economy.

The extension of sanctions makes it difficult for Russia-US relations to change in the short term. The current international upheavals are affecting all countries in the world, making no exception to Russia. In particular, the sanctions against Russia imposed by Europe and U.S. would last to 2024, and the relationship between them is unlikely to improve significantly in the short term. At the same time, Russia is also struggling to cope in the Asia-Pacific region. First of all, in the process of resolving the Korean Peninsula issue, Russia is not as important as expected, being weakened all the time. The United States will not cancel the deployment of «THAAD» on the Korean Peninsula and Japan sticks with developing its anti-missile and defense systems.

Second, the Russia's deepening of cooperation with major countries in Northeast Asia is also full of obstacles.

Prospects for cooperation between Russia and Northeast Asian countries

Towards friendly relations with Northeast Asian countries. In 2020, Russia is facing a complex and ever-changing world, and the international order is in a stage of deep structural adjustment. Russia has a number of important strategic options such as strengthening interaction with the Asia-Pacific region, offsetting losses caused by sanctions to the greatest extent, playing a constructive role on international issues, promoting conflict resolution, and enhancing Russia's international influence and status as a major power. In the future, Russia-US relations will continue to be worse due to sanctions, information warfare, NATO and other issues. In order to break through the Western barrier and fight for a greater voice in Northeast Asia, Russia will shift its strategic focus to the east and actively «look east» to seize opportunities. Internally, Russia will further clarify the export-oriented economic development model of the Far East for the Asia-Pacific region. Externally, Russia will promote the construction of the Greater Eurasian Partnership and more actively develop political and economic exchanges with Northeast Asian countries [14].

Economic and trade cooperation with Northeast Asian countries is gradually improved.

It is very important for Russia to develop economic and trade cooperation with Northeast Asian countries. First of all, the sanctions of Western countries have worsened Russia's economy. To maintain national security and maintain its status on the international stage, Russia must strengthen cooperation with Northeast Asian countries, find technology and markets in the East, and create growth points for domestic economic development. In the 21st century, globalization and the evolution of major powers have brought new opportunities for the accelerated development of the Asia-Pacific region. Russia must fully grasp the advantages of economic, capital, market, labor, technology and regional security in Northeast Asia and consolidate the achieved geopolitical benefits. Secondly, the development of the Russian Far East region is inseparable from the technical and financial support of Northeast Asian countries. If China, Japan, and South Korea would be engaged on Russia's Far East development with funds and technology, the Far East should be integrated into the Asia-Pacific economic circle in time.

Continue to intervene in the DPRK nuclear issue and continue to expand its influence in Northeast Asia. As a legacy of the Cold War, the Peninsula issue not only has a strong historical origin, but also involves political games among major powers. At present, whether a country has a say on the peninsula issue or whether it has influence over the DPRK directly reflects a country's political voice, decision-making power, and national governance capacity in Northeast Asia. It is also the main indicator for the influence of a country's international power. In view of the important geopolitical value of the Korean peninsula, it is always an important part of Russia's Northeast Asian strategy to attach importance to developing bilateral relations with North Korea and maintain influence on the peninsula issue to seek geopolitical interests. As a result, Russia continues its intervention strategy on Korean peninsula affairs. In addition, as an active participant in resuming the Six-Party Talks, Russia is very willing to play an important role in resolving the North Korean nuclear issue, employing the «Talks» to deepen relations with Japan and South Korea, and to avoid over-reliance on China in its 'eastward shift' policy.

Confronted with Western political containment, slowdown economy, financial and technological sanctions, investment environment is unlikely to improve in Russia, whose economic development will continue to be slack. In such a hostile internal and external environment, Russia will have a long way to boost its economy, consolidate its national security and restore its status as a great power.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Russian Government website, URL: <http://www.kremlin.ru/>
2. Russian Federation Foreign Trade Website, URL: <https://russian-trade.com/>

3. Федеральная таможенная служба, URL:http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=25865&Itemid=19774
4. Li Yonghui, «Russia's Asia-Pacific Diplomacy in 2018-Also on the Relationship between the Indo-Pacific Strategy and the Strategic Concept of the Greater Eurasian Partnership», // Russian Journal, 2019. No.4. p. 45
5. Russian trade with the Republic of Korea, URL:<http://russian-trade.com/reports-andreviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-respublikoy-koreya-yuzhnoy-koreey-v-2018-g/>
6. Russian Federation Foreign Trade Website URL:<http://asiarussia.ru/news/20691/>
7. Trade turnover between Russia and Japan will exceed the same indicator of cooperation with the United States, URL:<http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depasiapacific/201812096>
8. Russian Federation Foreign Trade Website URL:<http://asiarussia.ru/news/20691/>
9. ARD: business information portal, URL <http://asiarussia.ru/news/20691/>
10. Trade turnover between Russia and Japan will exceed the same indicator of cooperation with the United States, URL <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depasiapacific/201812096>
11. ARD: business information portal, URL <http://asiarussia.ru/news/20691/>
12. ARD: business information portal, URL <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1621529373457722416&wfr=spider&for=pc>
13. Russian Federation Foreign Trade Website, <http://asiarussia.ru/news/20691/>
14. Li Yonghui, «Russia's Asia-Pacific Diplomacy in 2018-Also on the Relationship between the Indo-Pacific Strategy and the Strategic Concept of the Greater Eurasian Partnership» // Russian Journal, 2019. No.4. p. 47.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ РОССИИ И КИТАЯ: ОЦЕНКА ВОЗНИКАЮЩИХ ЭФФЕКТОВ

Карачев Игорь Андреевич

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
кафедра мировой экономики и статистики,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: karachev2011@yandex.ru

Сапир Елена Владимировна

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
заведующая кафедрой мировой экономики и статистики,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: evsapir@yahoo.com

Аннотация: Авторами статьи систематизированы прямые и косвенные эффекты, возникающие в связи с созданием специальных экономических зон. Установлено, что при определении общего воздействия зон на устойчивое развитие ключевую роль, наряду с измеримыми экономическими, играют социальные и экологические факторы. С использованием методов сравнительного и системного анализа авторами выявлены ключевые особенности мониторинга и оценки эффективности функционирования специальных экономических зон Китая и Российской Федерации. Установлено, что для долгосрочной устойчивости экономики страны важное значение имеет финансовая и налогово-бюджетная жизнеспособность зон. Такая оценка на регулярной основе может проводиться путем составления «отчета о финансовых результатах» конкретной специальной экономической зоны. В результате изучения зарубежного опыта авторами систематизированы ключевые факторы сохранения устойчивости зон, а также сформулированы важные уроки для развития современных территорий с особым статусом.

Ключевые слова: специальная экономическая зона; косвенные экономические эффекты; прямые экономические эффекты; отчет о финансовых результатах; оценка эффективности; мониторинг; цели устойчивого развития; бережливый подход.

JEL: F21; H25; O25

SPECIAL ECONOMIC ZONES OF RUSSIA AND CHINA: EVALUATION OF ARISING EFFECTS

Karachev Igor Andreevich, Cand. Sci. (Econ.)
Associate professor of the Department for World Economy and Statistics,
P.G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russian Federation

Sapir Elena Vladimirovna, Dr. Sci. (Econ.), Professor
Head of the Department for World Economy and Statistics,
P.G. Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The authors of the article systematized the direct and indirect effects that arise in connection with the special economic zones' creation. It was established that in determining the overall impact of zones on sustainable development, a key role, along with measurable economic factors, is played by social and environmental factors. Using the methods of comparative and system analysis, the authors identified key features of monitoring and evaluating the effectiveness of the functioning of special economic zones in China and the Russian Federation. It was established that for the long-term

sustainability of the country's economy, the financial and fiscal viability of the zones is important. Such an assessment on a regular basis can be carried out by drawing up a «report on financial results» of a specific economic zone. As a result of studying foreign experience, the authors systematized the key factors for maintaining the stability of the zones, as well as formulated important lessons for the development of modern territories with special status.

Keywords: special economic zone; indirect economic effects; direct economic effects; report on financial results; effectiveness evaluation; monitoring; sustainable development goals; lean approach.

Специальные экономические зоны (далее – СЭЗ) являются важным локомотивом экономического роста и модернизации экономик во многих странах. Они содействуют [1]:

- привлечению инвестиций;
- созданию рабочих мест;
- стимулированию экспорта;
- участию в глобальных производственно-сбытовых цепочках (далее – ГПСЦ);
- промышленной модернизации и диверсификации.

Зоны являются ключевым инструментом поощрения инвестиций и могут сыграть важную роль в привлечении прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ). Инвесторов привлекают такие аспекты, как преимущества создания кластеров и экономия за счет совместного размещения. Во многих странах льготы, инфраструктурная поддержка и упрощение деловой практики в СЭЗ призваны компенсировать недостатки инвестиционного климата. Вместе с тем наличие зон не является ни предварительным условием, ни гарантией того, что показатели привлечения ПИИ будут выше средних. Лишь около половины органов поощрения инвестиций во всем мире считают, что зоны в их странах дали значительный толчок привлечению ПИИ.

1. Методологические проблемы оценки эффектов специальных экономических зон

Сегодня существует ряд нерешенных методологических проблем оценки эффектов специальных экономических зон. Прежде всего, измерить их влияние на привлечение ПИИ – и особенно целевых ПИИ, то есть таких, которые без создания свободных зон в принципе были бы невозможны, – крайне трудно, поскольку для этого не хватает ни достаточных научных, ни эмпирических данных. Имеющиеся теоретические исследования по проблематике СЭЗ содержат ограниченный материал по количественному анализу [2, 3], страновая и международная статистика (включая данные по ПИИ Конференции ООН по торговле и развитию (далее – ЮНКТАД)) не выделяет инвестиции в СЭЗ отдельно от общего притока инвестиций в страну, а сами СЭЗ в основном не регистрируют потоки иностранных инвестиций обособленно. Исследования в Китае, однако, показали, что СЭЗ могут оказать сильное положительное влияние на ПИИ, в том числе на инвестиции в новые проекты. Важно отметить, что СЭЗ не вытесняют внутренние инвестиции [4].

Свободные экономические законы позволяют не просто наращивать объемы экспорта, но – что особенно ценно – диверсифицировать его. Последнее особенно важно для России, которая решает стратегическую задачу увеличения доли несырьевого неэнергетического экспорта в общем его объеме [5]. Во многих странах на программы развития зон приходится значительная доля экспорта, особенно экспорта продукции обрабатывающей промышленности. В ряде стран Латинской Америки и Карибского бассейна доля экспорта резидентов СЭЗ составляет более 50 процентов от общего объема экспорта в Коста-Рике, Доминиканской Республике и Никарагуа; 31 процент в Мексике; и 13 процентов в Колумбии. В Азии на СЭЗ приходится более 60 процентов экспорта Филиппин и около 10 процентов экспорта Индии.

СЭЗ играют важную роль в расширении участия стран в ГПСЦ. При импорте, переработке и реэкспорте промежуточных товаров в рамках сложных ГПСЦ накапливаются связанные с торговлей расходы, такие как тарифы, пограничные пошлины и сборы. За счет снижения таких транзакционных издержек СЭЗ стали основными узловыми элементами ГПСЦ.

Одним из ключевых аргументов в пользу развития СЭЗ является создание новых постоянных рабочих мест. В странах с высоким уровнем безработицы и неполной занятости рабочие места в СЭЗ играют существенную роль. Особенно в беднейших странах СЭЗ могут стать важным направлением развития формальной занятости. Во всем мире приблизительно 90–100 миллионов человек непосредственно заняты в СЭЗ либо работают над программами развития специальных зон. Косвенное влияние зон на занятость также может быть значительным. Отношение созданных косвенных к прямым рабочим местам колеблется от одной четвертой в странах, где зоны функционируют как относительные анклав, до кратных двум в странах, где зоны существенно связаны с внутренней экономикой. Это означает, что в общей сложности СЭЗ в мире создали от 50 до 200 миллионов косвенных рабочих мест.

Успех СЭЗ можно измерить непосредственно с помощью показателей притока ПИИ, показателей экспорта и занятости, а также общего роста производства в зонах. Но для этого необходимо «изолировать» влияние СЭЗ на экономический рост, что в настоящее время статистически практически невозможно. Кроме того, важно учитывать социальные и экологические последствия (далее – СЭП) функционирования СЭЗ. В частности, в прошлом часто вызывали озабоченность трудовые нормы, принятые в зонах. В современных зонах ситуация меняется; более половины СЭЗ в мире, по оценкам экспертов ЮНКТАД, ввели положения в области экологических стандартов и правил, а некоторые из них приняли международные экологические стандарты [4].

Однако ни один из элементов потенциального положительного воздействия СЭЗ на экономику не достигается автоматически. Результаты работы многих зон по-прежнему не оправдывают ожиданий. Там, где они способствуют экономическому росту, такой толчок, как правило, носит временный характер: после периода «разгона» большинство зон растут такими же темпами, как и национальная экономика. При этом слишком многие зоны действуют как анклав и оказывают ограниченное воздействие вовне.

Недавнее исследование, основанное на выборке из 346 СЭЗ в развивающихся регионах за период 2007–2012 гг., показало, что средний темп экономического роста по всем СЭЗ за этот период составил около 14,7 процента со значительными колебаниями, а средний темп роста был только 2,8 процента. Однако анализ индикаторов деятельности СЭЗ в сравнении с индикаторами национального экономического роста показал, что темп роста в рамках СЭЗ в среднем на 2–5 процентных пунктов ниже темпа роста национального ВВП. Даже в странах, где темп роста в рамках СЭЗ был относительно высоким, таких как Кения, Турция и Гана, он оставался ниже общего темпа роста национального ВВП. В других странах с высоким темпом роста в рамках СЭЗ, таких как Вьетнам и Российская Федерация, показатели роста в рамках зон были выше, чем в среднем по стране, тем не менее, средняя разница никогда не превышала 5 процентов.

На сегодняшний день лишь немногие страны систематически оценивают результаты функционирования и воздействие СЭЗ, и еще меньше стран создали механизмы для решения проблем, связанных с неудовлетворительными результатами. Проведение такой оценки является крайне важным, поскольку работа по исправлению ситуации в СЭЗ, не добившихся успеха, требует своевременного диагноза, особенно с учетом значительного объема государственных инвестиций в развитие зон. Ориентиром для директивных органов при разработке системы мониторинга и оценки может служить подготовленный ЮНКТАД «Отчет о финансовых результатах» СЭЗ в контексте устойчивого развития (рис. 1).

Ожидаемый экономический вклад от развития зоны может быть прямым и косвенным [6]. Прямые выгоды включают привлечение ПИИ, создание рабочих мест и получение доходов, рост и диверсификацию экспорта, а также поступления в иностранной валюте. Некоторые из этих преимуществ могут быть особенно важны в более бедных странах, где мало рабочих мест и валютных поступлений. Косвенные экономические выгоды труднее определить и измерить, но они являются

важным компонентом воздействия зон. Они включают связи с поставщиками за пределами зон и косвенную занятость, которую они создают, а также индуцированный доход и рабочие места.

Области выгод и затрат	Ключевые элементы
Прямые экономические выгоды	- Привлечение ПИИ
- Создание рабочих мест	
- Рост экспорта	
- Валютная выручка	
+	
Косвенные экономические выгоды	- Связи с поставщиками за пределами зоны
	- Косвенное и стимулируемое создание рабочих мест
=	
Комбинированное экономическое воздействие	- Дополнительный рост ВВП
+/-	
Чистые расходы/доходы, связанные с зонами	- Инвестиционные расходы
	- Операционные издержки
	- Неполученные доходы и субсидии
	- Доходы от зон
=	
Налоговая/финансовая жизнеспособность зон	- Срок окупаемости инвестиций в зону
	- Налогово-бюджетное бремя
+	
Динамические экономические выгоды	- Распространение технологий
	- Передача навыков и «ноу-хау»
	- Диверсификация и модернизация промышленности
	- Расширение регионального сотрудничества
+/-	
Социальное и экологическое воздействие и внешние последствия	- Условия труда
	- Экологические последствия
	- Присвоение или нецелевое использование земли
	- Незаконные потоки
+/-	
Извлеченные уроки с точки зрения политики и более широкое воздействие в плане реформ	- Экспериментальное функционирование зон
	- Функция катализатора реформ
	- Снижение мотивации к реформам
=	
Общее воздействие на устойчивое развитие	- Эволюция роли зон в экономике
	- Долгосрочные преобразования зон

Рисунок 1 – «Отчет о финансовых результатах» СЭЗ в контексте устойчивого развития [4]

В конечном итоге сочетание прямого и косвенного экономического вклада должно привести к более высоким темпам экономического роста. Создание и раннее развитие зон обеспечивает временное ускорение роста валового внутреннего продукта. Тем не менее, учитывая преимущества и стимулы, предоставляемые инвесторам в СЭЗ, они также должны обеспечивать устойчивый стимул для роста – иными словами, рост экономической активности в зонах должен опережать общий экономический рост в стране после ранней фазы развития зоны.

2. Опыт оценки эффектов специальных экономических зон в КНР

Мониторинг и оценку созданных СЭЗ на предмет их финансовой жизнеспособности и соответствия целям устойчивого развития должны проводиться на регулярной основе. Чтобы измерить влияние СЭЗ, экономические выгоды следует сопоставить с затратами на создание зон, учитывая их эффективность и результативность. Развитие зоны влечет за собой финансовые и капитальные затраты, в том числе расходы на развитие инфраструктуры, расходы на содержание органов управления зоной и другие операционные расходы, а также выпадающие доходы, возникающие в связи с освобождением резидентов зон от импортных пошлин и налогов. Некоторые из этих затрат увеличиваются, когда существующие отечественные предприятия перемещаются с национальной таможенной территории в зону или когда они получают статус «свободных предприятий». Инвестиционные и эксплуатационные расходы зон могут быть возмещены за счет арендного дохода и платы за обслуживание. Государственные расходы на СЭЗ, как правило, самые высокие в тех случаях, когда правительства разрабатывают зоны и управляют ими, особенно если они предоставляют субсидии. Совокупное экономическое влияние СЭЗ, измеренное в сравнении с затратами на разработку СЭЗ и осуществление текущих операций, дает представление об их налоговой и финансовой устойчивости, включая период окупаемости первоначальных капитальных затрат и бремя (или выгоду), которое зоны могут создать для государственного бюджета в долгосрочной перспективе.

Однако влияние и эффективность зон не следует измерять только на основе экономических и финансовых показателей. Динамические экономические эффекты, а также социальные и экологические факторы играют ключевую роль в определении общего воздействия СЭЗ на устойчивое развитие [7]. Динамическое воздействие СЭЗ, особенно их влияние на развитие технологий и навыков, а также их косвенное воздействие на экономику в целом, особенно важно для промышленного развития и модернизации. Расширение регионального экономического сотрудничества, в том числе через трансграничные СЭЗ, является еще одним динамическим преимуществом зон, которое может иметь важное значение, особенно в контексте развития региональных производственно-сбытовых цепочек. Фискальная и финансовая жизнеспособность СЭЗ и их общее воздействие на устойчивое развитие одинаково важны. Правительства вполне могут принять на себя финансовое бремя зон в течение некоторого времени, чтобы поддержать цели промышленного развития и стимулировать более широкие деловые реформы. Тем не менее, они не могут бесконечно покрывать расходы зон, которые не окупают себя за счет прямого и косвенного экономического вклада, который ведет к увеличению бюджетных доходов. Зоны, которые не работают на основе возмещения затрат или требуют значительных субсидий, подвергаются более высокому риску стать финансово нежизнеспособными.

Наибольшее количество СЭЗ расположено на территории Азии (4046 (75%), в т.ч. в Китае – 2543). Целесообразно рассмотреть опыт Китая [4] в проведении мониторинга СЭЗ и сравнить его с опытом проведения мониторинга СЭЗ в Российской Федерации.

В Китае эффективность зон технико-экономического развития (далее – ЗТЭР) и зон новых и высоких технологий (далее – ЗНВТ) оценивается на регулярной основе. Административный указ Министерства науки и технологий 1996 года регламентирует оценку ЗНВТ. «Плохо управляемым и медленно развивающимся зонам» предписано исправлять свои показатели в течение определенного времени, в противном случае они теряют свой привилегированный статус. Система индексов оценки

2013 года включает четыре категории и 40 показателей:

- генерация знаний и технологические инновации: уровень образования сотрудников, расходы на НИР, количество научно-исследовательских учреждений и инкубаторов и т. д.;
- возможности модернизации промышленности и структурной оптимизации: количество высокотехнологичных предприятий, доля фирм сферы услуг, регистрация интеллектуальной собственности, количество зарегистрированных на бирже компаний и т. д.;
- интернационализация и участие в глобальной конкуренции: доля сотрудников, получивших высшее образование за рубежом, доля иностранных сотрудников, количество зарубежных филиалов, регистрация интеллектуальной собственности за рубежом и т. д.;
- способность к устойчивому развитию: доля сотрудников с магистерскими и докторскими степенями, темп роста числа компаний или налоговых поступлений, объем новых инвестиций, потребление энергии и т. д.

В 2016 году Министерство науки и технологий КНР начало оценивать инновационные возможности ЗНВТ в качестве дополнительного критерия эффективности. Министерство торговли проводит ежегодную оценку ЗТЭР с 2016 года. Санкция в виде лишения особого статуса применяется к пяти ЗТЭР с самыми низкими показателями в течение двух лет подряд. Оценка ЗТЭР основана на пяти аспектах, а именно: промышленный потенциал, технологические инновации, региональная интеграция, защита окружающей среды и административная эффективность. К пяти категориям относятся 53 показателя, включая традиционные показатели, такие как объем промышленного производства, выручка, производительность, вклад в ВВП, расходы на НИР, приток ПИИ, объем внешней торговли и количество зарегистрированных на бирже компаний, а также показатели, ориентированные на устойчивость, такие как: число профессионально-технических учебных заведений, потребление энергии и воды, выбросы диоксида серы, оксидов азота и аммиака, а также уровень утилизации отходов. Онлайн-система одобрения посредством «единого окна» для упрощения инвестиций является показателем административной эффективности. Министерство торговли публикует список 30 лучших зон и 10 лучших в категориях промышленного потенциала, инноваций, прямых иностранных инвестиций и внешней торговли соответственно.

3. Практика оценки эффектов специальных экономических зон в России

В настоящее время в Российской Федерации функционирует порядка 500 различных площадок, направленных на создание условий для ускоренного развития отдельных регионов и преференциальных условий ведения предпринимательской деятельности, таких как: территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОР), индустриальные (промышленные) парки, технопарки, технопарки в сфере высоких технологий, IT-парки, инновационные научно-технологические центры (далее – ИНТЦ), бизнес-инкубаторы, кластеры, зоны территориального развития, свободные порты (далее – СП), особые экономические зоны (далее – ОЭЗ). К числу СЭЗ по наличию признаков территориальной обособленности, особого регулятивного режима и инфраструктурной поддержки могут быть отнесены из выше названных только следующие преференциальные инструменты государственной политики: ОЭЗ (в наибольшей степени соответствуют концепции СЭЗ в традиционном их понимании); ТОР; ИНТЦ и СП. По состоянию на апрель 2020 года в Российской Федерации существует 34 ОЭЗ, 112 ТОР, 3 ИНТЦ и 5 СП. Многообразие форм и видов территорий с особыми условиями осуществления предпринимательской деятельности создает «благоприятные» условия к выделению денежных средств из федерального и регионального бюджетов по различным программам (направлениям) на одни и те же цели, что в конечном итоге приводит к бессистемности оказания инвесторам государственной поддержки, неэффективному планированию расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также к отвлечению значительных объемов средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации от реализации

иных значимых социально-экономических проектов [8].

Оценка эффективности функционирования ОЭЗ в соответствии с п. 4 ст. 8 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об ОЭЗ в Российской Федерации» осуществляется ежегодно Министерством экономического развития Российской Федерации. Правила проведения оценки утверждены постановлением Правительства России от 07.07.2016 № 643 «О порядке оценки эффективности функционирования особых экономических зон».

Правительством установлено шесть расчетных показателей эффективности ОЭЗ:

- показатель, отражающий эффективность деятельности резидентов ОЭЗ;
- показатель, отражающий рентабельность вложения средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов в создание объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иной инфраструктуры ОЭЗ;
- показатель, отражающий эффективность деятельности органов управления ОЭЗ;
- показатель, отражающий эффективность планирования при создании ОЭЗ;
- показатель, отражающий вклад ОЭЗ в достижение национальных целей развития Российской Федерации, определенных Указом Президента России от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»;
- сводный показатель эффективности.

Эти общие расчетные показатели разбиты на 25 абсолютных и относительных количественных показателей. Методология оценки дифференцирована по типу зоны. Ежегодно по сводному расчетному показателю эффективности происходит ранжирование зон. Неэффективные ОЭЗ закрываются. Используя этот механизм, 11 зон было закрыто за период 2010 – 2017 гг. По результатам оценки эффективности функционирования ОЭЗ, проведенной Минэкономразвития России, за 2018 год среднее значение сводного расчетного показателя эффективности по всем ОЭЗ, без учета туристического кластера, соответствовало эффективному функционированию ОЭЗ и составило 93 процента за 2018 год и 88 процентов за период с начала функционирования ОЭЗ. При этом наибольшую эффективность по итогам 2018 года демонстрировали ОЭЗ технико-внедренческого типа, ОЭЗ промышленно-производственного типа и портовая ОЭЗ. Значение сводного расчетного показателя эффективности за 2018 год для ОЭЗ туристско-рекреационного типа составило 77 процентов, что соответствовало достаточно эффективному уровню функционирования ОЭЗ.

В соответствии с п. 1 ст. 6 Федерального закона от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О ТОР в Российской Федерации» оценка эффективности функционирования ТОР проводится наблюдательным советом ТОР в соответствии с методикой, установленной постановлением Правительства России от 23.09.2019 № 1240 «Об утверждении методики оценки эффективности и мониторинга показателей эффективности ТОР, за исключением ТОР, созданных на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)».

Оценка эффективности проводится ежегодно, начиная с 13-го года, следующего за годом, в котором Правительством России принято решение о создании ТОР, по следующим показателям (нарастающим итогом с момента создания ТОР):

- отношение фактических частных инвестиций на конец года проведения оценки к фактическим совокупным расходам бюджетов на конец года проведения оценки;
- отношение фактических рабочих мест на конец года проведения оценки к фактическим расходам федерального бюджета на конец года проведения оценки;
- отношение фактических частных инвестиций на конец года проведения оценки к планируемым частным инвестициям;
- разница между отношением добавленной стоимости и фактических совокупных расходов бюджетов, рассчитанным на конец года проведения оценки, и отношением добавленной стоимости и фактических совокупных расходов бюджетов, рассчитанным на конец года, предшествующего году

проведения оценки.

4. Направления совершенствования оценки и критические факторы успеха СЭЗ в России

В настоящее время по линии Министерства финансов Российской Федерации проводится работа по формированию единой системы оценки эффективности любых мероприятий государственных программ, в том числе по оказанию государственной поддержки резидентам СЭЗ, вне зависимости от формы их предоставления (субсидия, налоговая льгота и т.д.). Принятие в соответствии с нормами бюджетного законодательства постановлений Правительства Российской Федерации от 12.04.2019 № 439 «Об утверждении Правил формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации» и от 22.06.2019 № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» завершило проводимую Минфином России работу по внедрению правовых механизмов, обеспечивающих применение единых методологических подходов к оценке эффективности предоставления налоговых льгот и иных преференций на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации.

Формирование прозрачной системы оценки эффективности налоговых расходов, гармонизированной со оценкой эффективности других мер государственной политики, предоставляемых в рамках государственных программ Российской Федерации, будет, по мнению финансового органа, способствовать как более эффективному и рациональному использованию инструментов налогового стимулирования, так и повышению эффективности программно-целевого бюджетирования в целом. Оценка будет осуществляться ежегодно кураторами соответствующих налоговых расходов – ответственными исполнителями государственных программ или иными уполномоченными органами государственной власти. По результатам оценки налоговых расходов куратором будет сформулирован вывод о степени их эффективности и целесообразности их сохранения в дальнейшей перспективе, подлежащий учету при формировании основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики, а также при проведении оценки эффективности реализации государственных (муниципальных) программ.

Конечным итогом такой работы должны стать не просто каталогизация всех имеющихся видов налоговых расходов и учет их объема, а отмена неэффективных налоговых расходов, создание механизмов, стимулирующих регионы к росту регионального налогового потенциала, упорядочивание всей системы налоговых льгот.

Критические факторы успеха СЭЗ. Эффективность СЭЗ зависит от внешних факторов, а также факторов, которыми могут управлять правительства и разработчики зон. Внешние факторы включают высокую конкуренцию за иностранные инвестиции и изменения в политической среде, например, изменение торговых предпочтений. Управляемые факторы вращаются вокруг стратегической направленности зон, нормативно-правовой и институциональной базы и инфраструктуры, услуг и выгод, предоставляемых инвесторам в СЭЗ (табл. 1).

5. Заключение

Большой зарубежный опыт функционирования СЭЗ позволяет извлечь важные уроки для развития современных зон.

Программы развития зон должны опираться на бережливый подход. Отчет о финансовых результатах СЭЗ в контексте устойчивого развития высвечивает необходимость обеспечения финансовой и налоговой устойчивости зон, поскольку не всегда существует ясность относительно их более масштабного воздействия на экономический рост, которое к тому же может потребовать определенного времени.

Таблица 1 – Основа для устойчивых СЭЗ (ключевые элементы для продвижения устойчивых СЭЗ) (составлено авторами на основе [4])

Общий подход	Политика / стандарты	Инфраструктурная помощь	Административная помощь
	Поддерживает и обеспечивает соблюдение политик и стандартов, в том числе:	Предоставляет услуги или специалистов для обеспечения соблюдения правил, требований / предлагает помощь, в том числе:	Обеспечивает руководство и обучение для компаний, включая:
Создание партнерств с участием многих заинтересованных сторон для определения возможностей и разработки плана действий.			
Труд, занятость	<ul style="list-style-type: none"> - Минимальная заработная плата. - Рабочее время и материальные стимулы. - Соблюдение прав профсоюзов в пределах зоны. - Гендерное равенство и смежные вопросы. - Стимулы для прохождения сертификации. 	<ul style="list-style-type: none"> - Инспекции труда. - Специалисты по разрешению конфликтов. - Горячие линии по отчетности. - Гендерные координаторы. 	<ul style="list-style-type: none"> - Улучшение условий труда. - Участие в социальном диалоге.
Среда	<ul style="list-style-type: none"> - Выбросы. - Утилизация отходов. - Энергетическая эффективность. - Стимулы для прохождения сертификации. - Продвижение безотходного производства. 	<ul style="list-style-type: none"> - Централизованная очистка стоков. - Системы мелиорации. - Услуги по переработке. - Услуги по утилизации опасных отходов. - Альтернативные источники энергии. - Горячие линии по отчетности. - Организация бережливого производства. 	<ul style="list-style-type: none"> - Дальнейшее сокращение использования природных ресурсов. - Сокращение отходов. - Совершенствование способов утилизации. - Повышение энергетической эффективности. - Принятие возобновляемой энергии.
Здоровье и безопасность	<ul style="list-style-type: none"> - Охрана здоровья и безопасности работников. - Стимулы для прохождения сертификации. 	<ul style="list-style-type: none"> - Поликлиническая помощь. - Функционирование пожарных бригад. - Горячие линии по отчетности. 	<ul style="list-style-type: none"> - Предотвращение чрезвычайных ситуаций, связанных со здоровьем и безопасностью.

Коррупция	- Анतिकоррупционные стандарты и политика.	- Горячие линии. - Информация о сообщениях о коррупции.	- Создание потенциала для выявления и предотвращения коррупции в бизнесе.
Экономические связи	- Поддержка работодателей в обучении и развитии персонала.	- Помощь с локальной ресурсной базой.	- Определение и актуализация перечня местных поставщиков.

Лишь немногие страны проводят комплексное сопоставление выгод от создания зон и соответствующих затрат, включая первоначальные инвестиционные и эксплуатационные расходы. Зоны обладают потенциалом для получения помимо прямых экономических и финансовых выгод также выгод в области развития, содействуя достижению задач экономической трансформации и развитию технологий и компетенций, а также создавая возможности для проведения экспериментов в области регулирования. Эти выгоды в области развития могут оправдывать государственные инвестиции в зоны.

Вместе с тем для долгосрочной устойчивости важное значение имеет финансовая и налогово-бюджетная жизнеспособность зон. Наибольшие риски для финансовой жизнеспособности создают высокие первоначальные расходы, обусловленные чрезмерной спецификацией, субсидированием резидентов зон и переводом в зоны уже действующих фирм. Передача частному сектору работы по развитию зон может существенно снизить капитальные затраты государства, а также некоторые связанные с такой работой риски.

Успех отдельных СЭЗ зависит от правильного подхода к решению базовых задач. Большинство неудач можно объяснить такими первопричинами, как плохое расположение зоны, при котором требуются большие капитальные затраты или когда зона находится далеко от инфраструктурных узлов и городов с достаточным количеством рабочей силы; ненадежное энергоснабжение; неудачная конструкция зоны с неадекватной инфраструктурой или техническим обслуживанием; или излишне сложные процедуры. Абсолютной необходимостью является упрощение административных процедур для компаний и инвесторов в зоне путем рационализации регулирования и создания «единых центров обслуживания» или механизмов «одного окна».

В тех случаях, когда директивным органам необходимо исправить положение в не слишком успешных СЭЗ или скорректировать программы развития зон, которые не позволяют достичь поставленных целей, им необходимы варианты переориентации их стратегического подхода, реформы регулирования зон и переосмысления предлагаемых зоной преимуществ. Эта необходимость может становиться все более острой по мере эволюции трех ключевых вызовов: императива устойчивого развития, новой промышленной революции и цифровой экономики, а также меняющихся моделей международного производства и ГПСЦ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чернявская Ю.А. Место и роль особых экономических зон в современных условиях: монография / Ю.А. Чернявская, Л.Н. Рубцова. – Липецк: ЛЭГИ, 2007. – 100 с.
2. Нилов К.Н. Особые (специальные) правовые режимы как средство дифференциации правового регулирования предпринимательства / К.Н. Нилов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – № 9. – С. 37–42.
3. Свободные экономические и офшорные зоны (экономико-правовые вопросы зарубежной и российской практики): учебное пособие / под ред. В.И. Баронова, Г.М.Костюниной. – М.: Магистр, ИНФРА-М, 2015. - 560 с.

4. World Investment Report 2019 [Электронный ресурс] // UNCTAD. – 2019. – Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf (дата обращения: 10.04.2020).
5. Кущенко В.В. Особые режимы внешнеэкономической деятельности: право и практика / В.В. Кущенко. – М.: Кн. мир, 2004. – 127 с.
6. Игнатов В.Г. Свободные экономические зоны / В.Г. Игнатов, В.И. Бутов. – М.: Ось-89, 1997. – 192 с.
7. Кабиров Р.Ф. Теоретические основы создания и функционирования свободных экономических зон: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Кабиров Рафит Фаритович. – Уфа, 2007. – 19 с.
8. Ушаков В.В. Государственное регулирование создания и функционирования особых экономических зон в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05, 08.00.14 / Ушаков Владимир Витальевич. – М., 2007. – 19 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ДАННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Реус Семён Петрович

аспирант кафедры финансов и кредита,
ФГБОУ ВО «Крымский Федеральный университет»,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: semreus@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается актуальная тематика перспектив экономического роста российской экономики под влиянием COVID-19 и анализируется его влияние на данные процессы, что и послужило целью исследования. Для достижения поставленной цели, с использованием методов анализа, графического и метода междисциплинарного подхода, были решены следующие задачи: обозначены современные тенденции развития ситуации с COVID-19, проведен анализ влияния принятых мер по нераспространению данной инфекции на российскую экономику. Сделаны выводы о том, что: эпидемиологическое и социально-экономическое положение в России в связи с COVID-19 на данном этапе остаётся сложным, так как пик заболеваемости не пройден, однако отмечается его «плавное» течение за счёт оперативного и своевременного государственного реагирования; экономический спад неизбежен, так как в рабочий процесс включены только структурообразующие сферы; за счёт своевременно принятых государственных мер по социально-экономической поддержке всех сфер экономики РФ, экономический спад в России может быть минимизирован и, в дальнейшей перспективе, последовать по благоприятному сценарию экономического развития страны. С использованием ИКТ стало возможно обеспечение государственных мероприятий, которые предотвратили коллапс в работе структурообразующих учреждений, в том числе и образовательных. Выявлено, что меры по предотвращению негативных последствий распространения пандемии позволили выявить ранее незадействованные сферы экономики («зоны» экономического роста), применение в которых цифровых технологий повышает производительность труда в них, что в перспективе будет целесообразным дальнейшее их внедрение и использование. В рамках междисциплинарного подхода разработан, описан и предложен механизм повышения темпов экономического роста за счёт выявления ранее незадействованных «зон» экономического роста и применения в них информационно-коммуникативных технологий. Данное исследование носит фундаментальный характер, результаты которого могут быть использованы при разработке программ социально-экономического развития и совершенствования материально-технической базы производств.

Ключевые слова: COVID-19, перспективы экономического роста, экономика России, государственные меры, дистанционный режим.

JEL: O11;

PROSPECTS FOR ECONOMIC GROWTH OF THE RUSSIAN ECONOMY: INFLUENCE OF COVID-19 ON THESE PROCESSES

Reus Semyon Petrovich,
postgraduate student of the Department of Finance and credit
Of the «Crimean Federal University»
Simferopol, Russian Federation

Abstract: The article discusses the current topic of the prospects for economic growth of the Russian economy under the influence of COVID-19 and analyzes its influence on these processes, which served as the aim of the research. To achieve this aim, using the analysis methods, the graphic and the multidisciplinary approach method, the following tasks were solved: the current trends in the development of the situation with COVID-19 were identified, the impact of the measures taken to prevent the spread of this infection on the Russian economy was analyzed. The conclusions are made that: the epidemiological and socio-economic situation in Russia in connection with COVID-19 at this stage remains difficult, since the incidence peak has not been passed, but its “smooth” course is noted due to prompt and timely state response; an

economic recession is inevitable, since only structure-forming spheres are included in the work process; Due to timely taken state measures for socio-economic support of all spheres of the Russian economy, the economic downturn in Russia can be minimized and, in the future, follow the favorable scenario of the country's economic development. Using ICT, it became possible to ensure government activities that prevented a collapse in the work of structure-forming institutions, including educational ones. It was revealed that measures to prevent the negative consequences of the spread of the pandemic made it possible to identify previously unused areas of the economy ("zones" of economic growth), the use of which digital technologies increases labor productivity in them, which in the future will be expedient for their further implementation and use. As part of an interdisciplinary approach, a mechanism has been developed, described and proposed to increase the rate of economic growth by identifying previously unused "zones" of economic growth and using information and communication technologies in them. This research is fundamental, the results of which can be used to develop programs for socio-economic development and improve the material and technical base of production.

Keywords: COVID-19, prospects for economic growth, the Russian economy, government measures, remote mode.

Введение.

Вопрос демографии и затрагивающие её процессы, оказывают непосредственное влияние на экономический рост [1, с.123]. Так, в результате глобального распространения пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), происходит трансформация взаимосвязанных друг с другом экономик стран мира, возникает ряд вызовов, с которыми сталкивается население, а затем и экономика, на которые необходимо дать ответ: учитывая специфику экономики России, данные процессы оказывают непосредственное влияние на её экономический рост в особенности. На данный момент, тематика по вопросу влияния COVID-19 на экономику России малоизучена, научных исследований экономистов недостаточно, что актуализирует тему данного исследования.

Целью исследования является анализ влияния COVID-19 на процессы экономического роста России в перспективе. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- обозначить современные тенденции развития ситуации с COVID-19;
- провести анализ влияния принятых мер по нераспространению коронавирусной инфекции на российскую экономику.

В процессе проведения исследования были использованы следующие методы:

- метод анализа статистических и литературных данных;
- графический метод для визуального отражения статистических данных и построения предложенных механизмов;
- метод междисциплинарного подхода для формирования элементов научной новизны.

Основной материал

Экономический рост как экономическая категория представляет собой, по сути, темпы развития экономики, повышение качества уровня жизни населения [2], исследованиям которого посвящены труды и Й. Шумпетера, В. Гамильтона, Дж. М. Кейнса. Я. П. Силина, О.С. Сухарева и многих других отечественных и зарубежных учёных [3].

Как уже было отмечено ранее, тематику по влиянию COVID-19 на экономику России и её отрасли только предстоит активно изучать. Однако, на данный момент, отечественные учёные в своих исследованиях проводят анализ предположительных сценариев развития экономики лишь некоторых отраслей. Так, например, отрасли авиаперевозок: как отмечает Д. В. Мазнева, "значительное ослабление спроса на авиаперевозки и возврат уже купленных билетов, в связи с развернувшейся пандемией, ставит под угрозу экономическую активность и занятость, поддерживаемую отраслью воздушного транспорта. Как и растущее число авиакомпаний оказавшихся в неустойчивом финансовом положении и столкнувшихся с серьезным сокращением денежных потоков в связи с прекращением авиасообщения во многих государствах на неопределенный период" [4, с. 86] и, при этом подчёркивает, что "только эффективная государственная политика, направленная на поддержание воздушной отрасли, поможет

сгладить последствия нынешней экономической нестабильности и позволит избежать перспективы сокращения сотрудников и финансовый крах компаний задействованных в сфере авиаперевозок» [4, с. 86]. Д. В. Зюкин также проводит анализ распространения COVID-19 и приходит к выводу о неизбежных преобразованиях в структуре экономики России [5]. Действительно, учитывая масштаб распространения коронавирусной инфекции, реформ в сфере коммуникации субъектов экономики не избежать, что, безусловно, оказывает влияние на социально-экономическое развитие государства и уровень его экономического роста.

Учитывая сложившиеся форс-мажорные обстоятельства по распространению пандемии COVID-19, Россия столкнулась с ростом уровня заболеваемости (рис. 1), и, как следствие, необходимостью введения «режима самоизоляции» (дистанционного режима), что, в свою очередь, обусловило снижение спроса на услуги некоторых организаций, и оказания им экономической поддержки со стороны государства, которое призвано регулировать экономический рост [6].

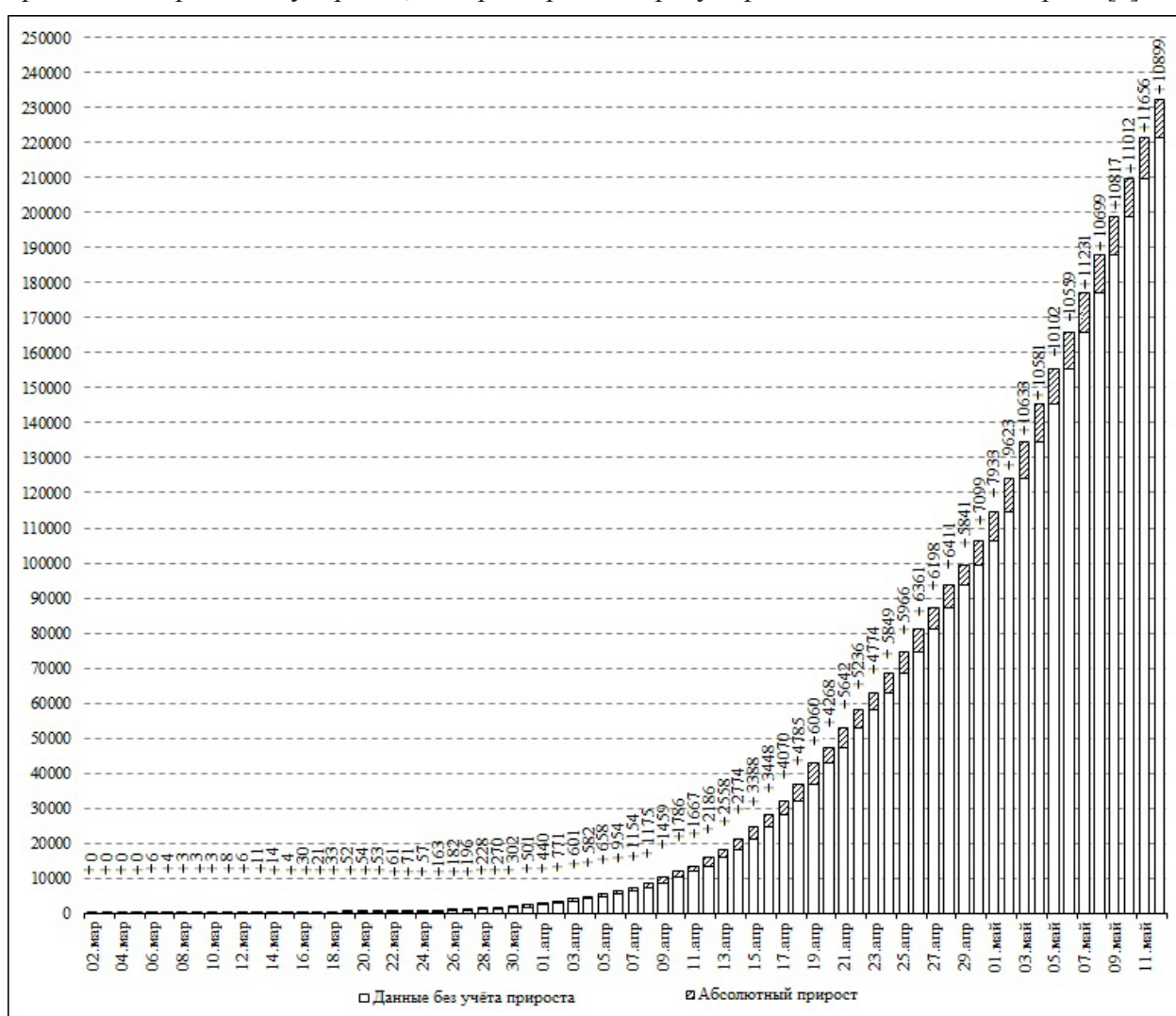

Рисунок 1 –Динамика и абсолютный прирост заражённых COVID-2019 в России за период распространения заболеваемости [составлено автором на основании данных 7]

Из данных рис.1 видно, что в России наблюдается плавный рост заболеваемости COVID-19, не достигшего своего пика. То, что рост плавный, а не в геометрической прогрессии, происходит за счёт своевременно принятых и обеспеченных Президентом и Правительством Российской Федерации (РФ) санитарно-эпидемиологических мер, направленных на борьбу и сдерживание распространения

данного заболевания [8,9]. Так, органами местного самоуправления был издан указ о введении режима повышенной готовности по борьбе с распространением коронавирусной инфекции. В центральном аппарате РФ и во всех регионах страны были созданы оперативные штабы с целью совместного оперативного реагирования.

Глобальное распространение COVID-19 ещё более усилило снижение спроса на энергоносители, что, в свою очередь, обусловило понижение цен на нефть (рис.2) и, соответственно курса рубля (рис.3) по отношению к доллару, экспорт которой является бюджетообразующим для экономики РФ.

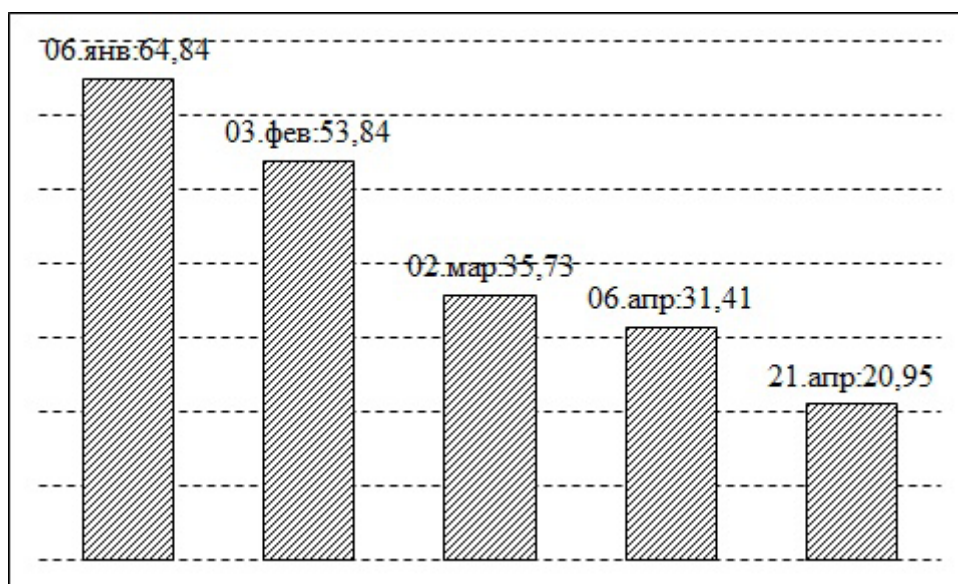

Рисунок 2 – Динамика цен на нефть в период распространения COVID-2019 [составлено автором по данным 10]

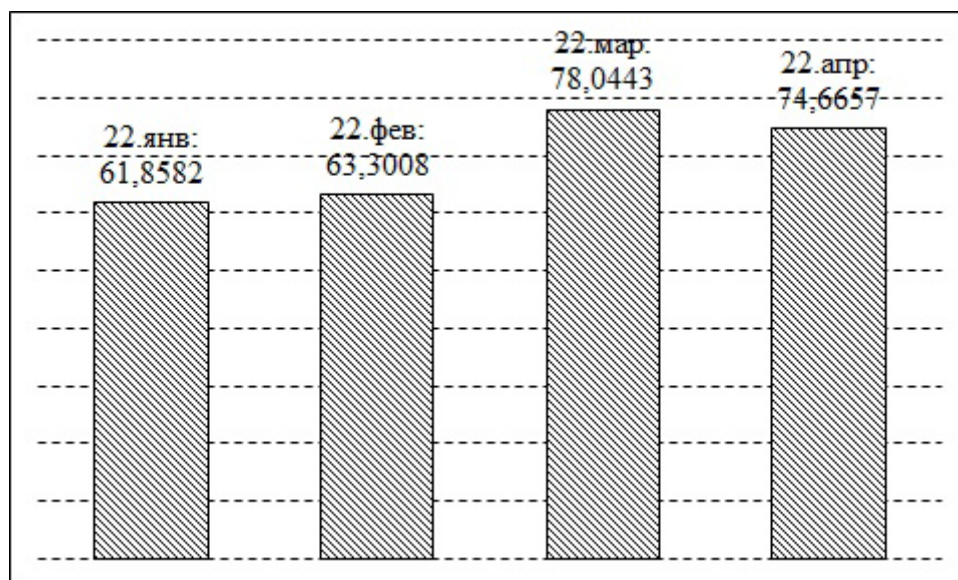

Рисунок 3 – Динамика курса рубля по отношению к доллару США в период распространения COVID-19 [составлено автором по данным 11]

В соответствии с данными рис. 2, наблюдается снижение цен на нефть в период распространения COVID-19, в связи с чем крупными странами-экспортёрами (членами ОПЕК) нефти были приняты договорённости по снижению объёмов её добычи : сокращение объёмов добычи позволяет сохранить цену на топливный ресурс в условии пониженного спроса на него.

В свою очередь, динамика курса доллара по отношению к рублю на рис.3 является также плавной и без резких скачков: плавно возрастает, что стало возможным за счёт поддержки государства .

Президент Российской Федерации В.В. Путин. отметил, что у государства есть ресурсы на случай любого сценария развития событий, а именно: имеется «устойчивая макроэкономическая ситуация, минимальный государственный долг, солидная «подушка безопасности» в виде накопленных за предыдущие годы резервов, есть средства для решения проблем по любому из возможных сценариев, наконец, у нас есть опыт преодоления кризисных явлений в прошлые годы» [12].

С учётом сложившейся эпидемиологической ситуации в стране, с целью минимизации распространения заболеваемости, центральным государственным аппаратом совместно с руководителями регионов было принято решение о максимальном разобщении граждан, в связи с чем президентом РФ был издан указ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» о работе структурообразующих (жизненно необходимых) предприятий, а именно: государственный аппарат (государственные служащие, депутаты, гос. учреждения); медицинские работники, научно-исследовательские и образовательные учреждения; сотрудники МВД, охраны, Росгвардии, МЧС; органы прокуратуры; работники торговли и фармацевты по обеспечению продуктовыми товарами и лекарственными препаратами; сфера транспорта, ЖКХ, банковская финансовая сфера [8].

Согласно данному указу, всем сотрудникам вышеуказанных предприятий и сфер предоставляется возможность работы в режиме «вахтового метода» на «удалённом режиме» с сохранением заработной платы всех сотрудников за счёт средств федерального бюджета. Сферы и предприятия, не вошедшие в перечень данного указа, подлежат закрытию до стабилизации эпидемиологической обстановки в стране. В основном, это предприятия малого и среднего бизнеса. Однако, во избежание резкого экономического спада, для таких предприятий президентом и правительством РФ разработаны меры, направленные на социально-экономическую поддержку, а именно: выдача банками беспроцентных кредитов под зарплату, предоставление кредитных каникул; снижение налоговой нагрузки и предоставления налоговых каникул; наложения моратория на банкротство и на проверки бизнеса»; снижение «страховых взносов», отсрочки «арендных платежей и помощи «экспортерам» [13]; выплата центрами занятости социальной помощи гражданам, утратившим рабочие места в связи с COVID 19, с возможностью дальнейшего трудоустройства на другие вакансии.

Таким образом, выше описанные мероприятия призваны снизить финансовую нагрузку на субъекты малого и среднего предпринимательства, тем самым обеспечить их финансовую устойчивость до момента стабилизации экономики в России и не допустить экономического спада ВВП как основного показателя, характеризующего экономический рост, а также снизить темпы распространения COVID-19 по сравнению с другими странами, что в определённой степени, снизило риск резкого роста.

Стоит отметить, что по состоянию на 2020 год выполнены одни из важнейших необходимых мероприятий по реализации человеческого потенциала, необходимость которых для экономического роста была обозначена ещё в 2007 году: институциональные реформы, повышение конкуренции, развитие рынков труда, частно-государственное партнёрство, применение новых информационно-коммуникативных технологий [1 с.134].

При этом Й. Шумпетер в рамках концепции «созидательного разрушения» [14] отмечал, что негативные последствия трансформации структуры и процессов в экономике и обществе, способствуют её совершенствованию, адаптации к новым условиям, и, как указывает А. Тойнби, развитию в результате эффективного ответа общества на складывающиеся вызовы [15].

Так, развитие научно-технического прогресса (НТП) в процессе глобализации обусловило рост уровня доступности к глобальным информационным сетям, что отражено на рис.4.

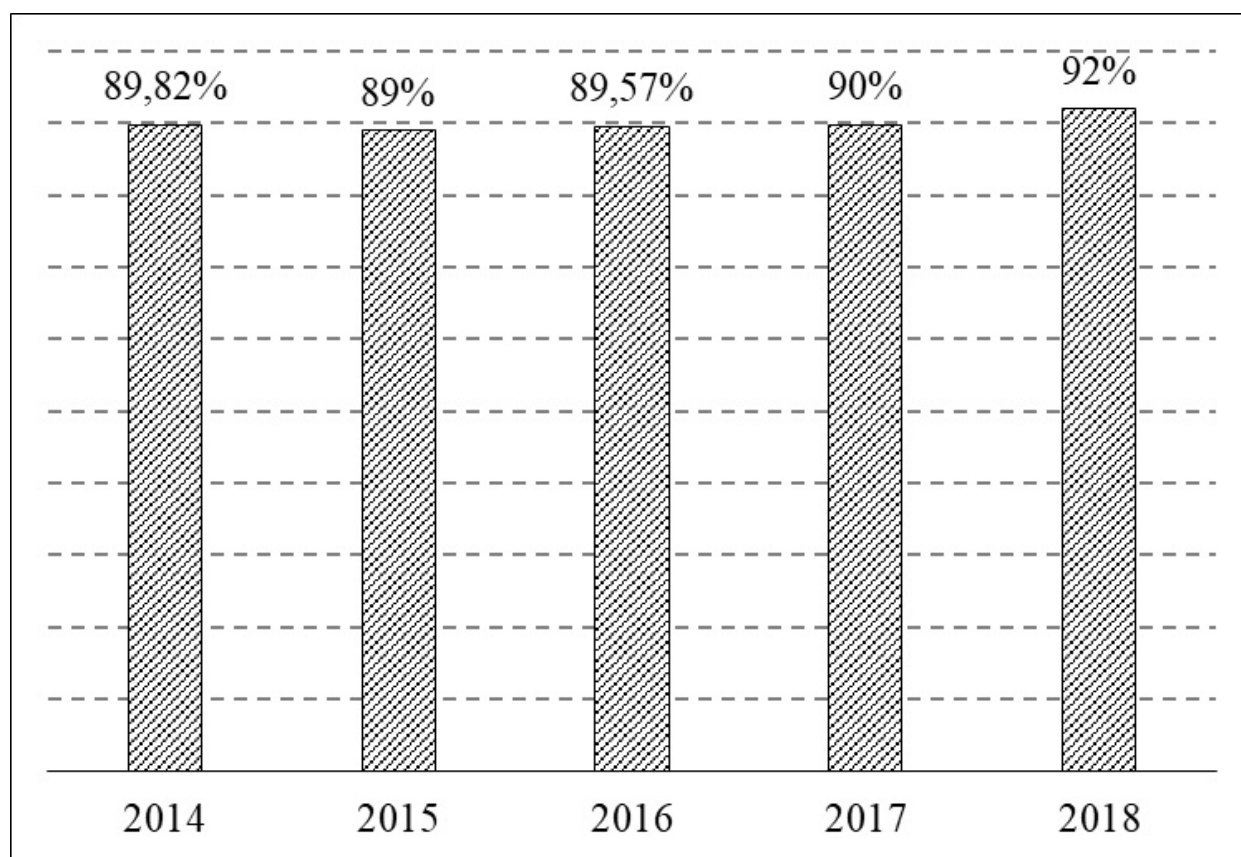

Рисунок 4 – Динамика удельного веса организаций, использовавших глобальные информационные сети, в % [составлено автором на основании данных федеральной службы государственной статистики 16]

Растущая динамика на рис.4 объясняет активное распространение ИКТ [17], поскольку за счёт них реализуется коммуникативный потенциал глобальной информационной сети: это позволило организовать дистанционный формат функционирования учреждений [18], что снижает транзакционные издержки и финансовые потери от “простоя” движимого и недвижимого имущества, а также работать структурообразующим учреждениям и предприятиям в сложившихся условиях COVID-19. После окончания кризиса, ввиду накопленного опыта, дальнейшее использование ИКТ субъектами экономики может позволить развиваться российской экономике более ускоренными темпами.

На основании выше сказанного можно констатировать, что в результате введения «режима самоизоляции» на территории РФ в некоторых, “не задействованных” ранее областях экономики были внедрены и успешно применяются новые коммуникативные технологии, на основании чего можно схематически изобразить механизм повышения темпов экономического роста за счёт выявления ранее не задействованных “зон” экономического роста на рис. 5.

Рис. 5 отражает принцип обнаружения за счёт возникновения факторов (индикаторов) незадействованных «зон» экономического роста активно развивающейся экономики (подобно тому, как в медицине выявляют зоны роста эластичных хрящей (“эпифизарных пластин”) [19, с.248]), в рамках которых возможно ускорение дополнительных темпов экономического роста и развития экономики в целом за счёт инструментов реализации потенциала мероприятий и технологий (в данном случае – цифровых, а именно информационно-коммуникативных), то есть стимулирование и реализация развития их экономического потенциала.

В свою очередь, выявление незадействованных зон (источников, путей) экономического роста

можно схематически отразить на рис. 6.

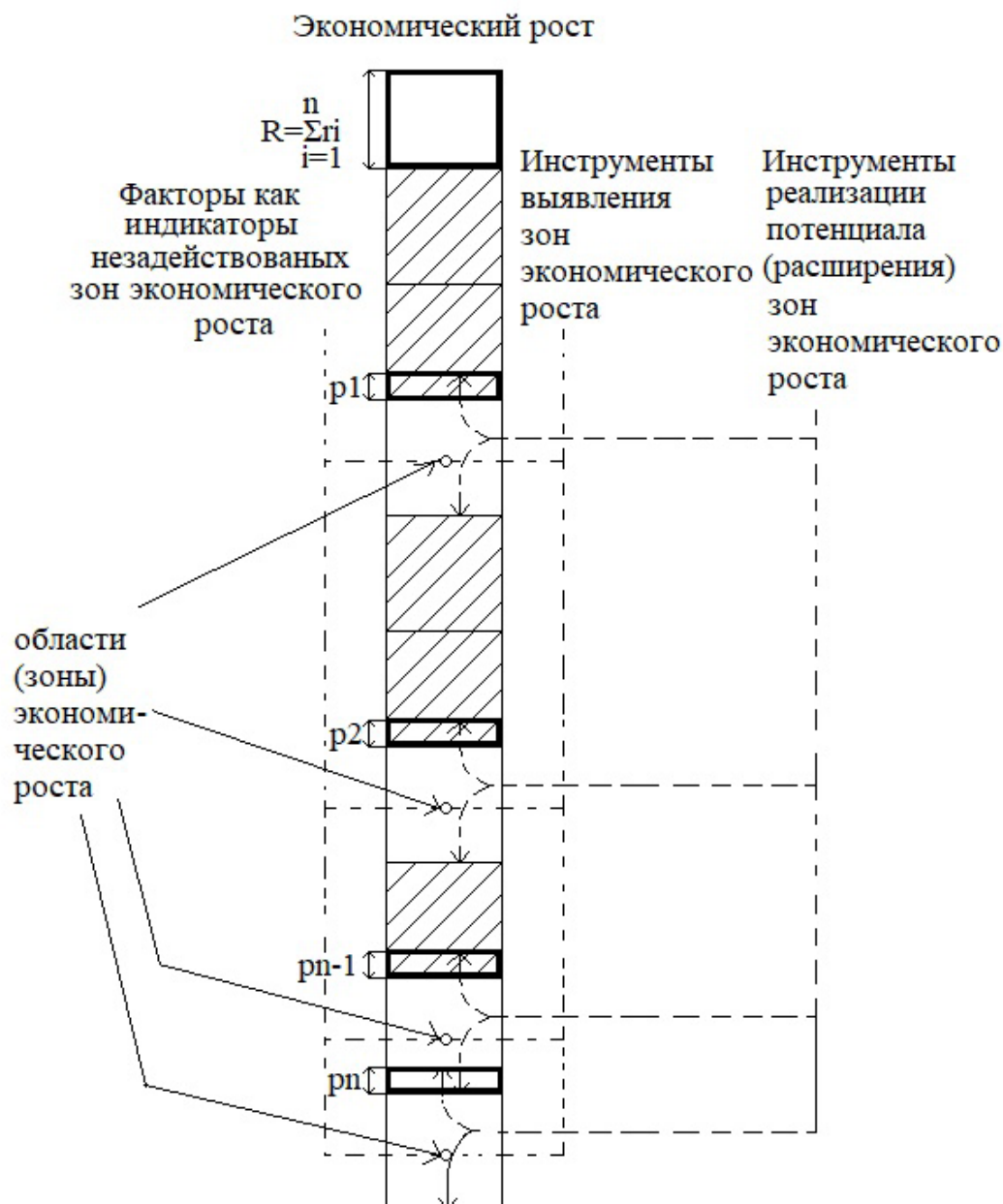

Рисунок 5 – Механизм повышения темпов экономического роста за счёт выявления ранее не задействованных «зон» экономического роста [разработано автором]

Рис. 6 отражает принцип выявления зон экономического роста за счёт действия факторов на экономику как позитивных, так и негативных (в данном случае таким фактором выступает необходимость введения дистанционного формата обучения и работы в результате распространения COVID-19), под действием которых становится очевидным, что те сферы экономики, в которых ранее не применялись технологические новшества, которые потенциально могут внедряться в будущем и позволят ускорить экономический рост.

Таким образом, в результате исследования, можно сказать, что распространение COVID-19 обусловило необходимость принятия государственных мер по нераспространению данной инфекции,

но при условии сохранения процессов работы и обучения среди населения. Обеспечение данных мероприятий стало возможно благодаря активному использованию ИКТ. Данные меры позволили выявить ранее незадействованные сферы экономики (“зоны” экономического роста), применение в которых цифровых технологий повышает производительность труда в них, что в перспективе будет целесообразным дальнейшее их внедрение и использование.

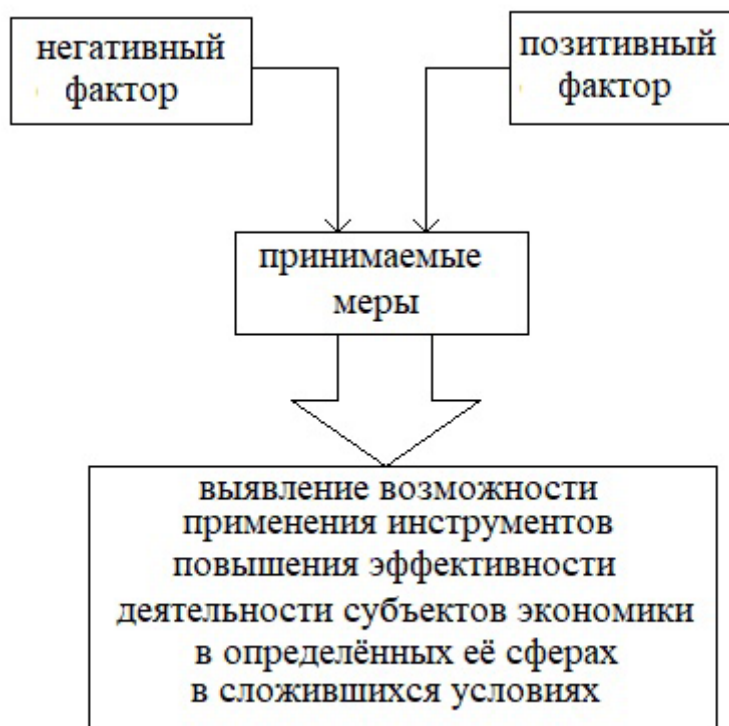

Рисунок 6 – Механизм выявления зон экономического роста под действием социально-экономических факторов [разработано автором]

Д. В. Зюкин считает, что в ближайшее время “продолжится изоляция общества и переход жизни в Интернет: все больше мероприятий будет проводиться онлайн, отменятся крупные ярмарки, спектакли, лекции, закроются торговые центры, покупки будут также осуществляться преимущественно через интернет. Преобладать будет работа на дому и оказание услуг онлайн...” [4, с.80]. Стоит отметить, что в дальнейшем, после выхода из кризиса российской экономики в связи с COVID-19 и её стабилизации, с одной стороны, переход организаций в сферу онлайн может оказать положительный социально-экономический эффект при условии преобладания пользы и эффективности в работе, с другой – морально-этической [20]. Учитывая специфику отечественного, коллективного менталитета, необходимости в «живом» общении граждан (особенно в образовательной сфере, так как, по мнению автора, дистанционное обучение не сможет заменить «живое» получение знаний от преподавателей и наставников с большим «багажом» знаний и опыта), необходимо в отдельных отраслях оставить очную форму обучения и труда. Также, как отмечает лауреат нобелевской премии по экономике Р. Талер, человек не всегда склонен действовать рационально с точки зрения прагматичного выбора и предпочитать лучшие условия существования, (работы, жизни, возможности) материальным благам [21].

Выводы. На основании проведённого исследования, можно сделать следующие выводы:

– С одной стороны, эпидемиологическое и социально-экономическое положение в России в связи с COVID-19 на данном этапе остаётся сложным, так как пик заболеваемости не пройден, однако отмечается его «плавное» течение за счёт оперативного и своевременного государственного

реагирования;

– экономический спад неизбежен, так как в рабочий процесс включены только структурообразующие сферы экономики с целью максимального разобщения граждан и в связи с глобальным падением цен на нефть;

– за счёт своевременно принятых государственных мер по социально-экономической поддержке всех сфер экономики РФ (в том числе наиболее уязвимых), экономический спад в России может быть минимизирован и, в дальнейшей перспективе, последовать по благоприятному сценарию экономического развития страны. При помощи активного использования ИКТ стало возможно обеспечение государственных мероприятий, которые предотвратили коллапс в работе структурообразующих предприятий и учреждений, в том числе и образовательных.

– С другой стороны, наблюдается рост использования цифровых информационно-коммуникационных технологий для дистанционного обучения и работы организаций в сложившихся условиях с COVID-19.

Научная новизна. Выявлено, что меры по предотвращению негативных последствий распространения пандемии позволили определить ранее не задействованные сферы экономики («зоны» экономического роста), применение в которых цифровых технологий повышает производительность труда в них, что в перспективе будет целесообразным дальнейшее их внедрение и использование. В рамках междисциплинарного подхода разработан, описан и предложен механизм повышения темпов экономического роста за счёт выявления ранее не задействованных «зон» экономического роста и применения в них информационно-коммуникативных технологий. Данное исследование носит фундаментальный характер, результаты которого могут быть использованы при разработке программ социально-экономического развития и совершенствования материально-технической базы производств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриев М. / М. Дмитриев // Россия 2020: демографические вызовы экономическому росту // Россия 2020: демографические вызовы экономическому росту // Экономическая политика. - №2 2007.208 с. Режим доступа: по подписке. – URL:<https://pda.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=574241&sr=1>Мазнева

2. Реус С. П. Предпосылки возникновения новых теорий экономического роста // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2019. – № 2. – с. 75–90. URL: <http://sn-ecomana.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/05/75-90.pdf> (дата обращения: 14.03.2020)

3. Мазнева Д. В. Влияние COVID-19 на отрасль авиаперевозок // Сборник трудов конференции «Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия, достижения» 2020. – с.82-87. URL: (дата обращения: 29.04.2020)

4. Зюкин Д. В. COVID-19 или рестарт экономики / Наука и практика регионов. – 2020. – №1 (18). – с. 74-80.

5. Асемоглу Д. Введение в теорию современного экономического роста : учебник : в 2 кн. / Д.Асемоглу ; пер. с англ. под науч. ред. К. Сосунова ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва : Дело, 2018. – Книга 2. – 737 с.: граф. – (Академический учебник). – Режим доступа: по подписке. – URL:<http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=563271>(дата обращения: 21.04.2020)

6. Корсакова Е. А. Механизм государственного регулирования экономического роста // Economics 2016. № 5 (14). С. 6–8.

7. Карта распространения коронавируса в России и мире [электронный ресурс] / Яндекс

Карты. URL: <https://yandex.ru/web-maps/covid19?ll=41.775580%2C54.894027&z=3> (дата обращения: 12.05.2020)

8. Совещание членами Правительства от 1 апреля 2020 года [Электронный ресурс] / Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63123> (дата обращения: 20.04.2020)

9. Указ Президента от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Электронный ресурс] / «Государственная система правовой информации». URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020025> (дата обращения: 20.04.2020)

10. Курс цен на фьючерсы нефти Brent распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Электронный ресурс] / banki.ru. URL: <https://www.banki.ru/quotes/brent/> (дата обращения: 21.04.2020)

11. Динамика курса рубля по отношению к доллару США [Электронный ресурс] / banki.ru. URL: <https://www.banki.ru/products/currency/usd/> (дата обращения: 22.04.2020)

12. Совещание главами регионов по борьбе с распространением коронавируса в России [Электронный ресурс] / Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63176> (дата обращения: 20.04.2020)

13. Меры поддержки малых и средних предприятий [электронный ресурс] / СТОПКОРОНОВИРУС.РФ. – URL: stopkoronavirus.rf/what-to-do/business/ <https://www.rosminzdrav.ru/news/2020/03/19/13553-rossiyskim-uchenym-udalos-sekvenirovat-polnyu-genom-koronavirusa> (дата обращения: 20.04.2020)

14. Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism and Democracy. – Routledge London and New York. – 2003. – 437 p.

15. Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник. / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова, М. – Рольф. – 2001. – 640 с.

16. Удельный вес организаций, использовавших глобальные информационные сети, в общем числе обследованных организаций, по видам экономической деятельности [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: [https://www.gks.ru/storage/mediabank/it5\(1\).xls](https://www.gks.ru/storage/mediabank/it5(1).xls) (дата обращения: 29.04.2020)

17. Борщ Л. М., Жарова А. Р. Методология развития человеческого капитала с позиций цифровой экономики // Креативная экономика. – 2019. – № 11. – с. 2141-2158. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.13.11.41351> (дата обращения 29.04.2020)

18. Коронавирус катализировал применение цифровых технологий [электронный ресурс] / NEWS.RU. URL: https://news.ru/society/ekspert-koronavirus-kataliziroval-primenenie-cifrovyyh-tehnologij/?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 20.04.2020)

19. Дейвис Дж. Онтогенез. От клетки до человека / Пер. с англ. Т. Матешиной, Н. Ленцман. — СПб.: Питер, 2017. — 352 с.: ил. — (Серия «New Science»). URL: <https://books.google.com/books?id=vRGLDQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

20. Реус С.П. Этические вызовы научно-технического развития России / С.П. Реус // .Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов II научной конференции / гл. ред. О. А. Габриелян. — Симферополь : ООО «Антиква» . – 2019. – с. 90-97.

21. Thaler Richard H. Integrating Economics with Psychology [Электронный ресурс] / The Nobel Prize. URL:

<https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/advanced-economicsciences2017-1.pdf> (дата обращения: 20.04.2020)

СТЕЙКХОЛДЕРСКАЯ СТОИМОСТЬ: ПОНИМАНИЕ И ОЦЕНКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-410-660032 p_a

Злыгостев Александр Андреевич

аспирант,
кафедры «экономической теории и корпоративной экономики»
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,
г. Екатеринбург, Российская Федерация.
E-mail: letrus.alex@gmail.com

Аннотация: Цель: выявить смысл и расширить понимание стейкхолдерской стоимости и способов ее оценки. Обсуждение: В статье проведен научный обзор публикаций по определению понятия «стейкхолдерская стоимость». На основе материалов работы R. Tapaninaho изучены нарративы стейкхолдерской стоимости, а также источники по теме «определение стейкхолдерской стоимости». Обзорный список литературы расширен при помощи поиска публикаций по базам Cambridge Library по словосочетанию «stakeholder value» без ограничений по временному периоду. Результаты: Описаны основные взгляды на цели оценки стейкхолдерской стоимости. Выделены общие черты рассуждений в вопросах о сущности стейкхолдерской стоимости, описаны текущие тенденции развития способов ее оценки. Обобщено понимание и классификация подходов к оценке стейкхолдерской стоимости, предложено направление для практического применения стейкхолдерской стоимости.

Ключевые слова: корпоративное управление, стейкхолдеры, стейкхолдерская стоимость, подходы к оценке стейкхолдерской стоимости.

JEL: H21, H25;

STAKEHOLDER VALUE: UNDERSTANDING AND EVALUATION

A. Zlygostev

Postgraduate student of the Department of Economic Theory and Corporate Economics of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State Economic University»
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract: Purpose: to identify the meaning and expand the understanding of stakeholder value and its evaluation methods. Discussion: The article offers the review of the core scientific publications concerning “stakeholder value” theory. The narratives of stakeholder value are studied on the basis of R. Tapaninaho’s work; literature review on the “determination of stakeholder value” is presented. The list of references is expanded by the search in Cambridge Library databases with the use of «stakeholder value» keywords without any time restrictions. Results: The main views on the goals of stakeholder value assessment are described. Common features of the stakeholder value’s notion and its understanding by different authors are identified; current trends in stakeholder value’s evaluation and ways of its development are presented. Generalization of understanding and classification of the approaches to its assessing are given. Ways of stakeholder value’s practical application are proposed.

Keywords: corporate governance, stakeholders, stakeholder value, approaches to the evaluation of stakeholder value.

Введение

Актуальность темы данной статьи связана с развитием и изменением отношений между всеми действующими субъектами экономики вследствие расширения, усложнения и углубления их связей, созданием цифровых платформ, экосистем и взаимопроникновения интересов разнообразных и разнородных групп действующих лиц. Появляются «бесшовные бизнесы», бизнесы, в которых клиент получает комплексное обслуживание, взаимодействие сразу с несколькими контрагентами и часто

даже не задумывается об этом (онлайн-торговли, экосистемы банков/ телекоммуникаций/социальных сетей, услуги аэропорта), где ответственность перед клиентом несут сразу все участники сети создания стоимости. Появление новых черт и тенденций в бизнесе расширяет грани понимания стоимости, которая, в том числе и в свете экологических проблем стает все более «стейкхолдерской стоимостью», понять которую исследователи еще только пытаются. Клиент теперь отдает корпорациям не только свои деньги, как было привычно думать, а также свое внимание, свое время и свои персональные данные. Это тоже стоимость и это то, что клиент не привык считать, но то, что имеет свою ценность и является стейкхолдерской стоимостью, которую он отдает компании, с помощью которой они теперь получают прибыль (продажа данных о клиенте, маркетинговые кампании, исследование больших данных). В мире, где традиционные бухгалтерские оценки перестают учитывать усложнившиеся отношения, неизбежным становится переход к учету стейкхолдерских стоимостей. И, похоже, к их учету будут вынуждены перейти даже те, кто сознательно не собирался считаться со стейкхолдерской стоимостью.

Проблема: противоречие между стремлением и необходимостью корпорации учитывать стейкхолдерскую стоимость (для получения более полной картины деятельности организации, выстраивания взаимоотношений с заинтересованными сторонами) и непониманием того, как это можно делать. Отсутствует наработанный практикой инструментарий оценки стейкхолдерской стоимости. Для выработки инструментария необходимо прояснить, чем является «стейкхолдерская стоимость» и как ее понимать.

Объект исследования – стейкхолдерская стоимость, как абстрактно-теоретическая категория

Предмет исследования – понятие и возможности оценки стейкхолдерской стоимости

Цель статьи – прояснить понятие «стейкхолдерская стоимость» и подходы к оценке стейкхолдерской стоимости.

Поэтому мы представим обзор иностранных публикаций по проблеме определения понятия «стейкхолдерская стоимость». Иностранных, поскольку англоязычные авторы более активны в исследовании данного вопроса.

Задачи: 1) раскрыть исследовательские нарративы стейкхолдерской стоимости,

2) составить список иностранных источников для обзора по теме, 3) представить обзор по сформированным источникам, сделать выводы о сходствах и различиях в раскрытии темы, перечислить основные направления исследований, предложить обобщенный взгляд на природу стейкхолдерской стоимости.

Понятия «ценность» и «стоимость» в данной статье мы принимаем тождественными, поскольку в английском языке используется только «value», где перевод как «ценность» или «стоимость» обозначает одно и то же.

Рассмотрение темы будет начато с прояснения взглядов на цели оценки стейкхолдерской стоимости.

Исследовательские нарративы стейкхолдерской стоимости.

Прежде чем рассматривать обзор публикаций по теме «стейкхолдерская стоимость», необходимо дать общую картину подходов и проблемных полей стейкхолдерской стоимости. Это описание мы дадим с помощью большого и очень ценного обзора научной литературы в этой области, сделанным Риккой Тапанинахо (Rikka Tapaninaho) и Йоханной Куджала (Johanna Kujala) [15].

Эти исследователи, провели качественный контент-анализ 210 релевантных научных публикаций за последние 30 лет (приблизительно с 1990-х по 2019 гг) по теме «stakeholder value». В результате они пришли к выводу, что все эти публикации можно разделить на четыре главных нарратива, которые отличаются между собой взглядом на причину изучения стейкхолдерской стоимости, ее роль и подход к формированию целей для организаций в связи с ней.

В каждой категории исследований (подходе и исходных предпосылках) выделяются свои

нарративы (темы/направления исследований). Категории строятся по двум критериям:

1) На что должна ориентироваться стейкхолдерская стоимость (или с позиции чьих выгод должна рассматриваться стейкхолдерская стоимость). Предполагается 2 варианта: а) ориентация на фирму или б) ориентация на широкий круг стейкхолдеров.

2) Какова цель стейкхолдерской стоимости и сколько их должно быть? Рассматриваются 2 варианта: а) Цель одна – создание экономической стоимости, б) Цель – множественная, включающая не только создание экономической стоимости, но и другие.

		Главный выгодоприобретатель	
		Фирма (focal firm orientation)	Широкий круг стейкхолдеров (stakeholder orientation)
Главная ценность	Множественная стоимость (multi-value)	Focal firm orientation and multiple the value perspective Рассматривают создание стоимости в основном с точки зрения целевой фирмы, но признают социальные или экологические обязанности компаний в дополнение к созданию экономической ценности. (Focal firm orientation and multiple value perspective)	Stakeholder orientation and the multiple value perspective Рассматривают отношения фирмы и стейкхолдеров как кооперативные с широким взглядом на ценность. Хотя исследователи признали важность обеспечения благосостояния заинтересованных сторон и создания стоимости помимо экономических мер, основное внимание было уделено тем заинтересованным сторонам, которые вносят вклад в процессы создания стоимости организаций
	Экономическая стоимость (economic value)	Focal firm orientation and the economic value perspective Инструментальный взгляд на создание ценности для заинтересованных сторон. Стейкхолдеры – инструмент создания экономической стоимости фирмы.	Stakeholder orientation and the economic value perspective Акцентируют внимание на важности выстраивания отношений со стейкхолдерами с целью создания экономической стоимости для всех участников

Рисунок 1 – Категории исследований стейкхолдерской стоимости [составлено автором на основе материалов 15]

В каждом нарративе Тапанинахо и Куджала выделяют направления исследования. Данная статья относится к категории: «Stakeholder orientation and the multiple value perspective», поскольку мы рассматриваем определение стейкхолдерской стоимости и пути ее оценки/измерения, поэтому нами

учитываются все виды стоимостей (не только экономическая), для всех категорий стейкхолдеров (не только для собственников фирм и сотрудников).

В нашей категории, согласно работе R. Tapaniaho, выделяются направления исследования:

- 1) основания для ответственного делового поведения;
- 2) определение стоимости;
- 3) принципы и механизмы того, как создается стоимость.

Данная работа проведена в рамках второй исследовательской темы - «определение стоимости». Хотя нужно отметить, что определение стейкхолдерской стоимости тесно связано с познанием принципов и механизмов того, как создается стоимость, то есть с третьей исследовательской темой - «принципы и механизмы того, как создается стоимость».

Мы сделаем обзор того, как современные авторы понимают проблему определения стейкхолдерской стоимости.

Методы

Область научных интересов автора изначально принадлежала к изучению понятия стейкхолдерская стоимость и попыткам ее измерения и моделирования. Настоящий обзор публикаций состоял из следующих шагов:

1. В ходе исследований темы, была найдена и изучена статья Рикки Тапаниахо с ее классификацией, которая послужила базой, идейным (и мотивационным) источником для проведения расширенного научного обзора зарубежных авторов по нарративу «определение стейкхолдерской стоимости».

2. С помощью статьи Р. Тапаниахо был определен нарратив исследования, заимствованы ссылки на публикации в рамках направлений исследования, связанных с нарративом «определение стейкхолдерской стоимости».

3. Далее, список источников был расширен дополнительным поиском в Cambridge University Press и Google Scholar, по ключевым словам, «stakeholder value» без ограничений по периоду публикации.

4. Полученный общий список был исследован на наличие словосочетаний stakeholder value, изучены аннотации, введения и заключения статей. Статьи, в которых большее внимание было уделено определению стейкхолдерской стоимости были изучены более подробно, с выборочным чтением отдельных абзацев внутри основного текста. Статьи, затрагивающие стейкхолдерскую стоимость, но развивающие другие направления были изучены менее подробно (аннотация, введение, заключение, выборочное чтение предложений в некоторых абзацах).

5. В процессе изучения автор изложил основные моменты изученных работ в специальной таблице. Изложение было представлено с позиции нарратива определения стейкхолдерской стоимости.

6. По итогу таблицы были сделаны общие выводы о направлении развития теории и методологии оценки стейкхолдерской стоимости

7. Во взглядах изученных публикаций на классификацию и сущность стейкхолдерской стоимости автор нашел подтверждение теоретическим представлениям, выдвинутым в своей работе с соавторами ранее [21]. В этой статье также представил синтезированный и обобщенный взгляд на эту проблему.

Сбор и анализ исследований по определению и оценке стейкхолдерской стоимости.

Как было ранее сказано, базой для теоретического исследования стали публикации, перечисленные в работе Рикки Тапаниахо по нарративу Defining value (см. табл. 2) а также релевантные результаты поиска публикаций в Cambridge University Press по ключевым словам «stakeholder value» (табл. 3).

Таблица 2 – источники к анализу из статьи «Reviewing the Stakeholder Value Creation Literature: Towards a Sustainability Approach» [15]

Автор	Год публикации	Название статьи	Ссылка
Garriga E	2014	Beyond stakeholder utility function: stakeholder capability in the value creation process.	[4]
Judy Brown, Jesse Dillard	2015	Dialogic accountings for stakeholders: on opening up and closing down participatory governance	[1]
Hall et al.	2015	Who and what really counts? Stakeholder prioritization and accounting for social value	[6]
Mitchell et al.	2015	Stakeholder inclusion and accounting for stakeholders.	[13]
Mitchell et al.	2016	Stakeholder agency and social welfare: pluralism and decision making in the multi-objective corporation.	[12]
Strand et al.	2015	Stakeholder engagement in Scandinavia.	[14]
Harrison, Van der Laan Smith	2015	Responsible accounting for stakeholders	[7]
Griesinger	1990	The human side of economic organization	[5]
Ramirez	1999	Value co-production: intellectual origins and implications for practice and research	[11]

Таблица 3 - источники к анализу из базы публикаций Cambridge Press [24]

Автор	Год публикации	Название статьи	Ссылка
N. I. Fisher	2013	What is stakeholder value?	[26]
Ali M Shazard et al.	2016	Casting a wider performance net: The role of entrepreneurial orientation in boosting overall firm stakeholder value	[2]
Willis H. Henry, Russell Lundberg	2017	Integrating stakeholder values into strategic planning through comparative risk analysis	[2]
Jamshid C. Hosseini, Steven N. Brenner	1992	The stakeholder theory of the firm: a methodology to generate value matrix weights	[9]
S. Venkatarman	2001	Stakeholder value equilibration and the entrepreneurial process	[17]
Jeffrey S. Harrison Andrew C. Wicks	2015	Stakeholder theory, value, and firm performance	[8]
Leena Lankoski, N. Craig Smith	2016	Stakeholder judgments of value	[10]

После составления списка источников нами были изучены аннотации статей, а также их

содержание на упоминание словосочетания «stakeholder value». Результаты рассмотрения работ представлены в разделе «Результаты».

Результаты

Статьи, наиболее близкие к изучаемой в данной работе проблеме были исследованы более подробно, в итоге к каждой подходящей под тему нашего исследования статье мы составили свои примечания (см табл. 4).

Таблица 4 – Обзор работ, затрагивающих направление «Stakeholder Value Defining and measuring»

Авторы	Публикация	Суть
Jeffrey S. Harrison, Andrew C. Wicks	Stakeholder Theory, Value, and Firm Performance (2015)	<p>Пишут о том, что полезности/ценности для стейкхолдеров являются более сложными и заключаются не только в экономической стоимости. Пытаются рассмотреть понятие ценности исходя из фундаментальных имеющихся трактовок политэкономии.</p> <p>Теория заинтересованных сторон предоставляет подходящую линзу для рассмотрения более сложной перспективы ценности, которую ищут заинтересованные стороны, а также новых способов ее измерения.</p> <p>Авторы разрабатывают четырехфакторную перспективу для определения стоимости, которая выходит за рамки, экономической заинтересованности стейкхолдеров.</p> <p>Приводят и описывают 4 фактора своей модели создания стейкхолдерской стоимости:</p> <p>1) полезность для заинтересованных сторон, связанная с фактическими товарами и услугами, 2) полезность для заинтересованных сторон, связанная с организационной справедливостью, 3) полезность для заинтересованных сторон от аффилиации и 4) полезность для заинтересованных сторон, связанная с предполагаемыми альтернативными затратами.</p> <p>Чтобы подчеркнуть его особенность, сравнивают эту перспективу с тремя другими популярными перспективами производительности. В статье представлена таблица с ценностями для стейкхолдеров и возможными прокси-показателями их измерения.</p> <p>Убеждены, что стейкхолдерская теория предполагает кооперацию и сотрудничество, а не конфликт. Сотрудничество должно быть закреплено в управленческом мышлении несмотря на возможность конфликтов с теми, кто придерживается «теории агентства».</p> <p>Ссылаются на исследования с использованием коэффициента «эффективности взаимодействия стейкхолдеров»</p>
Leena Lankoski, N. Craig Smith	Stakeholder Judgments of Value (2016)	<p>Опираются на теорию перспектив, чтобы показать, как оценочные суждения заинтересованных сторон в решающей степени зависят от эталонного состояния, как существует несколько альтернативных эталонных состояний, которые могут действовать, когда заинтересованные стороны оценивают ценность, как выбор эталонного состояния для оценочных суждений заинтересованных сторон может происходить интуитивно или намеренно, и как уровень оперантного эталонного состояния может изменяться с течением времени, а также может быть неправильно воспринят заинтересованными лицами или менеджерами.</p> <p>В статье часто упоминается словосочетание stakeholder value, что говорит о целенаправленной работе по его прояснению.</p>

Авторы	Публикация	Суть
Garriga E	Beyond stakeholder utility function: stakeholder capability in the value creation process. (2014)	<p>Констатируют различные типы стоимости. Рассматривают вопросы: что означает «ценность» для конкретной группы стейкхолдеров? Как фирмы создают эти ценности/стоимости? Как измерять ценность, созданную заинтересованными сторонами?</p> <p>Цель статьи: ответить на вопросы из подхода Амаратьи Сена, который призван определять и измерять возможности заинтересованных сторон в процессе создания стоимости (stakeholder capability approach – SCA). Способность стейкхолдеров создавать стоимость скорее является концепцией благосостояния стейкхолдеров, а не концепцией функции полезности. И здесь есть разница в том, что концепция благосостояния более плюралистична, сложна, многогранна, чем концепция полезности. Например, концепция благосостояния признает различие мотивации субъекта во времени, его свободную волю, необязательность строго ранжирования выбора альтернатив. На примере эмпирического исследования группы компании с помощью стат. анализа выделены факторы, имеющие отношение к созданию ценности</p>
Hall et al.	Who and what really counts? Stakeholder (2015)	<p>Авторы говорят о широкой теоретизации стейкхолдерского подхода и о том, что организационной практике уделено существенно меньше внимания. Изучили проблему того, как внимание к стейкхолдерам отражается в системе учета и отчетности. Разбирают понятие «Социальные инвестиции»</p> <p>Также ставят проблему о разделении монетарных и немонетарных оценок стейкхолдерских стоимостей. В пример приводят исследования, где учитывались только монетарные оценки стейкхолдерской стоимости, а те, которые невозможно было посчитать, просто исключались. Также рассказывается и о втором исследовании, где людей напрямую спрашивают об их субъективной оценки.</p> <p>Для оценки «социальных результатов» для стейкхолдеров предлагают преобразование данных в финансовые ценности, затем эти монетарные значения можно агрегировать и определять социальные инвестиции.</p>
Ali M Shazard et al.	Casting a wider performance net: The role of entrepreneurial orientation in boosting overall firm stakeholder value (2016)	<p>Авторы пытаются проверить гипотезу о том, что предпринимательская ориентация фирмы увеличивает общую стоимость за пределами фирмы (стейкхолдерскую стоимость).</p> <p>В этом исследовании был проведен регрессионный анализ стейкхолдерской стоимости с помощью показателей, характеризующих фирму.</p> <p>Стейкхолдерская стоимость вычислялась с помощью рейтинга по 5 аспектам внимания к основным группам заинтересованных сторон: сообщества, разнообразия, сотрудников, продуктов, среды. С помощью этого рейтинга определяли стейкхолдерскую стоимость (по литературе Бермана, Вика, Котса 1999). Стат. анализ оценок. Данные для оценки стейкхолдеров брали из специальной базы KLD, которая занимается рейтингованием американских компаний с социальной точки зрения для инвесторов,</p> <p>Гипотеза тестируется на примере 1015 госпредприятий США с помощью эконометрики и элементов стат.анализа. Их анализ показывает неоднородную и расходящуюся связь между стейкхолдерской стоимостью и аспектами предпринимательской ориентацией компании (3 подфактора).</p>

Авторы	Публикация	Суть
Willis H. Henry and Russell Lundberg	Integrating Stakeholder Values into Strategic Planning through Comparative Risk Analysis (2017)	Возможно, первая и единственная публикация, говорящая о стейкхолдерах и анализе рисков (стейкхолдерских рисках). Признают, что определение стейкхолдерских рисков должно производиться по аналогии с определением приоритетности угроз национальной безопасности. При этом ценности заинтересованных сторон должны быть отражены на «наилучших имеющихся научных данных». Для достижения этого требуется два условия: 1) стейкхолдерские риск-оценщики должны быть осведомлены о точных количественных оценках любой необходимой информации, где это возможно и признавать неопределенность в отношении текущего состояния знаний. 2) субъективность оценочных суждений должна быть достоверным и надежным способом отражена, используя лучшие способы экспертного выявления (рекомендуется литература, идентифицирующая искажения восприятия рисков, которая разрабатывает методы для их выявления и устранения). Предлагают свою методику рэнкинга рисков с разработанными вспомогательными приложениями. Само сочетание stakeholder value встречается всего 2 раза: в заголовке и 1 раз в тексте. Т.е. авторы статьи сделали фокус на процедуру оценки рисков, но не на стейкхолдерскую стоимость и ее особенности.
Jamshid C. Hosseini and Steven N. Brenner	The stakeholder theory of the firm: a methodology to generate (1992)	В статье предлагается многокритериальный подход к моделированию решений, связанных с заинтересованными сторонами. Моделирование заинтересованных сторон, по их мнению, можно делать с помощью матрицы заинтересованных сторон и валидации их ценностей. В процессе моделирования используются: аналитические иерархии, оценка весов матрицы. Подход предлагается на упрощенном примере для дальнейшего развития.
Mitchell et al.	Stakeholder inclusion and accounting for stakeholders. (2015)	Считают, что включение заинтересованных сторон в процесс принятия организационных решений и вытекающая из этого проблема создания стоимости является одной из острых проблем, которые теория заинтересованных сторон стремилась решить. Также полагают, что прогресс был медленным, поскольку нынешняя теория и практика бухгалтерского учета не учитывают потребности в принятии решений всех заинтересованных сторон, подвергающихся риску в связи с деятельностью организаций. В статье разрабатывают трансдисциплинарную теорию учета заинтересованных сторон для создания стоимости (value creation stakeholder accounting = VCSA), основанную на распределении рисков между заинтересованными сторонами в качестве превосходного обоснования для включения заинтересованных сторон. Представляют партнерства заинтересованных сторон (VCSP) для создания стоимости как перспективный механизм для реализации VCSA. VCSA получен из слияния бухгалтерского учета, создания стоимости / предпринимательства и теории заинтересованных сторон, а механизм VCSP возникает из разграничения между соглашением о правах собственности (партнерстве) и соглашением об организациях (корпорацией). Связывают процесс создания стейкхолдерской стоимости, его учета и стейкхолдерские риски.

Авторы	Публикация	Суть
Mitchell et al.	Stakeholder agency and social welfare: pluralism and decision making in the multi-objective corporation. (2016)	Полагают, что стейкхолдеры и общественное богатство неразрывно связаны между собой. Поэтому авторы рассматривают социальное обеспечение, которое видят многогранной, многомерной, плюралистической концепцией. Разрабатывают учетную информацию о многоцелевой корпорации в качестве средства, позволяющего принимать более широкий спектр управленческих решений, чтобы обеспечить более прямое участие корпораций в разнообразных целях различных заинтересованных сторон. В ходе этого критикуют аспекты одноцелевых теорий корпоративного функционирования и утверждают, что можно избежать ключевого возражения против многоцелевых взглядов. Анализ авторов построен на основе структуры заинтересованных сторон, в которой корпоративные действия отражают результаты внутрикорпоративного «рынка». Они также полагают, что улучшение социального благосостояния более вероятно, когда внутрикорпоративные рынки между заинтересованными сторонами могут работать без каких-либо однозначных целей. Рассматривают многоцелевой подход в контексте концепций общественного богатства различных дисциплин. Приходят к выводу, что единого междисциплинарного понимания общественного благосостояния нет.

Общая интерпретация и обобщение результатов исследования источников представлены в разделе «Обсуждение».

Обсуждение

По результатам поиска и анализа публикаций, затрагивающих вопроса стейкхолдерской стоимости, необходимо отметить низкую активность русскоязычных авторов по исследованию данной проблемы: новые работы не появляются, а количество написанных на данный момент мы оцениваем как небольшое.

Англоязычных работ по проблематике больше, публикуются новые статьи и исследования, однако, и здесь их количество не сильно велико.

Примечательно то, что не во всех рассмотренных нами работах (как отечественных, так и англоязычных) существует единство понимания «стейкхолдерской стоимости»: «что это есть» и «как ее измерять». Однако, несмотря на это, есть общие моменты, которые это понимание позволяют синтезировать и расширить.

Одни авторы, видят в стейкхолдерской стоимости альтернативные экономические издержки стейкхолдеров (Ивашковская, Oubihl [20; 22]). Другие рассматривают стейкхолдерскую стоимость как субъективные оценки стейкхолдеров насчет взаимодействия с сетью стейкхолдеров (Aritz, Lankoski, Гугля [10; 18; 23]). Причем Гугля отвергает монетарную оценку стейкхолдерской стоимости и прямо об этом говорит (на наш взгляд весьма поспешно).

Есть также попытки построить концепцию “stakeholder value added”, которая по сути считает возврат инвестиций (ROI) на стейкхолдеров (Figge F. [3]), этот взгляд уже исходит из Focal firm orientation and the economic value perspective.

Ряд авторов утверждает, что стейкхолдерская стоимость не может быть выражена одним показателем, а что это есть множественная цель [15]. В связи с этим стейкхолдерскую стоимость некоторые называют мульти-стоимостью или multiple-value. Исследователи, придерживающиеся этого взгляда, отвергают возражения насчет сложности выбора альтернатив и настаивают именно на множественности цели, в противовес концепциям максимизации какого-либо одного показателя.

Вопреки разнообразию подходов и взглядов, проявляется общая картина того, как подходить к

изучению стейкхолдерской стоимости.

Во-первых, необходимо отметить, что стейкхолдерскую стоимость можно пытаться моделировать и оценивать с помощью как объективных, так и субъективных методов.

Объективные методы заключаются, как правило, в использовании количественных (часто монетарных) параметров, которые выражают величину созданной или распределенной стейкхолдерской стоимости. Для таких подсчетов могут использоваться как прямые данные бухгалтерского, управленческого и финансового учета, так и оценочные денежные (монетарные) величины нефинансовых ценностей (например, оценка отношений внутри коллектива сотрудников, оценка интеллектуального капитала компании и т.д.)

Субъективные методы основаны на оценивании стейкхолдерами ценностей, которые они отдают и получают, так, как они себе это представляют, с помощью анкетирования, опросов.

Во-вторых, измерение стейкхолдерской стоимости можно разделить на монетарные и немонетарные подходы.

Монетарная стейкхолдерская стоимость – это стейкхолдерская стоимость, выраженная в денежном выражении

Немонетарная стейкхолдерская стоимость – это стейкхолдерская стоимость выраженная в отличном от денежного измерении (например, в баллах, кол-ве, объеме чего-либо в т.ч. натуральном)

Предположительно, монетарная оценка должна быть объективной, а немонетарная субъективной. Однако на деле это далеко не всегда так. Немонетарные показатели могут быть объективными. А монетарные субъективными. Например, объем выбросов углекислого газа – это натуральный показатель, который является немонетарным на самом деле объективен. Другой пример, стейкхолдер-сотрудник может назвать минимальную желаемую оплату труда для перехода на другое место работы; при прочих равных разница между новой и старой зарплатой будет являться его субъективной оценкой стоимости его действий по уходу с прежней работы и усилиям по адаптации к работе в новом месте. Это будет субъективная монетарная оценка.

Таким образом, субъективность / объективность и монетарность /немонетарность стейкхолдерских стоимостей – есть разные категории, которые могут вступать друг с другом в различные комбинации. Хотя, на первый взгляд, могло показаться, что монетарные оценки имеют дело только с объективной стейкхолдерской стоимостью (выгоды стейкхолдеров, полученные из бухгалтерских/финансовых отчетов), а немонетарные только с субъективной (рейтинги и баллы ценностей, полученные в ходе опросов стейкхолдеров).

J. S. Harrison и A. C. Wicks пытаются начать с более фундаментального: прояснить само понятие «стоимость», в том числе и на основе политэкономического понимания термина (см. табл. 5), затрагивая область метафизики и философии.

Таблица 5 – Различные понимания понятия «ценность»

Вид ценности	Суть ценности
Ценность в обмене	Ценность основана на том, сколько данного товара находится в обмене на рынке (Неоклассическая экономика). Ценность является договорной и субъективной.
Ценность использования	Ценность основана на субъективной оценке того, сколько предмет стоит для конкретного человека; может быть невидимой для других и варьироваться от нуля до почти бесконечного значения.
Стоимость труда	Стоимость основана на том, сколько труда потребовалось для создания предмета (например, Давид Рикардо; Карл Маркс; классическая экономика). Ценность здесь определяется независимо от индивидуальных предпочтений и определяется качеством, присущим объекту (трудом).

Вид ценности	Суть ценности
Стоимость производства	Стоимость основана на общих затратах, связанных с производством предмета (например, таких как стоимость труда, но с добавлением других связанных затрат на производство предмета). Как и в случае стоимости труда, стоимость устанавливается независимо от индивидуальных предпочтений.
Внутренняя и Внешняя ценность	Один из способов думать о ценности заключается в том, является ли она внутренней или неотъемлемой особенностью какого-либо предмета, или же это просто средство для какого-либо другого блага (то есть, внешнего). Большинство товаров на рынке являются «внешними». Бутерброд хорош для удовлетворения моего голода; деньги помогают мне чувствовать себя важными или защищенными - оба являются «внешними» товарами. Однако некоторые вещи хороши сами по себе. Кант называет добрую волю неотъемлемым добром; Добродетели также можно квалифицировать как неотъемлемый товар.
Субъективный и Объективная ценность	С различием между внутренним и внешним благом связан контраст между субъективным и объективным понятиями ценности. Хотя существует множество способов определения обоих терминов, субъективное обычно относится к оценке личности и того, что им нравится, в то время как объективное относится к норме, действующей между людьми или на более высоком уровне анализа (например, универсальная мораль норма; социальная ценность; право человека).

Мы предполагаем, что стейкхолдерская стоимость может включать в себя все перечисленные в таблице 5 подходы к стоимости.

Часть авторов пробуют рассматривать стейкхолдерскую стоимость (и процесс ее создания) в контексте теорий благосостояния и концепции полезности, указывая на различия между ними (Garriga, Mitchel [4; 12]). Понимание стейкхолдерской стоимости через теорию благосостояния более широкое, чем через концепцию полезности. Однако в теории благосостояния нет единого взгляда на то, что им является (что есть благосостояние? Здесь же древний философский вопрос, рассматривавшийся античными мыслителями, в том числе Платоном «что есть благо?»).

J. S. Harrison и A. C. Wicks пытаются предложить свои методики, подходы и модели, а также рекомендации по показателям к определению стейкхолдерской стоимости [8]. Их четырех факторная модель стейкхолдерской стоимости использует наработки коллег из других исследований.

J. Hosseini и Brenner [9] представляют матричную методику многокритериального моделирования решений по стейкхолдерской стоимости.

Исследователями подчеркивается низкий уровень внимания к организационной практике стейкхолдерского подхода и стейкхолдерской стоимости и большой уровень теоретизации, в чем мы соглашаемся.

Есть констатация проблемы учета интересов стейкхолдеров в регулярной отчетности: стандартные формы бухгалтерского и финансового отчета не удовлетворяют интересам всех стейкхолдеров, поскольку не раскрывают значимой для них информации [13]. Более того, бухгалтер не позволяет учитывать интересы стейкхолдеров и подвергает их (включая организацию) риску при принятии решений. Предпринимаются попытки предложить новую модель отчетности VCSA, эта модель связывается с учетом стейкхолдерских рисков.

В анализе стейкхолдерской стоимости применяются также эконометрические методы и статистический анализ. В работе [2] стейкхолдерская стоимость аппроксимируется с помощью рейтингов по 5 аспектам внимания к заинтересованным сторонам, базой для оценок послужили данные агентства KLD, выпускающий Global Sustainability Index (GSI).

Появляются первые работы [13; 25], которые пытаются совместить стейкхолдерский подход,

стейкхолдерскую стоимость и управление рисками, в оборот вводится термин «стейкхолдерские риски».

Попытка моделирования стейкхолдерской стоимости с использованием эконометрического анализа была предпринята нами в совместных работах с И. Н. Ткаченко и И. В. Первухиной [16; 21].

В целом в рамках исследовательского направления по определению «что есть стейкхолдерская стоимость», авторы почти единогласно отвергают одноцелевую модель и говорят о необходимости учитывать множественность целей.

Все это вышесказанное, а также обзор научных публикаций по проблематике приводит нас к тому, что стейкхолдерская стоимость не сводится к какому-либо одному аспекту, а вместо этого является многогранным понятием. Его можно и нужно оценивать с разных позиций: с позиции традиционных экономических выгод (и/или альтернативных экономических издержек), а также с позиции неэкономических выгод. И для более полного понимания стейкхолдерской стоимости, ее необходимо рассматривать с позиции взгляда всех групп стейкхолдеров.

Заключение

Данная статья дает общий обзор публикаций по нарративу «определение стоимости» в рамках исследования стейкхолдерской стоимости, для систематизации и обобщения основных черт исследований в этой области.

Публикации по теме «определение стейкхолдерской стоимости» имеются в очень малом количестве: в основном это англоязычные источники, российских работ существенно меньше (их обзор был сделан ранее [19]). Внимание к теме у зарубежных авторов не угасает, поэтому среди них появляются новые статьи, среди российских исследователей такой активности в последнее время не наблюдается.

По итогу анализа публикаций можно сказать о прояснении общей картины в том, что понимать под стейкхолдерской стоимостью (ее монетарные/немонетарные, субъективные/объективные оценки), но по-прежнему нет единого понимания как учитывать в ней разнонаправленность интересов участников. Нет единого понимания того, чем должна быть сумма стейкхолдерских стоимостей, возможно ли к ней прийти, чем она должна быть? Можно ли как-то агрегировать в одно число стейкхолдерскую стоимость так, чтобы она отражала всю созданную определенной, заранее определенной сетью стейкхолдеров стоимость? Причем так, чтобы это число было общим, учитывало противоречивые ситуации, когда стоимость от одних стейкхолдеров переходит к другим? Как исключить повторный счет? Можно ли считать стейкхолдерскую стоимость по аналогии с ВВП? Будет ли тогда это уже сумма стейкхолдерских стоимостей сети стейкхолдеров? Какие подходы могут быть использованы для разрешения противоречий при учете разнонаправленных интересов? Говоря о стейкхолдерской стоимости как о «ВВП сети стейкхолдеров» с большой вероятностью речь идет именно о монетарном выражении стейкхолдерской стоимости, и где немонетарные оценки переведены условно в монетарные. То есть даже если считать «ВВП сети стейкхолдеров», то это по-прежнему будет очень условная оценка. Может ли «выручка» компании быть показателем, характеризующим «ВВП сети стейкхолдеров» или «общую стейкхолдерскую стоимость организации. В чем смысл считать стейкхолдерскую стоимость «по-особому», а не использовать показатель «выручки»? Много вопросов, на которые ответа пока нет. И вопросы это сугубо теоретические и метафизические. Хотя продвижение в понимании «стейкхолдерской стоимости» есть и даже предлагаются методы ее измерения, оценивания, исследования.

Изучение стейкхолдерской стоимости идет сразу по нескольким направлениям: это ее интеграция с рисками, и ее интеграция с системой отчетности. Корни стейкхолдерской стоимости уходят в политэкономия и философские взгляды на стоимость, ценности и на то, чем она должна являться и как распределяться. Базовые взгляды на такие фундаментальные вопросы определяют то,

как исследователь будет подходить к изучению проблемы.

Необходимо накопление разнообразного опыта оценки и моделирования стейкхолдерской стоимости с использованием разнородной информации, включая ее разные источники, и обобщение методов работы с ней. Эта работа всегда будет неполной, а информация разнородной. Умение систематизировать данные и привести их к единому и произвольному виду будет очень важным для построения моделей стейкхолдерской стоимости и отчетов о ней.

Разработка способов оценки стейкхолдерской стоимости и связанных с ней стейкхолдерских рисков позволит глубже, всестороннее и достовернее учитывать окружение компании и принимать более взвешенные управленческие решения.

Взгляд на суть процесса создания стоимости, только как отчуждение труда (марксизм) или(и) только как на максимизацию акционерной стоимости становится устаревшим и неактуальным в контексте стейкхолдерского подхода и развития идей стейкхолдерской стоимости. Процесс создания стоимости – это взаимовыгодное сотрудничество всех заинтересованных сторон. Важно помнить, что в нем неизбежно происходит перераспределение созданной стоимости и поэтому всегда будет актуальным вопрос о распределении выгод между участниками сети в соответствии с их вкладом. Именно поэтому вопрос оценки стейкхолдерской стоимости вместе с экономической значимостью, приобретает также этическую актуальность и обостряет ее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brown J.; Dialogic accountings for stakeholders: on opening up and closing down participatory governance / J.; Brown, J. Dillard // *Journal of Management Studies*. – 2015. – P.961-985.
2. Casting a wider performance net: The role of entrepreneurial orientation in boosting overall firm stakeholder value / A.M. Shahzad [et al.] // *Journal of Management & Organization*. – 2016. – Vol.22. – №2. – P.272-290.
3. Figge F. What is stakeholder value? Developing a Catchphrase Into a Benchmarking Tool / F. Figge, S. Schaltegger // *Universität Lüneburg*. – 2000.
4. Garriga E. Beyond stakeholder utility function: stakeholder capability in the value creation / E. Garriga // *Journal of Business Ethics*. – 2014. – P.489-507.
5. Griesinger D.W. The human side of economic organization / D.W. Griesinger // *The Academy of Management Review*. – 1990. – Vol.15. – №3. – P.478-499.
6. Hall M.; Who and what really counts? Stakeholder prioritization and accounting for social value / M.; Hall, Y. Millo, E. Barman // *Journal of Management Studies*. – 2015. – P.907-934.
7. Harrison J.S.. Responsible accounting for stakeholders / J.S.. Harrison, J. van der L. Smith // *Journal of Management Studies*. – 2015. – Vol.52. – №7. – P.935-959.
8. Harrison J.S.. Stakeholder theory, value, and firm performance / J.S.. Harrison, A.C. Wicks // *Business Ethics Quarterly*. – 2013. – Vol.23. – №1. – P.97-124.
9. Hosseini C.J. The stakeholder theory of the firm: a methodology to generate value matrix weights / C.J. Hosseini, N.S. Brenner // *Business Ethics Quarterly*. – 1992. – Vol.2. – №2. – P.99-119.
10. Lankoski L. Stakeholder judgments of value / L. Lankoski, S.N. Craig; // *Business Ethics Quarterly*. – 2016. – Vol.26. – №2. – P.227-256.
11. Ramirez R. Value co-production: intellectual origins and implications for practice and research / R. Ramirez // *Strategic Management Journal*. – 1999. – Vol.20. – №1. – P.49-65.
12. Stakeholder Agency and Social Welfare: Pluralism and Decision Making in the Multi-Objective Corporation / K.R. Mitchell [et al.] // *Academy of Management*. – 2016. – Vol.41. – №2.
13. Stakeholder inclusion and accounting for stakeholders. / K.R. Mitchell [et al.]. – 2015. – P.851-877.
14. Strand R. Scandinavian Cooperative Advantage: The Theory and Practice of Stakeholder Engagement

in Scandinavia / R. Strand // *Journal of Business Ethics*. – 2015. – Vol.127. – №1. – P.65-85.

15. Tapaninaho R. Reviewing the Stakeholder Value Creation Literature: Towards a Sustainability Approach / R. Tapaninaho, J.; Kujala // *Social Responsibility and Sustainability*. – 2019. – P.3-36.

16. Tkachenko I.N. Modeling the contribution and benefits of company stakeholders / I.N. Tkachenko, I. V Pervukhina, A.A. Zlygostev // *Управленец*. – 2020. – №2. – P.2-15.

17. Venkataraman S. Stakeholder value equilibration and the entrepreneurial process / S. Venkataraman // *Darden Business School Working Paper*. – 2001.

18. Гугля А.А. Стейкхолдерский подход к обеспечению устойчивого развития бизнеса / А.А. Гугля // *Вестник НГИЭИ*. – 2015. – P.33-36.

19. Злыгостев А.А. Современные тенденции теории стейкхолдерской стоимости. Оценка вклада стейкхолдеров / А.А. Злыгостев // *Актуальные проблемы развития корпоративного управления в бизнесе*. – Екатеринбург: УрГЭУ, 2018.

20. Ивашковская И.В. Система интегрированного управления стоимостью компании / И.В. Ивашковская. – 2010. – P.230.

21. Ткаченко И.Н. Оценка вклада стейкхолдеров в стоимость компании: пример российского банковского сектора / И.Н. Ткаченко, А.А. Злыгостев // *Управленец*. – 2018. – Vol.8. – №4. – P.40-52.

22. Oubihi J. The Stakeholder Value: Contributions and Limitations / J. Oubihi, A. Elouidani // *International Journal of Business and Social Science*. – 2016. – Vol.7. – №4. – P.86-90.

23. Stakeholder Value-Linked Sustainability Assessment: Evaluating Remedial Alternatives for the Portland Harbor Superfund Site, Portland, Oregon, USA / S.E. Apitz [et al.] // *Integrated Environmental Assessment and Management*. – 2017. – Vol.14. – №1. – P.43-62.

24. Cambridge Press [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cambridge.org/core/> (дата обращения: 24.02.2020).

25. Henry W.H.. Integrating stakeholder values into strategic planning through comparative risk analysis / W.H.. Henry, R. Lundberg // *Improving Homeland Security Decisions*. – Cambridge University Press, 2017. – P.32-53.

26. N. I. Fisher. What is stakeholder value? / N. I. Fisher // *Analytics for Leaders*. – Cambridge University Press, 2013. – P.35-39.

ОТКЛИК НА ОТЗЫВ КУЗНЕЦОВА А.В. ПО СТАТЬЕ ПРИМЫШЕВА И.Н. «ФАКТОРЫ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И РАЗВИТИЯ»

Примышев Игорь Николаевич

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Крымский Федеральный университет»,
кафедра экономической теории,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: igor.primyshev@yandex.ru

Аннотация: Дается отклик на отзыв Кузнецова А.В., по статье Примышева И.Н. «Факторы и современные модели экономического роста и развития». Автором затронута актуальная проблема распространения в мире COVID-19, который приводит к неожиданным и критическим последствиям для мировой экономики. Сделан вывод о том, что судьба мировой экономики в долгосрочном периоде находится в области сбалансированного выбора, основанного на необходимости восстановления её «гиперсвязанности» и выбора правильной модели экономического роста и развития.

Ключевые слова: экономический рост, модели пандемия, COVID-19, эффективное развитие, глобализация.

JEL: O10, F63, E02

RESPONSE TO THE REVIEW OF KUZNETSOV A.V. ON THE ARTICLE BY PRIMYSHEV I. N. «FACTORS AND MODERN MODELS OF ECONOMIC GROWTH AND DEVELOPMENT»

Prismyshev Igor Nikolaevich,
Candidate of Economic Sciences, Docent,
Associate Professor, Department of Economic Theory, Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation

Abstract: a response is given to the review of Kuznetsov A.V., according to the article by Primyshev I. N. «Factors and modern models of economic growth and development». The authors touched upon the most pressing problem of the spread of COVID-19 in the world, which leads to unexpected and critical consequences for the world economy. It is concluded that the fate of the world economy in the long term is in the area of balanced choice, based on the need to restore its «hyperconnectedness» and choose the right model of economic growth and development.

Keywords: economic growth, pandemic models, COVID-19, effective development, globalization.

Для начала хотелось бы поблагодарить Алексея Владимировича за внимание, работу над моей статьей и представление отзыва по ней в редакцию журнала «Теоретической экономики». Наряду с этим было бы невежливым оставить без ответного внимания замечания в рецензии Алексея Владимировича. Потому в пояснение к отдельным из таких скажу несколько слов.

В нашей статье мы комплексно исследовали факторы и современные модели экономического роста и развития. На основе теоретических подходов и реалий мирохозяйственной практики выделены ключевые критерии эффективности национального развития. Рецензент Алексей Владимирович, справедливо пишет о серьезной проблеме институционального характера, затронутой в нашей статье и отмечает, что мы аргументируем данное высказывание не вполне корректной классификацией стран на развитые, переходные и развивающиеся экономики согласно соответствующей классификации ООН и ее специализированных институтов – МВФ и Всемирного банка.

Алексей Владимирович отмечает следующее: автор справедливо указывает на диссонанс, существующий между традиционным восприятием западных экономик как свободной рыночной системы и фактическим непосредственным вмешательством государства в развитие отдельных (приоритетных или социально значимых) сфер и отраслей, что характерно для наиболее развитых экономик, прежде всего США и стран Западной Европы [2]. Для раскрытия данного аспекта рецензент Алексей Владимирович считает, что необходимо более подробно остановиться на примерах подобного вмешательства и рассмотреть ряд реальных механизмов (отличных от декларируемых), позволяющих странам Запада занимать высокие позиции в мировой экономической иерархии. Следует отметить, что мы согласны с замечанием рецензента Алексея Владимировича, примеры более четко покажут вмешательство государства и можно будет изучить последствия.

Рецензент Алексей Владимирович делает вывод о том, что достижение социального прогресса является многофакторной производной от успешного государственного посредничества между учетом элитарных групповых интересов и запросов, и предпочтений основной массы электората [1]. При этом разработчики национальных экономических стратегий, адаптируясь к классическим моделям экономического развития, должны ориентироваться на национальный менталитет, национальную генетику и специфику институциональной среды. В связи с вышеизложенным, теоретически значимым представляется авторское предположение о необходимости перехода от «моделей открытой экономики», основанных на рыночной саморегуляции, к моделям, в которых международная открытость опирается на действующие регулирующие функции государственного управления, что приобретает особую актуальность в условиях обострения мирового общесистемного кризиса, вызванного пандемией коронавируса COVID-19 [2].

Рецензент Алексей Владимирович затрагивает актуальную проблему распространения в мире COVID-19, который приводит к неожиданным, критическим и иногда трагичным последствиям. Пандемия коронавируса и карантинные меры по ее сдерживанию оказали резкое и масштабное шоковое воздействие на мировую экономику: спад производства станет самым глубоким со времен Второй мировой войны. В условиях пандемии страны идут на разрыв транспортных, экономических, социальных коммуникаций, поскольку это единственно возможный путь борьбы с вирусом в краткосрочном периоде. Дезинтеграция субъектов глобального мира принимает характер «триумфа национализма»: принимаются национальные запреты на экспорт предметов медицинского назначения, страны прибегают к собственным стандартам карантина на фоне локализованной нехватки и случайных, примитивных подходов к сдерживанию инфекции [3]. Италия вынужденно обращается за помощью в Китай, в Россию, но не в Евросоюз [4]. В разгар пандемии благотворительную помощь США предлагает китайский бизнес: один из основателей Alibaba, миллиардер Джек Ма, готов пожертвовать 500 000 наборов для тестирования и один миллион масок [5]. Российская Федерация, будучи под американскими экономическими санкциями, которые поддерживают страны Евросоюза, приходит на помощь в преодолении коронавируса стране-члену ЕС Италии. 22-24 марта Россия отправила в охваченную эпидемией Италию 15 военно-транспортных самолётов Ил-76, которые доставили отряд высококвалифицированных вирусологов, эпидемиологов, мобильные комплексы с оборудованием для диагностики и проведения дезинфекций, лекарства, антисептики.

Следовательно, судьба мировой экономики в долгосрочном периоде находится в области сбалансированного выбора, основанного на необходимости восстановления её «гиперсвязанности» и выбора правильной модели экономического роста и развития. В этом выводе мы полностью согласны с уважаемым рецензентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Примышев И.Н. Факторы и современные модели экономического роста и развития // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», – 2020. – № 4. – С. 53-61.

2. Кузнецов А.В. Отзыв на статью Примышева И.Н. «Факторы и современные модели экономического роста и развития» // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. – № 7(67).
3. Малова Т.А. О чём сигнализируют парадоксы глобальной экономики // Вестник МГИМО-Университета, – 2020. – 13(3). – С. 225-242
4. Bloomberg New Economy. Covid-19 Might Kill Globalization. 2020. URL: <https://www.bloomberg.com/markets/economics>. (accessed 23.07.2020).
5. Farrell H., Newman A. Will the Coronavirus End Globalization as We Know It? // Foreign Affairs. – 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-16/will-coronavirus-end-globalization-we-know-it> (accessed 24.07.2020)

СЛОВО О ВАСИЛИИ ИВАНОВИЧЕ КОРНЯКОВЕ

14 августа – навсегда останется для многих из нас прискорбной и неутешительной датой, когда Мир потерял Выдающегося Человека, Великого Ученого – д.э.н., профессора **Корнякова Василия Ивановича...**

Несмотря на весьма почтенный возраст, уход Василия Ивановича стал неожиданным и очень болезненным. Он до последнего жил наукой, желанием оставить после себя как можно больше работ, идей и мыслей. Старался каждый раз быть более понятным. Планировал еще многое успеть для нас сделать!

Василий Иванович, будучи моим научным руководителем является соавтором не только образовательной, но и жизненной траектории. Разглядев на втором курсе во мне потенциал, Василий Иванович открыл для меня мир науки и интересных людей. Конечно, понимание того, как мне повезло завоевать внимание столь значимой фигуры, пришло не сразу.

Благодаря ему, еще в студенческие годы я была активным участником круглых столов А.И. Колганова и А.В. Бузгалина, автором журнала «Альтернативы»; участником международных конференций и круглых столов на экономическом факультете МГУ им. В.М. Ломоносова; выступала на секции у глубокоуважаемого Василием Ивановичем - Осипова Ю. М.; бывала на знаменитых семинарах Бабаева Б.Д.

Поскольку результаты научных исследований В.И. Корнякова в силу своей глубины, уровня абстракции и сложности рассматриваемого часто остаются понятыми не до конца, мне, как его ученице, было не всегда легко. Однако именно эта особенность в работе с Василием Ивановичем, его личный пример, воспитали во мне важную черту характера, характеризующуюся последовательностью и упорством в достижении целей или отстаивании взглядов, силу и твердость духа.

Очень требовательный, иногда жесткий, но всегда невероятно справедливый Василий Иванович, позже, на новом этапе наших отношений откроется для меня и всей моей семьи как невероятно добрый, мягкий, где-то ранимый, сопереживающий, заботливый и удивительно преданный.

Не хватает слов, чтобы выразить всю благодарность судьбе за нашу встречу и многолетний союз. Навсегда в моем сердце и памяти останется этот великий, неординарный, гениальный и по настоящему любимый человек. Эта потеря невосполнима...

Светлая Вам память, наш, Василий Иванович!

Вахрушева Наталья Андреевна,

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»